

**СТЭНЛИ
МИЛГРЭМ**

*С предисловием Филипа Зимбардо,
организатора Стэнфордского
тюремного эксперимента*

ПОДЧИНЕНИЕ АВТОРИТЕТУ

**НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД
НА ВЛАСТЬ
И МОРАЛЬ**

**ЭКСПЕРИМЕНТ,
БРОСИВШИЙ ВЫЗОВ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ**

*Классическое исследование
склонности человека следовать
приказам вне зависимости
от их опасных последствий.*

Майкл Дирла,
Washington Post Book World

АНФ

Вы смогли скачать эту книгу бесплатно на законных основаниях благодаря проекту «**Дигитека**». [Дигитека](#) — это цифровая коллекция лучших научно-популярных книг по самым важным темам — о том, как устроены мы сами и окружающий нас мир. Дигитека создается командой научно-просветительской программы «[Всенаука](#)». Чтобы сделать умные книги доступными для всех и при этом достойно вознаградить авторов и издателей, «Всенаука» организовала всенародный сбор средств.

Мы от всего сердца благодарим всех, кто помог освободить лучшие научно-популярные книги из оков рынка! Наша особая благодарность — тем, кто сделал самые значительные пожертвования (имена указаны в порядке поступления вкладов):

Дмитрий Зимин
Зинаида Стаина
Алексей Сейкин
Николай Кочкин
Роман Гольд
Максим Кузьмич
Анастасия Азбель
Арсений Лозбень
Михаил Бурцев
Ислам Курсаев
Александр Ослон
Артем Шевченко
Евгений Шевелев
Александр Анисимов
Роман Мойсеев
Евдоким Шевелев

Мы также от имени всех читателей благодарим за финансовую и организационную помощь:

Российскую государственную библиотеку
Компанию «Яндекс»
Фонд поддержки культурных и образовательных проектов «Русский глобус».

Этот экземпляр книги предназначен только для вашего личного использования. Его распространение, в том числе для извлечения коммерческой выгоды, не допускается.

*Моей матери
и памяти моего отца*

Stanley Milgram

OBEDIENCE TO AUTHORITY

AN EXPERIMENTAL VIEW

HARPERPERENNIAL MODERNTHOUGHT

NEW YORK • LONDON • TORONTO • SYDNEY • NEW DELHI • AUCKLAND

Стэнли Милгрэм

ПОДЧИНЕНИЕ АВТОРИТЕТУ

НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД
НА ВЛАСТЬ И МОРАЛЬ

Перевод с английского

Москва
2016

УДК 159.9.072:159.947.2
ББК 87.257.2:88.252.2-8
М60

Переводчик Глеб Ястребов
Редактор Роза Пискотина

Милгрэм С.

М60 Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль / Стэнли Милгрэм ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2016. — 282 с.

ISBN 978-5-91671-503-3

На что способен пойти добропорядочный гражданин, повинуюсь приказу? Размышления о десятках тысяч людей в фашистской Германии, отправлявших на смерть себе подобных, просто выполняя свой долг, натолкнули Стэнли Милгрэма на мысль о провокационном эксперименте. Поведение испытуемых в ходе разных вариаций эксперимента неизменно подтверждало страшные догадки Милгрэма: одни участники испытаний сурово «наказывали» других, не пользуясь своим правом отказаться. Парадокс заключается в том, что такие добродетели, как верность, дисциплина и самопожертвование, которые мы так ценим в человеке, привязывают людей к самым бесчеловечным системам власти. Но со времен нацистских лагерей смерти природа человека не изменилась. Вот почему актуальность концепции, которую со страшной убедительностью подтверждает эксперимент, можно оспаривать, но опасно недооценивать. Знаменитый эксперимент Милгрэма, поначалу вызвавший у многих протест и недоверие, позже был признан одним из самых нравственно значимых исследований в психологии.

УДК 159.9.072:159.947.2
ББК 87.257.2:88.252.2-8

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@nonfiction.ru

- © Stanley Milgram, 1974
- © Предисловие. Philip Zimbardo, 2009
- © Интервью Майкла Уоллеса в главе 15. The New York Times Company. Reprinted by permission, 1969 Published by arrangement with HarperCollins Publishers.
- © Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

ISBN 978-5-91671-503-3 (рус.)
ISBN 978-0-06-176521-6 (англ.)

Оглавление

Предисловие к изданию Harper Perennial Modern Thought.....	7
Предисловие.....	15
Благодарности.....	19
1. Дилемма подчинения.....	23
2. Метод исследования.....	35
3. Ожидаемое поведение.....	51
4. Непосредственная близость жертвы.....	59
5. Индивид и авторитет.....	75
6. Дальнейшие вариации и наблюдения.....	89
7. Индивид и авторитет (II).....	111
8. Ролевые перестановки.....	133
9. Групповые эффекты.....	159
10. Чем вызвано подчинение? Анализ.....	171
11. Процесс подчинения: анализ эксперимента.....	185
12. Напряжение и неподчинение.....	205
13. Альтернативная теория: разгадка в агрессии?.....	219
14. Проблемы метода.....	223
15. Эпилог.....	235
Приложение I.....	249
Приложение II.....	265
Примечания.....	271

Предисловие к изданию Harper Perennial Modern Thought

Два наиболее значительных сюжета в западной культуре — сошествие Люцифера в ад и изгнание Адама и Евы из рая — объединяет одна и та же идея об ужасных последствиях неповиновения власти. Люцифер, «светоносный» и приближенный к Богу ангел — его называют еще «Утренней звездой» — отказывается исполнить веление Бога и почитать Адама, его новое совершенное творение. У него есть единомышленники среди ангелов. Они говорят, что существовали еще до Адама, да и вообще Адам — всего лишь смертный, в отличие от них, ангелов. В ответ Бог обвиняет их в гордыне и непослушании. Никаких компромиссов: Создатель призывает архангела Михаила, чтобы тот со своим воинством наказал отступников. Естественно, Михаил одерживает верх (ведь сам Бог на его стороне), а Люцифер — отныне ставший сатаной и дьяволом — низвергается в ад вместе с прочими падшими ангелами. Впрочем, сатана возвращается, чтобы доказать: правильно было не почитать Адама, ибо тот не только несовершенен, но, что еще хуже, легко поддавался искушению змея.

Вспомним, что Адам и Ева в райском саду не ограничены в своих правах за одним маленьким исключением: нельзя вкушать от дерева познания. Когда сатана в облике змея соблазняет Еву только попробовать, она в свою

очередь уговаривает мужа. Всего один кусочек запретного плода, и они прокляты и навеки изгнаны из рая. Отныне они обречены трудиться в поте лица, страдать и быть свидетелями конфликтов между своими детьми, Каином и Авелем. К тому же они утратили невинность. Хуже того, их грех неповиновения отныне и навеки распространяется на последующие поколения. И каждый католический ребенок несет последствия первородного греха за правонарушение Адама и Евы.

Понятно, что перед нами мифы, созданные людьми, причем людьми, облеченными властью (скорее всего, жрецами, служителями культа). Мифы витают в воздухе, в мировом космическом пространстве, а люди улавливают их и записывают. Но они несут, как и все притчи, важную мысль: *подчиняйтесь власти/авторитету любой ценой*. Стоит не подчиниться — и пеняйте на себя. Возникнув однажды, в дальнейшем мифология приспособлялась к обстоятельствам, и теперь уже речь может идти о родителях, учителях, начальниках, политиках, диктаторах — обо всех, кто требует беспрекословного подчинения.

Снова и снова со школьной скамьи нам вбивают в голову: сиди на месте, пока учитель не позволит встать и выйти; молчи, а если хочешь что-то сказать, подними руку и получи разрешение; не жалуйся и не спорь с учителем. Все это усваивается настолько глубоко, что уважение к авторитету остается с нами в самых разных обстоятельствах, даже когда мы становимся взрослыми и зрелыми людьми. А ведь не всякий авторитет заслужен, а власть справедлива, законна и нравственна, и никто нас не учит отличать власть *справедливую* от *несправедливой*. Первая заслуживает уважения, а подчас и послушания (возможно, почти безоговорочного), а вторая должна возбуждать подозрение, недовольство, а в конечном счете протест и восстание.

* * *

Эксперименты Стэнли Милгрэма, посвященные подчинению авторитету — одно из важнейших исследований в общественных науках о центральных движущих силах этой стороны природы человека. Милгрэм первым стал изучать подчинение в контролируемой обстановке научной лаборатории. В каком-то смысле он продолжил традицию Курта Левина, хотя обычно его не принято считать последователем Левина, к каковым принадлежат, скажем, Леон Фестингер, Стэнли Шехтер, Ли Росс и Ричард Нисбетт. Тем не менее лабораторные исследования явлений, актуальных для реальной жизни, составляют суть представлений Левина о том, чем должна заниматься социальная психология.

Поначалу интерес Милгрэма к этой теме возник в ходе размышлений о том, с какой легкостью повиновались немцы нацистским властям в их дискриминационной политике в отношении евреев, и в конечном итоге позволили Гитлеру приступить к осуществлению «окончательного решения еврейской проблемы». Будучи евреем, молодой Милгрэм задавался вопросом, не может ли Холокост повториться в его собственной стране, при всей разнице культур и эпох. Многие полагали, что в Соединенных Штатах такое немыслимо. Однако у Милгрэма были сомнения. Верить в людскую доброту, конечно, хорошо, но ведь факт остается фактом: сколько зла в мире сделали самые обычные (даже во многом неплохие) люди, попросту следуя приказам! Английский писатель Чарльз Сноу предостерегает: больше преступлений против человечества было совершено во имя послушания, чем вопреки. Еще раньше учитель Милгрэма, Соломон Аш, продемонстрировал силу влияния группы на суждения студентов колледжа относительно ложных представлений о видимой реальности. Но там влияние было косвенным:

создавалось расхождение между индивидуальным и групповым восприятием одного и того же явления. Проблему несоответствия восприятия участники эксперимента преодолевали, соглашаясь с большинством, чтобы не остаться со своим мнением в одиночестве. А Милгрэм хотел увидеть более прямое и непосредственное воздействие приказа, который заставляет человека действовать вопреки совести и нравственным принципам. Он задумал свое исследование так, чтобы возникла коллизия между нашими представлениями о том, что люди могли бы делать в такой ситуации, и тем, как они на самом деле повели себя в этом страшном испытании человеческой природы.

К сожалению, многие психологи, студенты и специалисты, полагающие, что знакомы с «экспериментом Милгрэма», в действительности знакомы лишь с одной его версией (скорее всего, посмотрев фильм «Подчинение» или почитав краткий рассказ в учебнике). И в чем только Милгрэма не обвиняли. Говорили, что для опыта он взял только мужчин, но так обстояло дело лишь поначалу, а затем все эксперименты были продублированы с женщинами. Или говорили, что он опирался только на студентов Йельского университета (где проходили первые опыты). Однако исследования Милгрэма включают 19 различных модификаций эксперимента, в них участвовали около 1000 человек в возрасте от 20 до 50 лет, и ни один не был школьником или студентом! Еще один суровый упрек: неэтично ставить человека, играющего роль учителя и полагающего, что его удары током причиняют боль исполнителю роли ученика, в положение, причиняющее ему столь тяжелые переживания. Думаю, разговоры об этичности пошли от фильма, где показано, как испытуемые мучаются и колеблются. Чтение же его статей и книг не вызывает ощущения

особого стресса участников, которые продолжали слушаться, невзирая на очевидные страдания невинных жертв. Но сейчас я говорю об этом не с целью защищать или оспаривать этичность исследования, а с целью призвать читателей ознакомиться с *авторским* изложением идей, методов, результатов и дискуссий, — и понять, что именно делал Милгрэм. В этом еще одно достоинство книги.

Несколько слов о моей оценке книги. Прежде всего, перед нами самое репрезентативное и основательное исследование в социальной психологии и социальных науках благодаря величине выборки, систематическим вариациям, выбору самых разных простых людей из двух маленьких городов (Нью-Хейвена и Бриджпорта, штат Коннектикут), а также детальному объяснению методологических подходов. Более того, воспроизведение экспериментов во многих других культурах показало надежность выводов.

Будучи наиболее значимой демонстрацией способности социальных ситуаций влиять на человеческое поведение, эксперименты Милгрэма лежат в основе ситуационного подхода к поведенческим детерминантам. Показано неумение большинства людей сопротивляться все более бессмысленным приказам несправедливой власти, когда заявленные намерения авторитетного лица, начавшего опыт, выглядели вполне разумными. Казалось бы, исследователи-психологи могли задуматься о применении в разумных пределах наказаний, чтобы улучшить обучаемость и память. Однако нет смысла причинять «ученику» все большую и большую боль, когда тот уже хочет уйти, жалуется на сердце, а после удара в 330 вольт вообще перестает откликаться. Разве можно улучшить его память, когда он как минимум без сознания? Казалось бы, достаточно капли критического мышления, чтобы практически любой человек отказался продолжать

эксперимент и повиноваться бессердечным и несправедливым указаниям. Однако большинство участников, дошедших до этой ступени, оказались, по выражению Милгрэма, запертыми в «агентном состоянии».

Обычные взрослые превратились в глупых послушных школьников, которые не знают, как без разрешения педагога покончить с неприятнейшей ситуацией. Встал ли кто-то в тот критический момент, когда удар током мог вызвать серьезные последствия для здоровья, пошел ли в соседнюю комнату проверить, что с жертвой? Прежде чем вы ответите, подумайте о другом вопросе, который я прямым текстом задал Стэнли Милгрэму: «Сколько участников-“учителей” спонтанно встали после финального удара током в 450 вольт и пошли узнать, как чувствует себя “ученик”?» Ответ Милгрэма: «Ни один! Ни разу!» Так что у взрослых людей наблюдается устойчивое следование примитивным правилам школьника: ничего не делать, пока не велит или не позволит преподаватель.

Мое исследование ситуационной власти (Стэнфордский тюремный эксперимент) позволило дополнить выводы Милгрэма. Это основа ситуационизма: Милгрэм изучал непосредственное влияние авторитета на людей, а я — косвенное влияние организации на всех, кто находится в ее сфере влияния. Я исследовал способность систем создавать и поддерживать ситуации доминирования и контроля над индивидуальным поведением. Кроме того, и у него и у меня ярко продемонстрировано влияние внешних обстоятельств на человеческие поступки и очевидны уроки, которые могут вынести и читатель, и зритель. (У меня тоже есть фильм «Тихий гнев» (Quiet Rage), вызвавший интерес во всем мире.) В обоих случаях возникают и фундаментальные вопросы об этичности всякого опыта, способного вызвать у участников дискомфорт и чувство вины.

Свои представления об этике я детально изложил в книге «Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев»* (2008). Когда я впервые представил результаты Стэнфордского тюремного эксперимента на ежегодном заседании Американской психологической ассоциации в 1971 году, Милгрэм был в восторге: мол, теперь его будут меньше ругать, так как я провел еще менее этическое исследование!

И наконец, возможно, читателям будет интересно узнать, что мы с Милгрэмом были одноклассниками в школе имени Джеймса Монро в Бронксе (выпуск 1950 года) и еще тогда приятельствовали. Он был самым смышленным в классе (и получил при окончании все знаки отличия), а я — самым популярным (меня называли «маленьким Джимми Монро»). Когда мы со Стэнли повстречались лет через десять в Йельском университете, он признался мне, что хотел быть самым популярным, а я в ответ признался, что хотел быть самым способным. Каждый из нас распорядился тем, что имел. В следующие десятилетия у нас было много интересных разговоров, и мы чуть не написали совместную работу по социальной психологии. К несчастью, в 1984 году в возрасте 51 года он умер от сердечного приступа. А нам в наследие оставил замечательные идеи: начав преимущественно с подчинения авторитету, позже Милгрэм расширил научные интересы до урбанистической психологии, проблемы «маленького мира», шести ступеней сепарации, эффекта Сирано и т. д. При этом он всегда творчески сочетал методы. Стэнли Милгрэм был тонким психологом, умеющим увидеть новую парадигму, способную обнажить старые истины или помочь переосмыслить

* Зимбардо Ф. Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев. — М.: АНФ, 2015.

скрытые принципы действия. Я часто задаюсь вопросом, какие новые явления Стэнли изучал бы в наше время, если бы был жив.

*Филип Зимбардо
Январь 2009 года*

Предисловие

Подчинение встречается на каждом шагу и легко может ускользнуть от внимания психологов. Однако, не оценив его роль в поведении, нельзя понять широкий спектр поведенческих моделей. Ибо в психологическом плане действие, совершенное по приказу, сильно отличается от действия спонтанного.

Человек, которому претит воровать и убивать, может без зазрения совести украсть и убить, если получит команду от представителя власти. Поступок, немыслимый для кого-то при обычных обстоятельствах, может быть совершен без колебаний, если на сей счет есть указание.

Дилемма, связанная с подчинением авторитету, очень древняя: вспомним библейский рассказ об Аврааме. В настоящем исследовании мы придали этой дилемме современную форму, сделав ее предметом эксперимента и поставив целью лишь понимание, а не нравственную оценку.

Для психологического исследования подчинения важно иметь возможность перенести концепции власти в сферу личного опыта. Одно дело абстрактно рассуждать о правах личности и власти, и совсем другое — рассмотреть нравственный выбор в конкретной ситуации. О философских проблемах свободы и власти сказано немало. Однако всюду, где проблема не носит сугубо академический характер, есть реальный человек, который подчиняется или не подчиняется, и конкретный случай неповиновения.

Человек может думать что угодно, но настает момент, когда нужно делать выбор. Вокруг этого и выстроен эксперимент.

Когда мы переходим в лабораторию, проблема сужается: если экспериментатор велит испытуемому вести себя все более жестоко по отношению к другому человеку, при каких условиях субъект согласится, а при каких ослушается? Лабораторная проблема воспринимается живо, эмоционально, как реальная. Она не оторвана от жизни, но предельно заостряет некоторые тенденции, присущие обычному ходу вещей в социуме.

Возникает вопрос: есть ли аналогия между действиями испытуемых в нашей лаборатории, и теми формами подчинения, которые ужасают в нацистской эпохе? Разумеется, эти ситуации нельзя ставить на одну доску, но при всех различиях в масштабе, численности и политическом контексте, есть важные общие моменты. Ведь в чем суть подчинения? Человек рассматривает себя как орудие чужих желаний, а потому снимает с себя ответственность за поступки. Как только у него включается этот подход, возникают все ключевые особенности подчинения. Приспособительные реакции, готовность к жестоким действиям и самооправдание имеют место независимо от того, где все происходит: в психологической лаборатории или перед пультом управления межконтинентальными баллистическими ракетами. Стало быть, от аналогий нельзя отмахнуться, педантично перечислив очевидные различия между психологической лабораторией и прочими обстоятельствами. Необходимо тщательно воссоздать ситуацию, позволяющую уловить суть подчинения: когда индивид вручает себя авторитету и более не считает себя действенной причиной своих поступков.

В той степени, в которой налицо добровольность и отсутствие принуждения, подчинение приобретает оттенок

сотрудничества; в той степени, в которой налицо угроза наказания или насилия, подчинением движет страх. Мы изучали лишь подчинение добровольное, построенное на утверждении, что уполномоченное лицо вправе отдавать команды и никто ничем не угрожает. По сути, давление в этом исследовании опиралось лишь на власть, которую испытуемый приписывал ее представителю сам, а отнюдь не на объективную угрозу или физические средства контроля.

Основная проблема для испытуемого состояла в том, что ему было нелегко восстановить контроль над своими поступками после того, как он вверил себя экспериментатору. Это горький и в известной мере трагический аспект ситуации: нет зрелища печальнее, чем человек, который в значимых для него обстоятельствах пытается контролировать свои поступки, — и у него не получается.

Благодарности

Описанные здесь эксперименты — часть семидесятипятилетней традиции экспериментов в области социальной психологии. Борис Сидис провел эксперимент по подчинению в 1898 году, и исследования Аша, Левина, Шерифа, Фрэнка, Блока, Картрайта, Френча, Рейвена, Лачинса, Липпитта и Уайта, наряду со многими другими, повлияли на мою работу даже в тех случаях, где я их специально не упоминаю. Вклад Адорно и его коллег, а также Арендт, Фромма и Вебера — часть духа времени (*zeitgeist*), взрастившего социальных психологов. Меня особенно заинтересовали три работы. Первая из них — интересная книга Алекса Комфорта «Власть и преступность в современном государстве» (*Authority and Delinquency in the Modern State*); вторая — четкий концептуальный анализ авторитета, проделанный Робертом Бирстедтом; в-третьих, книга Артура Кёстлера «Дух в машине», где идея социальной иерархии разрабатывается глубже, чем в моей книге.

Данное экспериментальное исследование было осуществлено и завершено, когда я работал на психологическом факультете Йельского университета (1960–1963). Я благодарен факультету за то, что он обеспечил меня необходимым оборудованием и полезными рекомендациями. В особенности хочу поблагодарить профессора Ирвинга Джаниса.

Ныне покойный Джеймс Макдоноу из Уэст-Хейвена (штат Коннектикут) исполнял роль «ученика», и исследование выиграло от его блестящих природных талантов. Джон Уильямс из Саутбери (штат Коннектикут) был экспериментатором и безупречно справился со своей тягостной ролью. Хочу также сказать спасибо Алану Элмсу, Джону Уэйленду, Такето Мурате, Эмилю Эджису, Джеймсу Миллеру и Майклу Россу, внесших вклад в исследование.

В большом долгу я и перед многими жителями Нью-Хейвена и Бриджпорта, которые послужили испытуемыми.

Я много думал и писал об этих экспериментах уже после того, как они состоялись. Многие люди ободряли и поддерживали меня. Среди них доктора Андре Модильяни, Аарон Гершковиц, Реа Мендоза Диамонд, а также покойный Гордон Оллпорт. А также доктора Роджер Браун, Гарри Кауфманн, Говард Левенталь, Ниеле Кудирка, Дэвид Розенхан, Леон Манн, Пол Холландер, Джером Брунер и мистер Мори Сильвер. Элоиза Сигал помогла мне продвинуться в работе над несколькими главами, а Виргиния Хилу, мой редактор в Harper & Row, выказала удивительную веру в мою книгу, а под конец предоставила мне свой офис и избавила произведение от нерадивого автора.

В Городском университете Нью-Йорка заслужили мои благодарности Мэри Энгландер и Эйлин Лидалл, которые выполняли секретарскую работу, а также научных ассистентов Уэнди Стернберга и Кэтрин Крэг.

Джудит Уотерс, аспирантка и талантливая художница, выполнила рисунки для глав 8 и 9.

Хочу поблагодарить Институт еврейских проблем в Лондоне за разрешение дать развернутую цитату из моей статьи «Подчинение преступным приказам: побуждение делать зло» («Obedience to Criminal Orders: The Compulsion to Do Evil»), которая впервые была напечатана в его журнале *Patterns of Prejudice*.

Благодарю Американскую психологическую ассоциацию за разрешение дать развернутые цитаты из своих статей, которые впервые были опубликованы в ее изданиях, а именно: «Поведенческое исследование подчинения» (Behavioral Study of Obedience), «К вопросу об изучении подчинения: ответ Баумринд» (Issues in the Study of Obedience: A Reply to Baumrind), «Групповое давление и действия против личности» (Group Pressure and Action Against the Person) и «Раскрепощающие эффекты группового давления» (Liberating Effects of Group Pressure).

Исследование было поддержано двумя грантами от Национального научного фонда. Исследованиям 1960 года помог небольшой грант от Фонда Хиггинса в Йельском университете. Благодаря стипендии фонда Гугенхайма (1972–1973), я смог провести год в Париже, отойти от академических обязанностей и завершить книгу.

Моя жена Саша с самого начала помогала в экспериментах. Ее ум и смекалка значили очень много. В последние два месяца мы работали вдвоем — в квартире на Рю Ремюза, — посвятив себя делу, которое теперь с помощью Саши завершено.

*Стэнли Милгрэм
Париж
2 апреля 1973 года*

1

Дилемма подчинения

Подчинение — один из базовых элементов в структуре социальной жизни. Определенные системы власти — непреклонное требование всех человеческих взаимодействий: лишь человек, живущий в изоляции, может себе позволить не реагировать (через покорность или непокорность) на приказы других людей. Для нашего же времени подчинение как одна из детерминант поведения особенно актуально. Вспомним, что между 1933 и 1945 годами миллионы невинных людей систематически истреблялись по приказу. Газовые камеры, охрана концлагерей, ежедневные квоты на смерти — весь этот механизм действовал слаженно, как завод или фабрика. Пусть эта бесчеловечная политика зародилась в уме одного человека, однако лишь подчинение огромного числа людей позволило реализовать ее в столь широком масштабе.

Подчинение есть психологический механизм, связывающий индивидуальное действие с политической целью. Это цемент, который соединяет людей с системами власти. Судя по фактам недавней истории, да и повседневной жизни,

для многих людей подчинение может быть глубоко укорененной поведенческой склонностью и даже могущественным импульсом, способным перевесить усвоенные представления об этике, сочувствии и нравственном поведении. О его важности пишет Чарльз Сноу (1961):

Задумываясь о долгой и мрачной истории человечества, понимаешь, что гораздо больше мерзких преступлений совершалось во имя подчинения, чем во имя бунта. Если у вас есть сомнения на сей счет, прочитайте книгу Уильяма Ширера “Взлет и падение третьего рейха”. Немецкие офицеры были воспитаны в строжайшем кодексе послушания... и во имя послушания они стали сообщниками и помощниками в самых крупномасштабных из злодейств человеческой истории (с. 24).

Геноцид европейских евреев — крайний случай душегубства, совершаемого тысячами людей под лозунгом подчинения. Однако в меньшем масштабе подобное происходит постоянно: обычным гражданам велят убивать, что они и делают, не смея ослушаться приказа. Тем самым, покорность, столь долго считавшаяся добродетелью, обретает новый образ, когда служит дурной цели. Какая уж тут добродетель: чистой воды грех! Или все же нет?

Нравственный вопрос о том, можно ли ослушаться приказа, если он противоречит совести, обсуждался Платоном, изображался в «Антигоне» и осмыслялся философами всех времен. По мнению консервативных авторов, неподчинение угрожает самим основам общества, и даже если поступок, на который толкает авторитет, обернется злом, лучше подчиниться, чем посягнуть на его прерогативы. И вот идея Гоббса: ответственность в подобном случае несет не исполнитель, а тот, кто отдал приказ. Впрочем, гуманисты рассуждали иначе: приоритет имеет личная

совесть, и если ее голос противоречит приказу, надо из нее и исходить.

Юридические и философские аспекты подчинения очень важны, но для эмпирически мыслящего ученого наступает момент, когда он хочет перейти от абстрактных рассуждений к тщательному изучению конкретных случаев. Чтобы исследовать акт подчинения, я поставил в Йельском университете простой эксперимент. Впоследствии в нем оказались задействованы более 1000 участников, и его повторили в некоторых других университетах, но поначалу идея была простой. Человек входит в психологическую лабораторию, и его просят выполнить ряд действий, которые все сильнее и сильнее конфликтуют с совестью. Основной вопрос состоит в следующем: как далеко он пойдет в подчинении инструкциям экспериментатора, прежде чем откажется слушаться?

Несколько слов о деталях эксперимента. В психологическую лабораторию входят два человека для участия в исследовании памяти и обучаемости. Один именуется «учителем», другой «учеником». Экспериментатор сообщает, что речь идет о влиянии наказания на обучаемость. «Ученика» провожают в комнату, сажают в кресло и пристегивают ремнями, чтобы не дергался, а к запястью присоединяют электрод. Ему сообщают, что он должен запоминать списки из пар слов, а в случае ошибок будет получать удары током нарастающей силы.

На самом же деле эксперимент ставится над «учителем». Ему дают увидеть, как «ученика» пристегивают к креслу, уводят в главную экспериментальную комнату и сажают перед устрашающим электрогенератором. На лицевой панели генератора расположены по горизонтали 30 рубильников от 15 вольт до 450 вольт, с шагом 15 вольт. Рядом с рубильниками даны словесные пояснения: от «Слабый разряд» до «Опасно — тяжелое поражение».

«Учителю» сообщается, что он будет проверять человека, находящегося в соседней комнате. Если «ученик» отвечает правильно, «учитель» переходит к следующему пункту. В случае неверного ответа необходимо выполнить электрошок: начать с наименьшего (15 вольт), затем увеличивать на один шаг всякий раз, как «ученик» делает ошибку (30 вольт, 45 вольт и т. д.).

«Учитель» — ничего не ведающий испытуемый, который пришел в лабораторию участвовать в эксперименте. «Ученик» же — подставное лицо, которое в реальности не получает удары током. Цель эксперимента состоит в том, чтобы выяснить, сколь далеко зайдет человек в конкретной ситуации, послушно причиняя боль протестующей жертве. В какой момент откажется подчиняться?

Конфликт возникает, когда «ученик» выказывает признаки дискомфорта. После разряда в 75 вольт он кричит, после 120 вольт жалуется вслух, а после 150 просит остановить эксперимент. Постепенно его протесты усиливаются, становясь все более настойчивыми и эмоциональными. После 285 вольт издаваемые им звуки напоминают агонию.

Наблюдатели эксперимента согласны, что никакие слова не способны передать сложность происходящего. Ведь для испытуемого это не игра: конфликт налицо. С одной стороны, «ученик» страдает: значит, надо бы встать и уйти. С другой стороны, экспериментатор, лицо авторитетное и начальственное, велит продолжать. И всякий раз, когда испытуемый медлит, экспериментатор настаивает на продолжении. Чтобы выйти из положения, нужно поспорить с авторитетом. Исследование ставило своей задачей выяснить, когда и как люди — перед лицом очевидного нравственного императива — бросят вызов.

Понятно, что одно дело выполнять приказы офицера во время войны и совсем иное — слушаться экспериментатора. Однако общая канва отношений одинакова, ведь

есть главный вопрос: как ведет себя человек, когда законный авторитет велит ему причинить вред третьему лицу? Если уж на то пошло, власть экспериментатора значительно *меньше* власти военачальника: он не может заставить испытуемого подчиняться, да и участие в психологическом эксперименте — дело далеко не такое важное и ответственное, как участие в битве. При всех этих оговорках я решил взять для начала самую простую ситуацию в надежде на то, что это прольет свет на целый ряд других случаев и поможет выявить некоторые общие принципы, применимые к другим условиям.

Возможно, у читателя сразу появился вопрос: как человек в здравом уме способен выполнить хотя бы один электрошок? Разве не проще сразу отказаться и уйти? Но фактически так никто не поступает. Оно и понятно: испытуемый пришел в лабораторию помогать экспериментатору — вот и помогает. В этом нет ничего особенного, тем более что «ученик» поначалу не возражает и даже обнаруживает заинтересованность. Удивительно другое: насколько далеко заходят обычные люди, соблюдая инструкции. Более того, результаты опыта изумляют и тревожат. Да, многие испытуемые переживают и протестуют. И все же значительное число людей продолжают опыт до последнего рубильника на генераторе.

Многие слушаются экспериментатора, как бы отчаянно ни жаловался «ученик», неважно, насколько болезненными кажутся удары и насколько пылко «ученик» умоляет отпустить его. Это наблюдалось снова и снова в наших исследованиях, да и в других университетах, где повторяли эксперимент. Именно невероятная готовность взрослых людей слушаться почти до последнего составляет главное открытие, сделанное в ходе нашего опыта. И именно она более всего нуждается в объяснении.

Обычно предлагаются такие объяснения: до максимальной силы тока доводили удары лишь монстры,

садистические маргиналы общества. Однако этот тезис очень шаток: в категорию «послушных» испытуемых попали почти две трети участников, причем самые обычные люди — рабочие, служащие, представители умственного труда. Вспоминается книга Ханны Арендт «Эйхман в Иерусалиме» (1963). По словам Арендт, попытки обвинителя изобразить Эйхмана кровожадным чудовищем были глубоко ошибочными: он лишь заурядный бюрократ, который сидел за столом и работал. За эту книгу Арендт довелось вытерпеть немало злословия и даже клеветы. Людям сложно было расстаться с мыслью, что жуткие деяния Эйхмана выдают в нем маньяка, садиста и воплощение зла. Однако понаблюдав за тем, как в моих собственных экспериментах сотни обычных людей подчинялись авторитету, я склоняюсь к выводу: представление Арендт о «банальности зла» значительно ближе к действительности, чем может показаться. Ведь почему испытуемые наносили удары тока? Дело не в природной агрессивности. Они рассуждали просто: надо значит надо.

Таков главный урок нашего исследования: самые обычные люди, просто делающие свое дело и не имеющие никаких враждебных намерений, способны стать орудием страшной разрушительной силы. Более того, даже когда губительный эффект их поступков становится предельно ясен, но их просят продолжать действия, несовместимые с базовыми принципами морали, почти никто не находит в себе ресурсов, необходимых для противостояния авторитету. Здесь играют роль многообразные запреты на непослушание, и человек благополучно сохраняет статус-кво.

Сидя в кресле, легко осуждать покорных участников эксперимента. Однако критики судят их по меркам собственной способности декларировать высокоморальные принципы. А это нечестно. Ведь на уровне рассуждений многие испытуемые знают не хуже любого из нас, что нельзя

вредить беспомощной жертве. Они знают, как себя вести, и способны при случае высказать свою позицию. Но это не имеет (или почти не имеет) отношения к их реальному поведению перед лицом конкретных обстоятельств.

Если людей просят объяснить, как нужно вести себя в подобной ситуации, они всегда скажут, что правильно — не покоряться. Но в реальных жизненных условиях не все определяется ценностями. Ценности — лишь один из факторов, воздействующих на поведение человека. И многие люди не смогли соотнести свои ценности с ситуацией. Они продолжали эксперимент вопреки собственному желанию.

Влияние нравственного чувства на поступки менее значительно, чем гласит социальный миф. Хотя в списке моральных норм заповеди вроде «не убий» занимают видное место, в структуре человеческой психики их положение не столь надежно. Несколько газетных заголовков, призывная комиссия, приказ от человека в эполетах — и люди без особых колебаний идут убивать. Даже в ходе психологического эксперимента человек способен легко перешагнуть нравственные барьеры. И тем более нетрудно заставить людей отринуть моральные соображения с помощью расчетливых манипуляций на информационном и социальном поле!

Так почему же человек подчиняется экспериментатору? Во-первых, есть целый ряд «связывающих факторов», которые мешают выйти из ситуации. Здесь и вежливость, и первоначальное обещание помочь, и неловкость отказа. Во-вторых, у испытуемого формируется целый ряд приспособительных механизмов, которые тормозят его решимость дать отпор. Эти приспособительные реакции помогают испытуемому сохранить отношения с экспериментатором, одновременно снижая внутренний конфликт. Они типичны для мышления послушных людей, когда авторитет велит им причинять вред беспомощным лицам.

Один такой механизм состоит в склонности настолько погружаться в узкотехнические аспекты, что общая картина последствий выпадает из виду. В фильме «Доктор Стрейнджлав» есть блестящая сатирическая сцена, когда экипаж бомбардировщика поглощен техническими деталями процесса ядерного удара. Так и здесь: испытуемые с головой уходят в самую процедуру: как членораздельно прочесть слова и аккуратно переключить рубильник. Они хотят быть безупречными исполнителями, и в каком-то смысле им не до этики. Постановку задачи и ее нравственную оценку они доверяют экспериментатору.

Наиболее распространенная приспособительная реакция состоит в том, что человек слагает с себя ответственность за поступки и перекладывает ее на экспериментатора, представителя законной власти. Никакого нравственного долга: он воспринимает себя лишь как орудие внешнего авторитета. Когда после эксперимента испытуемых спрашивали, почему они не остановились, в ответ часто звучало: «Сам я так не поступил бы. Я лишь делал, что мне сказали». Неспособные воспротивиться авторитету, они возлагают на него всю ответственность. Эту старую песню («я лишь выполнял долг») мы вновь и вновь слышали от подсудимых в Нюрнберге. Однако не стоит думать, что это лишь жалкая отговорка, придуманная наспех к случаю. Это типичный образ мышления огромного числа людей, привыкших к своему положению в субординационной системе. И исчезновение чувства ответственности — самое далеко идущее последствие такого подчинения.

Хотя действия повинующегося идут вразрез с требованиями совести, ошибочно полагать, что он утрачивает нравственное чувство. Просто у него меняется угол зрения. Он не оценивает с нравственных позиций последствия своих действий. Свой моральный долг он рассматривает как необходимость оправдать надежды, которые возлагает

на него авторитет. Во время войны солдат не думает о том, хорошо ли бомбить деревни. И не ощущает вины и стыда. Он испытывает гордость или стыд в зависимости от того, насколько хорошо выполнил задание.

Еще один психологический фактор, который действует в этой ситуации, можно назвать «контр-антропоморфизм». Десятилетиями психологи обсуждали первобытную тенденцию приписывать неодушевленным предметам и силам человеческие качества. Однако бывает и противоположное: когда силы, имеющие непосредственное отношение к человеку — и в смысле их происхождения, и в смысле их сохранения — расцениваются как безличные. Скажем, некоторые системы, созданные человеком, рассматриваются так, словно человек с его капризами и эмоциями тут ни при чем. Человеческого фактора словно бы и нет. И когда испытуемый слышит: «Эксперимент *требует*, чтобы вы продолжали», он воспринимает это не как приказ человека, а как более абстрактный императив. Он не задает очевидный вопрос: «Чей эксперимент? С какой стати я должен мучить жертву в угоду этому затейнику?» Желание человека — организатора эксперимента — становится частью схемы, которая оказывает на испытуемого воздействие, выходящее за личностные пределы. «*Это должно продолжаться. Должно продолжаться*», — твердил один участник эксперимента. Он не понял, что за этим «должно» стоит желание такого же человека, как он сам. Забыв о роли личности, он придал «эксперименту» безличное качество.

Ни одно действие само по себе не обладает неизменными психологическими качествами. Его смысл зависит от контекста. Недавно в одной американской газете приводились слова летчика, который признавал, что американцы бомбили вьетнамских мужчин, женщин и детей, но при этом считал, что делалось это «во имя благородного дела»,

а значит, оправданно. Аналогичным образом, большинство участников эксперимента рассматривали свое поведение в широком контексте: все ради вещи благой и общественно полезной — поиска научной истины. Психологическая лаборатория — заведение солидное, внушающее доверие. И в такой обстановке электрошок — способный в отрыве от контекста вызывать ужас — обретает совсем иной смысл. Но ведь это очень опасно: пренебрегать человеческими последствиями и целиком исходить из контекста...

Мы не изучали как минимум один фактор, который сыграл значимую роль в Германии: очернение жертв перед активными действиями против них. Более десятилетия яростная антисемитская пропаганда систематически готовила немцев к уничтожению евреев. Шаг за шагом евреев исключали из категории граждан и народа, а в итоге лишили права считаться людьми. Систематическое очернение жертвы помогает оправдывать жестокость и постоянно сопутствовало массовым убийствам, войнам и погромам. Надо полагать, наши подопечные испытывали бы еще большую легкость, нанося удары током, если бы их убедили, что они имеют дело с кровавыми преступниками или извращенцами.

Существенный интерес представляет, однако, следующее обстоятельство: многие испытуемые принижали жертву *вследствие* действий против нее. Нередко приходилось слышать: «Он был столь глупым и упрямым, что поделом». Совершив акт жестокости, эти люди считали необходимым опорочить жертву, чье наказание было неизбежно из-за недостатка ума и характера.

Многие испытуемые были в каком-то смысле против того, что делали с «учеником». Многие протестовали, даже когда слушались. Но между мыслями, словами и решительным шагом неподчинения лежит еще одно звено: способность претворять верования и ценности в действие.

Некоторые участники эксперимента были полностью убеждены в неправильности своих поступков, но не могли заставить себя порвать с авторитетом. Некоторые испытывали удовлетворение от своих мыслей и считали — пусть лишь в глубине души, — что служат правому делу. Они не поняли, что субъективные ощущения по большому счету непринципиальны в ситуации нравственного выбора, если не влекут за собой действие. Какая разница, что думали охранники в концлагере, если потворствовали убийству невинных людей. Так и пресловутое «интеллектуальное сопротивление» в оккупированной Европе — когда людям путем самообмана удавалось думать, что они дают отпор захватчику — чистой воды защитный психологический механизм. Тирании сохраняются благодаря слабакам, у которых нет мужества поступить в соответствии со своими убеждениями. Снова и снова в ходе эксперимента люди давали негативную оценку своим поступкам, но не имели внутренних сил на то, чтобы претворить свою оценку в действие.

Одна из вариаций базового эксперимента отражает более распространенную дилемму, чем вышеописанная: человек должен был не нажимать на рубильник с током, а всего лишь выполнять вспомогательную задачу (зачитывать пары слов); рубильником же распоряжался другой. В данной ситуации 37 из 40 взрослых нью-хейвенцев доводили уровень электрошока до максимума. Предсказуемым образом они извиняли свое поведение тем, что ответственность несет тот, что управляет генератором. Пожалуй, это иллюстрирует печально типичную ситуацию: человеку легче слагать с себя ответственность, когда он служит лишь промежуточным звеном в цепи зла и удален от окончательных последствий своих действий. Даже Эйхману становилось дурно, когда он посещал концлагеря, но для участия в массовых убийствах ему всего-то и нужно

было сидеть за столом и перебирать бумаги. А работник концлагеря, который подавал «Циклон Б» в газовые камеры, оправдывал *свое* поведение тем, что лишь выполнял приказы. Тем самым наблюдается фрагментация человеческого поступка; никто конкретно не решает совершить злодеяние и не отвечает за последствия. Человека, который берет на себя всю ответственность, просто нет. Пожалуй, это самая распространенная особенность социально организованного зла в современном обществе.

Таким образом, проблему подчинения нельзя считать чисто психологической. Во многом она связана с формой общества и тем, по какому пути оно развивается. Возможно, и были времена, когда люди были способны по-человечески реагировать в любой ситуации, так как были безраздельно поглощены ею. Однако с разделением труда все пошло иначе. Начиная с какого-то момента дробление общества на людей, исполняющих узкие и очень специфические задачи, обезличило работу и жизнь. Каждый видит не ситуацию в целом, но лишь небольшую ее часть, а потому не способен действовать без руководства. Человек подчиняется авторитету, но тем самым отчуждается от собственных поступков.

Суть проблемы уловил Джордж Оруэлл:

Пока я пишу эти строки, очень цивилизованные люди летают над моей головой и пытаются меня убить. Они ничего не имеют против меня лично, да и я ничего против них лично не имею. Как говорится, они лишь «выполняют свой долг». Без сомнения, большинство из них — добросердечные и законопослушные граждане, которым и в голову не придет совершить убийство в частной жизни. С другой стороны, если один из них сбросит бомбу, которая разорвет меня на куски, его сон от этого не ухудшится.

2

Метод исследования

Залог успеха научного исследования в простоте. Особенно это касается исследования психологического. Психология — дело тонкое и неоднозначное. Запутанные процедуры способны лишь усложнить понимание явлений. Чтобы упростить изучение вопросов подчинения, нужно создать ситуацию, в которой один человек приказывает другому совершить некое наблюдаемое действие, — а затем посмотреть, когда тот слушается, а когда нет.

Если нам надо выяснить степень подчиняемости, а также условия, влияющие на нее, нам необходим для противопоставления некий мощный фактор, который способствует неподчинению и общечеловеческая значимость которого очевидна.

Из всех нравственных принципов наиболее общепризнан следующий: нельзя причинять страдание беспомощному человеку, который не несет ни вреда, ни угрозы. Этот принцип у нас и будет противовесом подчинению.

Человеку, пришедшему в лабораторию, будут приказывать совершать все более жестокие действия против

другого индивида. Соответственно, будет все больше и больше оснований для неподчинения. В какой-то момент испытуемый может отказаться выполнять приказы и прекратить участие в эксперименте. Поведение до этого отказа именуется *подчинением*. Отказ есть акт *неподчинения*. Он может наступить раньше или позже по ходу дела, это и есть искомая величина.

Конкретный способ, которым наносится вред жертве, не слишком принципиален. По техническим причинам мы остановились на ударах током. Соображения были такие. Во-первых, испытуемый наглядно видит, что разряды имеют разную мощность. Во-вторых, данный способ хорошо вписывается в научную ауру лаборатории. В-третьих, в лабораторных условиях легко имитировать применение электрошока.

А сейчас опишем детали исследования.

Как подбирали участников

Легче всего было бы взять для эксперимента йельских студентов. В конце концов, студенты под боком и их несложно привлечь. Тем более, в психологии опыты с участием студентов — обычное дело. Однако в данном случае учащиеся элитного вуза не годились. Уж очень велик риск, что студенты, уже поучаствовавшие в эксперименте, расскажут, в чем дело, тем, кому это предстоит. Поэтому я ориентировался на более обширный ресурс: все население Нью-Хейвена, 300 000 жителей. Была и иная причина предпочесть Нью-Хейвен университету: студенты — слишком однородная группа. Им почти всем около 20 или чуть больше; они умны и отчасти знакомы с психологическими экспериментами. Мне же требовался широкий круг людей из самых разных слоев общества.

Чтобы набрать участников, мы дали объявление в местную газету. Оно приглашало представителей любых

Публичное объявление

**МЫ ЗАПЛАТИМ ВАМ \$4
ЗА ОДИН ЧАС ВАШЕГО ВРЕМЕНИ**

Нужны люди для изучения памяти

* Мы заплатим 500 нью-хейвенцам, которые помогут нам выполнить научное исследование памяти и обучаемости. Исследование проводится в Йельском университете.

* Каждый участник получит \$4 (плюс 50 центов за проезд до университета) примерно за час. Вы нужны нам только на один час: никаких дальнейших обязательств. Вы можете выбрать удобное для вас время (вечер, будние дни или выходные дни).

* **Никакой подготовки, образования или опыта не нужно. Требуются:**

Заводские рабочие	Клерки	Строители
Служащие	Квалифицированные специалисты	Продавцы
Чернорабочие	Работники	Работники офисов
Парикмахеры	Работники телефонной службы	и другие
Бизнесмены		

Возраст от 20 до 50 лет. Школьники и студенты не допускаются.

* Если вы удовлетворяете этим требованиям, заполните купон внизу и отправьте его по почте профессору Стэнли Милгрэму на психологический факультет Йельского университета. Впоследствии вас уведомят о времени и месте исследования. Мы оставляем за собой право отказа.

* Вам заплатят \$4 (плюс 50 центов), как только вы придете в лабораторию.

АДРЕСАТ: профессор Стэнли Милгрэм, психологический факультет Йельского университета, Нью-Хейвен, штат Коннектикут
Я хочу принять участие в исследовании памяти и обучаемости. Мне между 20 и 50 годами. Мне заплатят \$4 (плюс 50 центов за проезд до университета), если я буду участником.

ИМЯ (печатными буквами).....

АДРЕС

ТЕЛЕФОН..... Лучшее время для звонка.....

ВОЗРАСТ..... ПРОФЕССИЯ..... ПОЛ.....

УДОБНОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ УЧАСТИЯ
будние дни..... вечера..... выходные дни.....

Илл. 1. Объявление в местной газете

профессий принять участие в исследовании памяти и обучаемости. За час участия полагалась плата в \$4 плюс 50 центов для проезда на общественном транспорте (см. иллюстрацию). Откликнулось 296 человек. Поскольку для эксперимента этого было недостаточно, приглашения также рассылались по почте. Приглашительные письма были отправлены нескольким тысячам жителей, чьи имена мы взяли из телефонной книги. Откликнулись примерно 12% адресатов. Респонденты, о которых мы знали пол, возраст и профессию, составили круг испытуемых. За несколько дней до опыта мы проводили индивидуальные собеседования.

Типичными испытуемыми были почтовые клерки, школьные учителя, продавцы, инженеры и рабочие. Образовательный уровень — самый разный: от людей, недоучившихся в школе, до обладателей докторских и прочих профессиональных степеней. Было придумано несколько экспериментальных ситуаций (как вариации основного эксперимента), и с самого начала я счел важным задействовать в каждой из них представителей разных возрастов и разных профессий. Всякий раз разброс по профессиям был таким: 40% — рабочие, квалифицированные и неквалифицированные; 40% — белые воротнички, продавцы и бизнесмены; 20% — люди интеллектуального труда. Подобрали и возрастной состав: 20% — от 20 до 30 лет; 40% — от 30 до 40 лет; и 40% — от 40 до 50 лет.

Место и персонал

Эксперимент проводился в первоклассной Интерактивной лаборатории Йельского университета. Деталь немаловажная с точки зрения легитимности мероприятия в глазах испытуемых. Впрочем, в нескольких последующих вариациях опыт ставили не в университетских условиях (см. главу 6). Роль экспериментатора сыграл тридцатиоднолетний

Илл. 2. Жертва

школьный учитель биологии. По ходу дела он держался бесстрастно и выглядел несколько сурово. Он был одет в серый рабочий халат. В качестве жертвы выступал сорокасемилетний бухгалтер, специально обученный для этой роли, американец ирландского происхождения. Большинство наблюдателей находили его мягким и симпатичным.

Процедура

В каждом эксперименте участвовали один «наивный субъект» и одно подставное лицо. Чтобы оправдать использование электрического тока, требовался хорошо продуманный предлог. (При всех ситуациях законной власти подчиненный должен ощущать связь, пусть и едва уловимую, между конкретной разновидностью авторитетного лица и указаниями с его стороны.) Экспериментатор объяснял положение дел следующим образом.

В психологии существует несколько гипотез, объясняющих, как люди усваивают информацию разного рода.

Некоторые наиболее известные гипотезы рассматриваются в этой книге. (Испытуемому показывали книгу о процессе обучения.)

Согласно одной теории, люди правильно усваивают материал, когда их наказывают за ошибки.

На практике эта теория реализуется, когда родители шлепают ребенка, если он что-то делает не так.

Предполагается, что шлепок, форма наказания, стимулирует ребенка лучше запоминать и учиться эффективнее.

Однако на самом деле мы почти ничего не знаем о том, как влияет наказание на обучаемость, поскольку по-настоящему научных исследований с участием людей не проводилось.

Например, неизвестно, какая степень наказания оптимальна для усвоения материала и насколько влияет личность наказывающего (моложе он ученика или старше и т. д.).

Поэтому в данном исследовании мы привлекаем к участию людей разных профессий и разных возрастов. И одних мы просим быть «учителями», а других «учениками».

Мы хотим выяснить, какое воздействие оказывают разные люди друг на друга в качестве учителей и учеников и каково воздействие наказания в этой ситуации.

Вот и сегодня я собираюсь попросить кого-то из вас быть «учителем», а кого-то — «учеником».

Есть у кого-либо из вас предпочтения?

[Испытуемому и сообщнику экспериментатора разрешено высказывать свои предпочтения.]

Ладно, честнее всего будет бросить жребий. На одной бумажке я напишу слово «учитель», а на другой — «ученик».

[Сначала вытягивает жребий испытуемый, потом — сообщник.]

У кого какая бумажка?

Отлично. Теперь для начала создадим условия, в которых «ученика» можно наказывать.

Пройдемте в соседнюю комнату...

Жеребьевка подтасовывалась таким образом, что испытуемый всегда оказывался «учителем», а сообщник экспериментатора — «учеником». (На обеих бумажках стояло слово «учитель».) Сразу после жеребьевки «учителя» и «ученика» отводили в соседнюю комнату, где «ученика» пристегивали ремнями к «электрическому стулу».

Экспериментатор объяснял: ремни необходимы, чтобы избежать ненужных движений при ударе током. На самом

деле надо было создать впечатление, что в этой ситуации ему некуда деться. К запястью «ученика» был присоединен электрод, а «чтобы избежать волдырей и ожогов», применялась электродная паста. Испытуемому сообщали, что электроды соединены с генератором тока в соседней комнате.

Для вящей убедительности экспериментатор в ответ на сомнения «ученика» заявлял: «Хотя удары током могут быть очень болезненными, они не приведут к долговременным повреждениям тканей».

Задание

Задание состояло в запоминании взаимосвязанных слов. Сначала испытуемый зачитывал «ученику» ряд словесных пар, а затем повторял список, только первое слово пары сопровождалось уже четырьмя словами. Например, пары могли выглядеть так:

синий ящик
приятный день
дикая утка
и т.д.

А при проверке усвоения набор был следующий:

Синий небосвод — узор — ящик — светильник.

«Ученик» должен был ответить, какое из четырех слов первоначально было в паре с первым словом. Свой ответ он передавал, нажимая на одну из четырех кнопок перед собой, а та зажигала одну из четырех пронумерованных лампочек, расположенных наверху электрогенератора.

Генератор электрошока

На панели располагались по горизонтали 30 рубильников. На каждом рубильнике стояло обозначение числа вольт (с шагом в 15 вольт — от 15 до 450). Каждую группу из четырех рубильников сопровождала надпись: «Слабый разряд», «Умеренный разряд», «Сильный разряд», «Очень сильный разряд», «Мощный разряд», «Очень мощный разряд», «Опасно — тяжелое поражение». Два последних рубильника справа, расположенных за последним рубежом, были просто обозначены: XXX.

При включении рубильника загорался связанный с ним красный сигнал, слышались жужжание и щелчки реле, вспыхивала синяя лампа с надписью «генератор напряжения», а стрелка вольтметра отклонялась вправо.

В левом верхнем углу генератора стояла надпись: «ГЕНЕРАТОР ЭЛЕКТРОШОКА, ТИП ZLB; DYSON INSTRUMENT COMPANY, УОЛТЭМ, МАССАЧУСЕТС; ОТ 15 ДО 450 ВОЛЬТ».

Демонстрационный шок

Перед началом опыта испытуемому давали возможность проверить ощущения от воздействия тока на себе. Разряд всегда составлял 45 вольт и производился нажатием на третий рубильник. Удар тока приходился на запястье испытуемого и укреплял в последнем убежденность в подлинности генератора.

Инструкции относительно электрошока

Испытуемому давали инструкцию наносить удар током всякий раз, когда «ученик» давал неверный ответ. Более того — ключевой момент — было и такое указание: «переключать генератор на ступень выше всякий раз, когда

«ученик» дает неверный ответ». Перед переключением рубильника «учитель» должен был объявлять вслух уровень напряжения. Это служило постоянным напоминанием испытуемому об увеличении интенсивности ударов, наносимых «ученику»¹. Если испытуемый достигал 30-го уровня шока (450 вольт), ему велели продолжать процедуру, используя ток максимального напряжения. После двух дальнейших попыток экспериментатор останавливал опыт².

Реакция экспериментатора

В различные моменты эксперимента испытуемый обращался к экспериментатору за советом, продолжать ли наносить удары. Или давал понять, что не хочет делать это дальше.

Экспериментатор подталкивал испытуемого серией фраз, призывая его к подчинению.

Фраза 1: «Пожалуйста, продолжайте». (Или: «Пожалуйста, дальше».)

Фраза 2: «Эксперимент требует, чтобы вы продолжали».

Фраза 3: «Абсолютно необходимо, чтобы вы продолжали».

Фраза 4: «У вас нет выбора, вы должны продолжать».

Здесь была четкая последовательность. Фраза 2 использовалась лишь в том случае, если фраза 1 оказывалась неэффективной. Если испытуемый отказывался повиноваться после фразы 4, эксперимент прекращался. Во всех случаях экспериментатор отдавал распоряжение твердо, но вежливо. Последовательность возобновлялась всякий раз, когда субъект упирался или выказывал нежелание следовать указаниям.

Специальные побуждающие фразы

Если испытуемый спрашивал, не рискует ли «ученик» серьезно пострадать, экспериментатор отвечал:

Хотя удары током могут быть болезненными, они не приводят к долговременным повреждениям тканей. Поэтому, пожалуйста, продолжайте. [При необходимости за этим следовали фразы 2, 3 и 4.]

Если испытуемый заявлял, что «ученик» не хочет продолжать, экспериментатор отвечал:

Нравится это «ученику» или не нравится, вы должны продолжать, пока он не выучит правильно все пары слов. Поэтому, пожалуйста, продолжайте. [При необходимости за этим следовали фразы 2, 3 и 4.]

Реакция жертвы

Во всех случаях «ученик» давал заранее определенные ответы на тест со словесными парами в пропорции приблизительно три неправильных ответа на один правильный.

Реакции жертвы — один из ключевых элементов ситуации, а потому были тщательно продуманы. Поначалу в пилотных исследованиях жертва не издавала никаких звуков. Мы думали, что надписей с числом вольт и указанием напряжения будет достаточно, чтобы вызвать неповиновение. Однако это оказалось не так. В отсутствии протестов со стороны «ученика» почти все участники пилотных исследований исполняли инструкции до конца, не выказывая особой тревоги. Но это лишало нас возможности нащупать закономерности. Нужно было задействовать какой-то фактор, который усилил бы сопротивление

испытуемого и выявил индивидуальные различия с точки зрения момента отказа от участия.

Этим фактором стали протесты жертвы. Поначалу мы использовали слабые протесты, но от них не было толку. Постепенно по ходу эксперимента мы стали прибегать ко все более решительным протестам. Но к нашему ужасу, даже очень болезненные реакции жертв не удерживали многих от применения самых суровых наказаний по требованию экспериментатора. И все же в среднем число случаев применения максимальных ударов током уменьшилось и в поведении испытуемых появился некоторый разброс. Соответственно, мы записали крики жертвы на магнитофон и включили их в основную процедуру эксперимента.

Данная ситуация показала не только сложности в создании эффективной экспериментальной процедуры, но и то, что испытуемые обнаружили гораздо большую готовность подчиняться, чем мы ожидали. Стало понятно и значение реакции жертвы при наблюдении за поведением испытуемых.

Каждый возглас «ученика» соответствовал определенному уровню напряжения на генераторе. В тексте сложно передать весь спектр реакций: у нас нет точных слов для описания всех оттенков интенсивности и тональности протестов. В целом, однако, картина такова. Жертва не выражала недовольства до разряда в 75 вольт, который вызывал легкий вскрип. Аналогичные реакции следовали за ударами в 90 и 105 вольт, а после 120 вольт «ученик» говорил, что ему больно. После 135 слышались тяжелые стоны, а после 150 — «ученик» просил: «Экспериментатор, заберите меня отсюда! Я не хочу больше участвовать в эксперименте! Я отказываюсь продолжать!» Подобные восклицания становились все интенсивнее, и после 180 вольт «ученик» кричал: «Я не могу выносить эту боль!» Реакцией на 270 вольт был неистовый вопль. Начиная со 150 вольт

«ученик» упорно настаивал, чтобы его отпустили. После 300 вольт он отчаянно вопил, что не желает отвечать на вопросы.

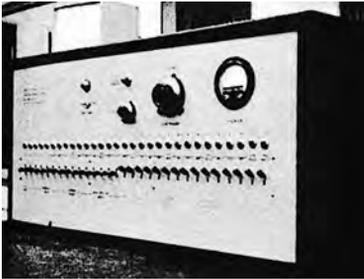
Как правило, в этот момент испытуемые обращались за советом к экспериментатору. Экспериментатор говорил, что отсутствие ответа надо расценивать как неправильный ответ и продолжать действовать по намеченному плану. Он советовал выждать 5–10 секунд, и затем дать ток и так далее с пошаговым увеличением. При разряде в 315 вольт «ученик» истошно кричал и твердил, что больше не собирается участвовать. Затем переставал отвечать и лишь вскрикивал. После 330 вольт вообще не подавал признаков жизни, молчало и световое табло.

Показатели

В каждом случае мы определяли, до какого максимума человек готов пойти, прежде чем откажется повиноваться. Теоретически данная величина может варьировать от 0 (если он отказывается дать даже первый удар тока) до 30 (если испытуемый доходит до самой высокой отметки на генераторе).

Интервью и «разбор полетов»

Один из важных элементов процедуры имел место под конец экспериментальной сессии. Все участники получали своего рода постэкспериментальную терапию. Конкретное ее содержание менялось от случая к случаю, причем с каждым разом мы становились опытнее. По крайней мере каждый участник узнавал, что жертва не получала электрических ударов. Каждый испытуемый знакомился и по-дружески общался с невредимой жертвой и подробно обсуждал все с экспериментатором. Тех, кто в ходе

Генератор электрошока

Жертву пристегивают к креслу

Испытуемый получает
демонстрационный шок

Испытуемый отказывается
продолжать эксперимент

Илл. 3.

эксперимента отказался повиноваться, мы поддерживали, подкрепляя их уверенность в правильности принятого решения. Покорным же испытуемым говорили, что такое поведение абсолютно нормально, а подобные чувства внутреннего конфликта испытывают и другие участники. Всем обещали под конец экспериментов представить подробный отчет. При необходимости с некоторыми участниками проводились дополнительные и детальные обсуждения эксперимента.

Когда серия экспериментов завершилась, испытуемые получали письменный отчет с результатами и деталями. При этом их участие в эксперименте и поведение оценивались самым уважительным образом. Кроме того, они заполняли анкету, позволяющую поделиться мыслями и чувствами относительно своего поведения.

Краткое резюме

В данной ситуации испытуемый должен разрешить конфликт между двумя взаимоисключающими требованиями. Он может следовать инструкциям экспериментатора и воздействовать на «ученика» все более сильными электрическими разрядами, или отказаться, вняв мольбам жертвы. Авторитет экспериментатора проявляется не в вакууме, а в условиях все более отчаянных протестов человека, подвергающегося наказанию.

Лабораторная обстановка дает возможность изучить реакции испытуемого на главный конфликт эксперимента. Повторюсь, это конфликт между требованиями экспериментатора (продолжать электрические удары) и все более настойчивыми требованиями «ученика» (прекратить эксперимент). Ключевой момент исследования состоит в том, чтобы последовательно менять факторы, предположительно влияющие на степень повинности, и тем самым

выяснить, при каких условиях наиболее вероятно подчинение авторитету, а при каких превалирует непослушание.

Эксперимент позволяет выделить элементы, характеризующие подчинение в широком смысле слова, и представить их в форме, удобной для научного исследования. Преимущества такой ситуации обусловлены тем, что мы можем видеть, а испытуемый может ощущать одновременное действие антагонистических сил, которые в повседневной жизни редко требуют безотлагательного выбора.

3

Ожидаемое поведение

В общественных науках значение исследований слишком часто умалывается под предлогом, что выводы заведомо очевидны. Однако мы редко обладаем точной информацией о том, какого именно поведения ждут от людей в тех или иных обстоятельствах. Если получить такую информацию, тогда ее можно сопоставить с результатами исследования. Таким образом, у нас появится критерий, позволяющий определить, много мы узнали в ходе эксперимента или мало. Более того, если результат разойдется с ожиданиями, интересно подумать, с чем связано расхождение. Ведь если ожидания окажутся иллюзорными, уместно задаться вопросом: говорит ли эта иллюзия о невежестве или она выполняет какую-то определенную функцию в социальной жизни?

Определить ожидания несложно. В каждом случае респонденты — это люди, которые пришли послушать лекцию о подчинении авторитету. Эксперимент описывается подробно, однако результаты не раскрываются. Аудитории дают схематическое изображение генератора

с обозначениями силы электрошока. Каждого респондента просят обдумать эксперимент, затем приватно сообщить, как он сам повел бы себя на месте испытуемого. Предсказания делались тремя группами: психиатрами, студентами и взрослыми представителями среднего класса и различных профессий.

Илл. 4. Диаграмма лицевой панели

Таблица 1 показывает моменты, когда респонденты, по их мнению, отказались бы подчиняться.

Все 110 респондентов полагали, что в какой-то момент они перестали бы слушаться. Вот типичные объяснения своего неподчинения:

«...Я сам ужасно боюсь электрошока и не смог бы воздействовать током на людей, которые возражают против этого: ведь я делал бы им больно. А я не могу сознательно сделать больно совершенно незнакомому человеку». (Максимум: 90 вольт.)

«Не думаю, что хоть один эксперимент стоит этого: наносить сильные удары током другому человеку. Ведь если он реагирует подобным образом, значит, ему очень неприятно. Я не смог бы причинять ему такую боль. И как только он заявит, что хочет уйти, я пойду ему навстречу». (Максимум: 135 вольт.)

«...я не могу видеть, как люди страдают. Если бы “ученик” захотел уйти, я бы освободил его, чтобы он не мучился». (Максимум: 150 вольт.)

«...если и испытуемый, и я — добровольцы, а экспериментатор не имеет надо мной физической власти, человека нужно отпустить, как только он попросит. И я бы отпустил его». (Максимум: 150 вольт.)

«Я бы прекратил эксперимент, потому что человек кричал бы от боли. Я же знаю, каково мне, даже если я колленку поцарапаю. И поэтому чувствую сострадание к ученику». (Максимум: 180 вольт.)

Таблица 1. Участники опроса предсказывают момент своего неподчинения

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Психиатры (n = 39)*	Студенты колледжа (n = 31)	Взрослые представители среднего класса (n = 40)
	Слабый разряд	2**		3**
1	15	1		
2	30			
3	45			1
4	60	1		1
	Умеренный разряд			
5	75	6	4	7
6	90	1	3	1
7	105	4		1
8	120	4	1	3
	Сильный разряд			

Продолжение табл. 1

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Психиатры (n = 39)*	Студенты колледжа (n = 31)	Взрослые представители среднего класса (n = 40)
9	135	1	3	2
10	150	14	12	9
11	165		1	2
12	180	2	6	3
Очень сильный разряд				
13	195	2		1
14	210		1	
15	225			1
16	240			1
Мощный разряд				
17	255			1
18	270			
19	285			
20	300	1		3
Очень мощный разряд				
21	315			
22	330			
23	345			
24	360			
Опасно: тяжелое поражение				
25	375			
26	390			
27	405			

Окончание табл. 1

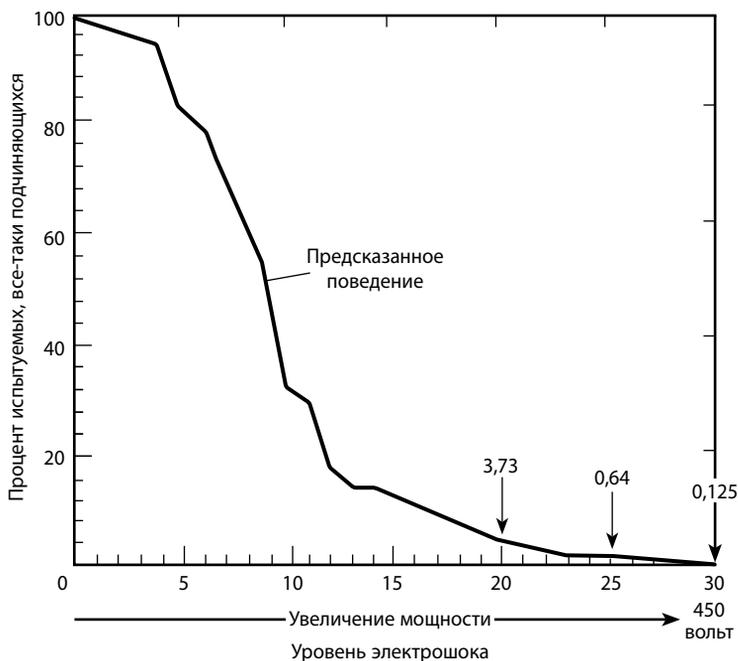
Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Психиатры (n = 39)*	Студенты колледжа (n = 31)	Взрослые представители среднего класса (n = 40)
28	420			
	XXX			
29	435			
30	450			
	Среднее значение максимального уровня электрошока	8,20	9,35	9,15
	Процент предсказавших неподчинение	100	100	100

* n — число испытуемых из экспериментальной группы.

** Эти испытуемые сказали, что вообще не стали бы наносить удары током.

По мнению этих людей, их действия были бы продиктованы сочувствием, состраданием и справедливостью. Мол, понятно ведь, как надо себя вести, а раз понятно, это легко осуществить. Однако они плохо осознают, сколь многоплановые факторы задействованы в реальной социальной ситуации.

Допустим, что такая постановка вопроса неправомерна. Ведь каждый видит себя в лучшем свете. Чтобы исключить субъективность, связанную с тщеславием, мы придумали другой вопрос: как повели бы себя другие люди? (Мы даже попросили респондентов предугадать, как распределятся моменты неподчинения у сотни американцев разных возрастов и профессий.) Отвечали психиатры, аспиранты, преподаватели наук о поведении, второкурсники и взрослые представители среднего класса. И результаты были поразительно схожими. Респонденты отвечали, что

Илл. 5. Прогнозы психиатров относительно эксперимента с протестующей жертвой.

практически все субъекты в какой-то момент откажутся подчиняться и до конца дойдут лишь форменные психи (максимум 1–2% участников). Прогнозы психиатров отражены на иллюстрации 5: большинство испытуемых не зайдут дальше 10-го уровня (150 вольт, когда жертва впервые открыто требует, чтобы ее отпустили); около 4% достигнут 20-го уровня; и лишь один человек из тысячи доведет удары током до максимума.

Какие предпосылки лежали в основе прогнозов? Первая предпосылка: люди в большинстве своем порядочны и им нелегко причинить боль невинным существам. Вторая предпосылка: если человека не заставлять физически и не запугивать, он, как правило, хозяин своему

поведению. Он делает те или иные вещи потому, что сам так *решил*. Да, физические и социальные факторы имеют значение, но это лишь сцена событий. Само же поведение проистекает из внутренней сущности индивида, именно в ее глубинах взвешиваются личностные ценности, оцениваются последствия, и тогда уже решения трансформируются в поступки.

Когда людей просили обдумать наш эксперимент с подчинением, они обычно начинали с подобных предпосылок. Они ставили во главу угла характер автономного индивида, а не ситуацию, в которой он оказывается. Именно поэтому они думали, что почти никто не станет подчиняться указаниям экспериментатора.

4

Непосредственная близость жертвы

А теперь посмотрим, как люди вели себя на самом деле. Начнем с варианта реакции в случае изоляции (эксперимент 1). Она несколько отличалась от обычной ситуации тем, что голос жертвы не был слышен. «Ученика» помещали в отдельную комнату, откуда его самого нельзя было видеть или слышать, а его ответы высвечивались на табло. Тем не менее после удара в 300 вольт стены лаборатории начинали содрогаться от его ударов. После 315 вольт прекращались и ответы, и удары в стену.

Интересно, как испытуемые объясняли свое неподчинение в этот момент (воспроизведено по магнитофонным записям):

«По-моему, он пытается дать о себе знать, он стучит... Нечестно бить его током... уж очень много вольт. На мой взгляд, это не очень гуманно... Я не могу больше; нет, это неправильно. Не эксперимент, а настоящий кошмар. Человек же страдает. Нет, не хочу продолжать. Это безумие». (Испытуемый отказывается выполнять электрошок.)

«Он стучит. Я собираюсь выйти из игры. Я бы и хотел продолжать, но не могу так с ним поступать... Извините, не могу это делать с человеком. Вдруг у него будет плохо с сердцем. Забирайте свой чек... Нет, правда, я не в состоянии».

Однако 26 из 40 подчинялись указаниям экспериментатора до самого конца, наказывая жертву вплоть до самого сильного электрошока. После того как разряд в 450 вольт повторялся трижды, экспериментатор прекращал сессию.

Испытуемые часто находились в возбужденном состоянии. Иногда словесный протест был минимальным, а человек просто вставал со стула, собираясь покинуть лабораторию. Некоторые послушные испытуемые говорили о своем нежелании превышать разряд в 300 вольт и выказывали напряженность, как это было у тех, кто противостоял экспериментатору.

После заключительных максимальных разрядов, когда экспериментатор объявлял о конце опыта, многие покорные испытуемые обнаруживали явное облегчение: отирали пот со лба, проводили ладонями по глазам или нервно шарили в карманах в поиске сигарет. Некоторые качали головой, словно в сожалении. Некоторые оставались спокойными на всем протяжении эксперимента и выказывали от начала до конца лишь минимальные признаки внутреннего дискомфорта.

А если жертва находится ближе?

Эксперимент отличается от демонстрации тем, что, когда в эксперименте наблюдается определенный эффект, появляется возможность последовательно изменять условия, при которых он возникает, и тем самым узнавать причины.

Таким образом то, что мы видели до сих пор, применимо лишь к ситуации, когда жертва находится вне поля зрения и не может быть услышана. А значит, наказываемый человек отдален или не выражает свои желания в явной форме. Да, стучит в стену, но мало ли, почему стучит?! Возможно, некоторые испытуемые не считали это признаком неудовольствия и, соответственно, слушались экспериментатора. А если жертва яснее скажет о своем страдании — если ее присутствие будет ощущаться, если ее будет видно и слышно — сохранится ли подчинение?

Поведение, отмеченное нами в ходе пробных исследований, делало правдоподобным такое предположение. Во время этих исследований жертву можно было смутно видеть сквозь посеребренное стекло. Испытуемые часто отводили глаза от человека, которого подвергали электрошоку, поворачивая голову так, что им это было совершенно неудобно. Один из них объяснял: «Я не хотел видеть последствия своих действий». Наблюдатели отмечали:

...испытуемые выказывают нежелание смотреть на жертву, которую видят сквозь стекло перед собой. Когда на этот факт обращали их внимание, они говорили, что им тяжело видеть, как жертва мучается. Однако надо отметить, что хотя испытуемый и отказывается глядеть на жертву, он продолжает усиливать напряжение.

Получается, лицемерие жертвы отчасти влияло на поведение испытуемого. Если, подчиняясь экспериментатору, испытуемый старался не смотреть на жертву, то верно ли обратное? Если жертва будет на глазах у испытуемого, снизит ли это подчиняемость последнего? Чтобы ответить на этот вопрос, мы придумали серию из четырех экспериментов. Об эксперименте с изоляцией жертвы говорилось выше.

Эксперимент 2 (голосовой отклик) был идентичен первому за исключением того, что в нем присутствовали звуки. Как и в первом случае, жертва находилась в соседней комнате. Однако ее протесты были хорошо слышны сквозь стены лаборатории.

Эксперимент 3 (непосредственная близость) походил на второй, только жертва находилась в одной комнате с испытуемым, в метре с небольшим от него. Таким образом, ее было и видно, и слышно (коль скоро она не молчала).

Эксперимент 4 (соприкосновение) был идентичен третьему за одним исключением: «ученик» получал разряд, лишь когда его ладонь лежала на специальной панели. После 150 вольт он требовал отпустить его и убирал руку. Экспериментатор приказывал испытуемому положить ладонь жертвы обратно на панель. Таким образом, подчинение в данной ситуации требовало физического контакта с жертвой, чтобы выполнить электрошок в 150 вольт и выше.

Таблица 2. Максимальные разряды в экспериментах 1, 2, 3 и 4

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 1 Изоляция (n = 40)	Эксперимент 2 Голосовой отклик (n = 40)	Эксперимент 3 Непосредственная близость (n = 40)	Эксперимент 4 Соприкосновение (n = 40)
Слабый разряд					
1	15				
2	30				
3	45				
4	60				
Умеренный разряд					

Продолжение табл. 2

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 1 Изоляция (n = 40)	Эксперимент 2 Голосовой отклик (n = 40)	Эксперимент 3 Непосредственная близость (n = 40)	Эксперимент 4 Соприкасание (n = 40)
5	75				
6	90				
7	105			1	
8	120				
Сильный разряд					
9	135		1		1
10	150		5	10	16
11	165		1		
12	180		1	2	3
Очень сильный разряд					
13	195				
14	210				1
15	225			1	1
16	240				
Мощный разряд					
17	255				1
18	270			1	
19	285		1		1
20	300	5*	1	5	1
Очень мощный разряд					
21	315	4	3	3	2
22	330	2			
23	345	1	1		1
24	360	1	1		

Окончание табл. 2

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 1 Изоляция (n = 40)	Эксперимент 2 Голосовой отклик (n = 40)	Эксперимент 3 Непосредственная близость (n = 40)	Эксперимент 4 Соприкасание (n = 40)
	Опасно — тяжелое поражение				
25	375	1		1	
26	390				
27	405				
28	420				
	XXX				
29	435				
30	450	26	25	16	12
	Среднее значение максимального уровня электрошока	27,0	24,53	20,80	17,88
	Процент послушных испытуемых	65	62,5	40	30

* Показывает, что в эксперименте 1 пять испытуемых нанесли максимальный удар в 300 вольт.

В каждом случае мы изучили 40 взрослых испытуемых. Результаты показаны в таблице 2. Как видим, повинность существенно снижалась, когда жертва находилась ближе к испытуемому. Средняя величина удара изображена на иллюстрации 6.

При изоляции «ученика» экспериментатору воспротивились 35% участников; при голосовом отклике — 37,5%

участников; при непосредственной близости — 60% участников; при соприкосании — 70% участников.

Чем объяснить снижение подчиняемости при близости жертвы? Здесь могут действовать несколько факторов.

Илл. 6. Средняя величина максимального разряда в экспериментах 1, 2, 3 и 4.

1. *Эмпатия.* При изоляции «ученика» и (в меньшей степени) при голосовом отклике мучения жертвы для испытуемого далеки и носят абстрактный характер. Он осведомлен о них, но лишь умозрительно: факт причинения боли осознается, но не ощущается. Это распространенное явление. Скажем, артиллерист не может не знать, что его снаряды несут страдания

Непосредственная близость с жертвой

Илл. 7. Общая обстановка для эксперимента в условиях непосредственной близости.

Покорный испытуемый в условиях непосредственной близости с соприкосанием

и смерть, но такое знание ни на что не влияет, не пробуждает в нем эмоционального отклика.

Вероятно, визуальные сигналы, связанные с мучением жертвы, вызывают сочувствие и позволяют лучше понять состояние жертвы. Еще вариант: испытывать сострадание неприятно, и испытуемый хочет положить конец ситуации. Стало быть, снижение подчиняемости можно объяснить усилением эмпатической реакции, которая тем интенсивнее, чем ближе находится жертва к «учителю».

2. *Отрицание и сужение когнитивного поля.* Условие изоляции допускает сужение когнитивного поля таким образом, что о жертве можно не думать. Когда жертва находится близко, забыть о ней труднее. «Ученик», пребывающий в поле зрения, буквально вторгается в сознание «учителя». В первых двух ситуациях его существование и реакции дают о себе знать лишь после электрошока. Воспринимаемые слухом сигналы, которые подает «ученик», носят спорадический и разрозненный характер. В ситуации непосредственной близости присутствие его в поле зрения не позволяет испытуемому забыть о нем. И механизм отрицания уже не работает. После эксперимента с изоляцией один испытуемый сказал: «Забавно, как быстро начинаешь забывать, что там сидит человек, хотя его и слышно. Долгое время я лишь сосредотачивался на том, чтобы переключать рубильники и зачитывать слова».
3. *Взаимные поля.* При близком соседстве испытуемый лучше видит жертву, но верно и обратное: за ним тоже проще следить. Возможно, причинять человеку боль легче, когда он не видит наших действий, чем когда видит их. Под чужим пристальным взглядом

у нас могут возникнуть ощущения стыда и вины, которые заставят нас отказаться от дальнейших действий. В нашем языке многие выражения указывают на дискомфорт и внутренние запреты, срабатывающие при очном противостоянии. Часто говорят, что критиковать человека легче «за его спиной», чем «в лицо». Или что когда мы лжем, нам трудно «смотреть в глаза» собеседнику. Испытывая стыд или смущение, мы отворачиваемся. Перед расстрелом человеку завязывают глаза: быть может, не только чтобы ему было менее страшно, но и чтобы менее тяжело было палачу. Одним словом, в ситуации непосредственной близости испытуемый осознает, что жертва его видит. Поэтому он в большей степени отдает себе отчет в своих действиях. Ему неловко. Он не может с легкостью наказывать жертву.

4. *Воспринимаемое единство действия.* В условиях изоляции испытуемому труднее увидеть связь между своими действиями и их последствиями для жертвы. Поступок как бы оторван от последствий. Субъект переключает рубильник в одной комнате, а крики доносятся из другой. Эти события взаимосвязаны, но все же им недостает очевидного единства. Более полное единство достигается в условиях непосредственной близости, когда «ученик» приближен к действию, причиняющему ему боль. И оно максимально в ситуации непосредственной близости с соприкасанием.
5. *Формирование группы.* Когда жертва находится в другой комнате, это не только создает дистанцию между ней и испытуемым, но и сплачивает испытуемого и экспериментатора. Экспериментатор и испытуемый образуют группу, из которой жертва исключена. Стена между «учеником» и остальными лишает его

близости, которую могут ощущать экспериментатор и испытуемый. А в ситуации изоляции жертва — полный аутсайдер, одинокий и в физическом, и в психологическом плане.

Когда жертву помещают ближе к испытуемому, ей легче сформировать альянс с ним против экспериментатора. Испытуемому уже не приходится иметь дело только с экспериментатором. У него под рукой союзник, готовый взбунтоваться против экспериментатора. Таким образом, в некоторых экспериментальных условиях изменение пространственных отношений способно менять расстановку сил.

6. *Приобретенные особенности поведения.* Неоднократно замечалось, что лабораторные мыши редко дерутся с представителями своего помета. Скотт объясняет это с точки зрения пассивной ингибиции* (Scott 1958). Он пишет: «Ничего не делая при... данных обстоятельствах, [животное] учится ничего не делать. В этом можно усмотреть пассивную ингибицию... Данный принцип помогает научить индивида миролюбию: отказываясь от драк, индивид учится не драться». Аналогичным образом, и мы можем научиться не вредить другим людям, не вредя им в повседневной жизни. Но все же это научение происходит в контексте близких отношений с другими. Случаи, когда люди физически далеко от нас, — иное дело. Еще один вариант: в прошлом агрессивные действия против людей, находившихся поблизости, влекли за собой возмездие, отбивавшее охоту

* Ингибиция (от лат. *inhibere* — сдерживать, останавливать) — в психологии подавление, сдерживание, внутренний запрет. Феномен, противоположный социальной фасилитации. То есть это ухудшение скорости и качества выполняемых действий под влиянием присутствия посторонних наблюдателей. — *Прим. ред.*

к агрессии. И напротив, агрессия против тех, кто далеко, редко приводила к возмездию.

Мы перемещается с места на место, и наше пространственное расположение относительно других людей меняется. И то, насколько близко мы находимся к ним или далеко от них, сказывается на психологических процессах, отвечающих за наше поведение. В вышеназванных экспериментах испытуемый, сидящий за генератором, тем чаще отказывался следовать указке и продолжать эксперимент, чем ближе он находился к жертве. Ощутимое, зримое и близкое присутствие жертвы существенно увеличивало способность испытуемого противодействовать власти экспериментатора и давать отпор. Любая теоретическая модель подчинения должна учитывать этот факт.

Неожиданное поведение

Уровень повинности в четырех экспериментах в целом нуждается в пояснении. Испытуемые усвоили с детства, что аморально причинять боль другому человеку против его воли. И все же почти половина из них нарушала этот принцип, следуя указаниям авторитета, у которого не было власти навязать свою волю. Неподчинение не грозило каким-либо наказанием или материальной потерей. Более того, из замечаний и поведения многих участников ясно: наказывая жертву, они зачастую действовали вопреки собственным же ценностям. Они нередко говорили, что нехорошо бить током человека, который просит этого не делать. Некоторые считали такое поведение глупым и бесчувственным. И все же многие следовали требованиям экспериментатора.

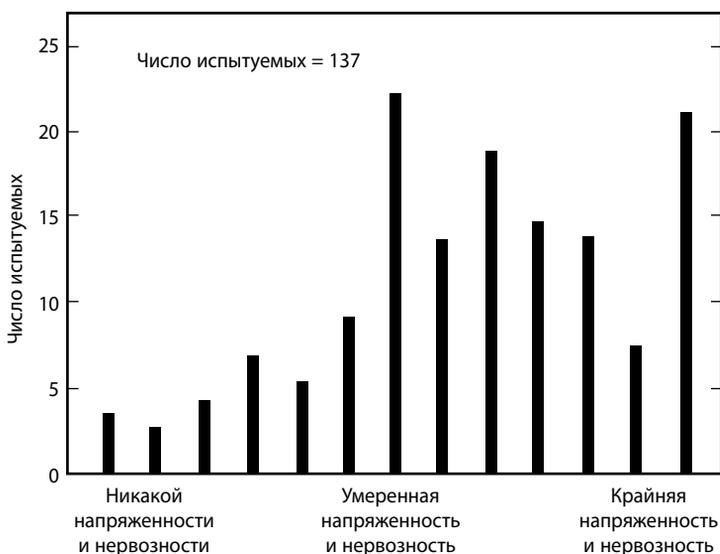
Результаты резко отличались от прогнозов, сделанных в ходе опроса, описанного ранее. (Впрочем, серьезная

недооценка подчинения респондентами может объясняться тем, что последние знали о ситуации лишь с чужих слов, а на словах всего не опишешь.) Однако результаты изумили и тех, кто наблюдал за ходом опытов сквозь односторонние зеркала. Наблюдатели просто отказывались верить своим глазам, видя, как снова и снова испытуемые наносят все более и более сильные удары током. Даже люди, знающие все детали ситуации, постоянно недооценивали степень подчинения, которую выкажут участники эксперимента.

Еще один непредвиденный момент: степень внутреннего напряжения. Казалось бы, если человек не испытывает мук совести, он будет продолжать, а если чувствует, что участие в опыте идет вразрез с совестью, встанет и уйдет. Однако все было совсем иначе. Поразительно, как переживали некоторые участники.

В интервью после эксперимента испытуемых просили оценить по 14-балльной шкале, насколько нервными и напряженными они были в момент максимального напряжения (см. иллюстрацию 8). Предлагались варианты от полного отсутствия напряженности и нервозности до крайней степени. Конечно, ответы участников нельзя считать очень точными, и в лучшем случае они позволяют составить лишь приблизительное представление об их эмоциональной реакции. И все же, не гарантируя достоверности этих сведений, можно отметить, что при некотором разбросе ответов большая их часть сосредоточена между центром и правым краем шкалы. Еще один анализ показал, что послушные испытуемые усматривали у себя несколько большую степень напряженности и нервозности, чем непослушные в момент максимального напряжения.

Как можно объяснить эту напряженность? Прежде всего она указывает на внутренний конфликт. Если бы тенденция соглашаться с авторитетом была единственным

Илл. 8. Оценка испытуемыми уровня своей напряженности и нервозности.

психологическим фактором в этой ситуации, все испытуемые довели бы опыт до конца и при этом не страдали. Значит, имелись как минимум две несовместимые тенденции (Miller, 1944). Если бы единственным фактором была сочувственная забота о жертве, все участники спокойно и твердо отказали бы экспериментатору. Но подчинение сочеталось с неподчинением, что зачастую выливалось в крайнюю степень напряженности. Глубоко укорененный принцип не вредить людям вступал в конфликт с не менее сильной предрасположенностью к послушанию. Перед испытуемым быстро возникала дилемма, причем высокая напряженность указывает на силу этих противоположных векторов.

Более того, напряженность определяет силу аверсивного состояния, от которого испытуемый не в состоянии отделаться путем неподчинения. Когда человек ощущает

дискомфорт, напряженность и стресс, он пытается предпринять какое-то действие, чтобы снять неприятное ощущение. Таким образом, напряжение может приводить в движение реакцию избегания. Однако здесь даже при крайней степени напряженности многие неспособны на реакцию, которая принесла бы облегчение. Значит, есть противоположный стимул, противоположная тенденция или внутренний запрет, — что-то такое, что блокирует неподчинение. Этот препятствующий фактор должен быть сильнее стресса: иначе человек предпринял бы освободительное для него действие. Каждое свидетельство крайнего напряжения говорит одновременно о силах, которые удерживают субъекта в ситуации.

И наконец, напряженное состояние испытуемого показывает, что для него все серьезно. Ведь нормальные люди не дрожат и не потеют, если этот не тот случай, когда они мучительно переживают.

5

Индивид и авторитет

В эксперименте нам важно выяснить о каждом человеке одно: подчинился он или нет. Однако глупо смотреть на испытуемого только под этим углом зрения. Ведь он приносит с собой в лабораторию целую гамму эмоций, подходов и индивидуальных стилей. Более того, участники эксперимента — люди настолько разные по складу и темпераменту, что наличие закономерностей выглядит едва ли не чудом. Допустим, один — немногословный каменщик, который робеет перед ученым. А за ним идет самоуверенный бизнесмен, дымящий сигарой в лицо экспериментатору, чтобы подчеркнуть свою силу.

Особое внимание к их индивидуальностям обусловлено не только тем, что это придает эксперименту личностный аспект, но и тем, что так мы лучше поймем процесс подчинения.

Выстраивая картину, мы будем активно опираться на замечания и утверждения самих участников. Однако необходимо сделать одну оговорку. Хотя мы должны всерьез воспринимать все, что говорит испытуемый, это не значит,

что он полностью понимает причины собственного поведения. При всем внимании к его словам мы не можем полагать, что видим всю картину целиком. На испытуемого действует много факторов, которые он не осознает. Его поведение регулируют скрытые механизмы, о существовании которых он и не подозревает. И у нас есть немалое преимущество перед испытуемым: раз от разу мы несколько варьируем обстоятельства, в которых он находится, и понимаем значимость каждого фактора. Участник (и только он один) стоял перед дилеммой, но не мог увидеть ситуацию в целом.

Наши источники информации таковы. Прежде всего — наблюдения за участником эксперимента (в частности, за диалогом между ним и экспериментатором). Кроме того, после опыта все участники отвечали на вопросы о себе. (Далее мы изменили их имена.) И наконец, ряд испытуемых приняли участие в индивидуальных и групповых дискуссиях, которые проводил один из сотрудников Школы психиатрии Йельского университета.

Бруно Батта, сварщик (в эксперименте 4)

Бруно Батта — тридцатисемилетний сварщик. Родился в Нью-Хейвене, а отец с матерью — в Италии. У него тяжелое лицо с почти полным отсутствием мимики. Во внешности есть что-то звероподобное. Один наблюдатель описал его как «грубого мезоморфа с ограниченным интеллектом». Впрочем, описание не слишком удачное: с экспериментатором Батта ведет себя послушно, почтительно и подобоострастно.

Батта не сразу осваивает процедуру эксперимента, и экспериментатор несколько раз поправляет его. Он с благодарностью принимает помощь и готов выполнять все инструкции. Вариант эксперимента — непосредственная

близость с соприкасанием. После удара в 150 вольт Батте приходится насильно класть ладонь «ученика» на панель, ибо сам «ученик» не хочет это делать.

Когда «ученик» высказывает первую жалобу, Батта пропускает ее мимо ушей. Лицо остается бесстрастным, словно нарушение «учеником» дисциплины его не трогает. Когда экспериментатор просит Батту положить ладонь «ученика» на панель, он следует инструкции. Проверяет рубильник. Когда тот не срабатывает, Батта решительно прижимает ладонь «ученика» к панели. Все это время на лице сохраняется застывшая маска. «Ученик», сидящий рядом с ним, умоляет прекратить, но с безучастностью робота Батта продолжает эксперимент. Удивительно полное безразличие: он ведет себя так, словно «ученик» не человек. При этом с экспериментатором держится послушно и учтиво.

После разряда в 330 вольт «ученик» отказывается не только класть руку на панель, но даже отвечать. Раздраженный Батта поворачивается к нему: «Давай лучше отвечай и быстрее закончим. Не сидеть же нам здесь целый вечер». Это единственные слова, которые он обращает к ученику в течение часа. Больше он с ним не заговаривает. Все это производит тяжелое и угнетающее впечатление: суровое и бесстрастное лицо человека, который принуждает кричащего «ученика» и наносит ему электрические удары. Нет впечатления, что Батте доставляет удовольствие процедура как таковая, — заметно лишь спокойное удовлетворение от того, что он справляется со своей задачей.

После удара в 450 вольт он поворачивается к экспериментатору с вопросом: «Что дальше, профессор?» В его тоне звучит учтивость. Он выражает готовность сотрудничать, — в отличие от упрямого «ученика».

В интервью после эксперимента дает путанные ответы. Экспериментатор задает рутинный вопрос: имел ли, с его

точки зрения, эксперимент какие-то дополнительные задачи? Отвечая на него, Батта без всякой логики начинает порочить «ученика»: «Да, уж очень попался упрямый тип (“ученик”. — С. М.). Если бы маленько соображал, не пришлось бы его наказывать». Получается, «ученик» сам просился.

Экспериментатор спрашивает Батту, ощущал ли он напряжение или нервозность по ходу дела. И снова тот начинает выражать свои чувства по отношению к «ученику»: «Единственный раз я занервничал, а скорее мне стало *противно*, это когда он отказался сотрудничать». Ответов на вопросы об ответственности добиться очень сложно: похоже, Батта не понимает, о чем идет речь. Тогда исследователь упрощает вопрос. В итоге испытуемый перекладывает всю ответственность на ученых: «Вот, что я скажу. Винаваты вы. И все потому, что мне денежки-то уплачены. Мое дело маленькое: есть приказ — я его исполняю».

С его точки зрения, инициатива может принадлежать лишь экспериментатору: «Да что крутить-то. Вы давайте попросту скажите: “Давай, мол, обратно, денежку, и закончили”. Тут мы и смекнули бы».

Для сравнения: многие участники считали, что отказ от платы за эксперимент — достойный выход из ситуации. Но Батта видел ситуацию иначе: этот акт может быть инициирован лишь авторитетом. Ответ экспериментатора: «Я ведь вам говорил, что деньги выплачены вам просто за приход, независимо от того, что случится дальше».

«То-то и оно».

Под конец сессии Батта сообщает, что для него было честью помогать в эксперименте. Потом вздыхает: «Все-таки жаль, сэр, что эксперимента толком не получилось».

Он старался как мог. Лишь по глупости и упрямству «ученика» эксперимент пошел наперекосяк.

Отвечая на вопросы анкеты несколько месяцев спустя, Батта сообщил, что следовал указаниям экспериментатора до конца, был полностью убежден в болезненности получаемых «учеником» ударов, но его это не беспокоило. По его мнению, дополнительные эксперименты подобного рода необходимы. На вопрос о том, вынес ли он из данной ситуации для себя что-либо ценное, он коротко ответил «да». Но не сказал, в чем это заключалось.

Профессор Ветхого Завета (в эксперименте 3)

Перед нами сухопарый, аскетического вида человек, которого можно было бы принять за пастора из Новой Англии. Преподает ветхозаветное богослужение в одном из крупных богословских учебных заведений. В ходе эксперимента в условиях непосредственной близости поправляет свой стул так, чтобы при нажатии на рубильники видеть «ученика». Словесные пары произносит даже с утрированной четкостью. Лаконично и любезно говорит: «Правильно». Всякий раз, когда «ученик» ошибается, едва ли не укоряет его за ошибку. При применении электрошока его губы напрягаются, обнажая зубы. Во всех его действиях заметна чрезвычайная педантичность. Но после 150 вольт отказывается наносить удары. Экспериментатор говорит, что протестами «ученика» следует пренебречь и эксперимент должен продолжаться.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Для эксперимента абсолютно необходимо, чтобы вы продолжали.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Понимаю ваше утверждение, но не понимаю, почему эксперимент ставится выше жизни данного человека.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Удары током не приведут к долговременным повреждениям тканей.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Это лишь ваше мнение. Но если он не хочет продолжать, я буду следовать его инструкциям.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: У вас нет выбора, сэр, вы должны продолжать.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Если бы мы были в России, возможно. Но не в Америке.

(Эксперимент прекращен.)

В ходе беседы с экспериментатором испытуемого, похоже, не впечатляет статус экспериментатора. Скорее, он воспринимает его как ограниченного лаборанта, который не вполне понимает, что делает. Когда экспериментатор заверяет его в безопасности генератора, испытуемый не без раздражения ставит вопрос скорее об эмоциональном, чем психологическом воздействии опыта на «ученика».

ИСПЫТУЕМЫЙ (*спонтанно*): Надеюсь, вы учли этическую сторону дела. (*Крайне взволнованно.*) Он не хочет продолжать, а вы думаете, что эксперимент важнее? Вы посмотрели, как он там? Вы знаете, в каком он физическом состоянии? Что, если у него слабое сердце? (*Голос дрожит.*)

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мы знаем этот прибор, сэр.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Но не знаете человека, над которым ставите опыт... Это очень рискованно. (*Поспешно и нервно.*) А что скажете по поводу страха, который он испытывает? Вы же не можете установить, какое воздействие это на него оказывает... страх, который у него усиливается... Впрочем, что это я? Здесь вы задаете вопросы. Я здесь не для того, чтобы спрашивать вас.

Он прекращает спрашивать вроде бы потому, что не вправе задавать вопросы. Однако возникает ощущение, что он считает собеседника косным и ограниченным существом, неспособным к разумному диалогу. Любопытно

спонтанное упоминание об *этике*, сделанное в дидактической манере и обусловленное профессией — преподавателя религиозного предмета. И наконец, интересно, что поначалу он оправдывал свой отказ от эксперимента не правом на неподчинение, а необходимостью исполнить требования жертвы.

Таким образом, указания экспериментатора и «ученика» для него равносильны и он не столько выходит из подчинения, сколько начинает слушаться другого человека.

Объяснив подлинную цель эксперимента, экспериментатор спрашивает: «Какой способ усиления сопротивляемости бесчеловечному авторитету вы считаете самым эффективным?»

Испытуемый отвечает: «Если для человека высшая власть — это Бог, человеческая власть уже не имеет такого значения».

Заметьте, суть его ответа не в отрицании авторитета, а в замене плохого хорошим — божественным.

Джек Вашингтон,
оператор сверлильного станка (в эксперименте 2)

Джек Вашингтон — чернокожий тридцатипятилетний уроженец Южной Калифорнии. Он работает оператором сверлильного станка и подчеркивает то обстоятельство, что школу не закончил не по собственной вине: его забрали в армию, не дав получить аттестат. Это мягкий человек, несколько грузный и лысеющий. Выглядит старше своих лет. Действует очень медленно, держится бесстрастно. В речи заметен южный акцент.

При первых протестах жертвы он поворачивается к экспериментатору, печально смотрит на него, но затем продолжает зачитывать слова. Экспериментатору нет

необходимости отдавать приказы. По ходу дела испытуемый ничем не выдает каких-либо эмоций и почти недвижим. Медленно, но верно он исполняет указания экспериментатора, что резко контрастирует с отчаянными воплями жертвы. Его лицо не покидает грустное и удрученное выражение. Он доходит до уровня в 450 вольт, спрашивает, что делать дальше, делает еще два разряда, на чем опыт и заканчивается.

Впоследствии он объясняет в интервью: да, он считал удары током чрезвычайно болезненными, но верил экспериментатору, что непоправимого вреда они не причинят. Он повторяет эту мысль в анкете спустя почти год после эксперимента. В ответ на вопрос об ответственности за страдания жертвы он возлагает вину в первую очередь на ученых, во вторую очередь на жертву, и в последнюю — на себя. Об «ученике» он говорит: «Сам согласился — пусть и отвечает». Экспериментатор же несет «главную ответственность. Я лишь следовал его приказам... Мне было сказано продолжать. Не было ни намека на то, что надо остановиться».

Эта формулировка не выходит у него из головы. Он повторяет ее снова и снова: мол, был бы хоть малейший намек, — и он бы остановился, а так лишь выполнял требования экспериментатора. Единственное, чего он боялся: нарушить инструкции.

Медленно и с расстановкой он объясняет: «Я знаю, что до какого-то момента электрошок не смертелен. Меня самого однажды током ударило, — я чуть не упал... рука онемела. Но я не умер».

Тем самым он соглашается с экспериментатором, что удары током могут быть болезненными, но не опасными. Он во всех отношениях полагается на экспериментатора, да и вообще принимает его авторитет легче и с меньшим внутренним конфликтом, чем многие другие участники.

Ян Ренсалер, инженер-технолог (в эксперименте 2)

Ян Ренсалер — тридцатидвухлетний инженер, спортивного вида блондин с усами. Он ведет себя сдержанно и разговаривает с легким акцентом. Опрятно одет. В интервью объясняет, что покинул Голландию после Второй мировой войны и принадлежит к Голландской реформатской церкви. Это человек мягкий и неглупый.

Когда жертва жалуется, получив удар в 150 вольт, он поворачивается к экспериментатору: «Что делать?»

Экспериментатор требует продолжать.

Инженер прикладывает к голове ладонь и выполняет указание. Он все чаще и чаще бросает взгляды на экспериментатора. После 255 вольт он отодвигает стул от генератора и поворачивается к экспериментатору.

МИСТЕР РЕНСАЛЕР: Я больше так не могу. Какая же это добровольная программа, если человек не хочет.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Пожалуйста, продолжайте.

(Долгая пауза.)

МИСТЕР РЕНСАЛЕР: Не могу продолжать. Извините.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Эксперимент требует, чтобы вы продолжали.

МИСТЕР РЕНСАЛЕР: Но человеку больно.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Здесь нет риска долговременного повреждения тканей.

МИСТЕР РЕНСАЛЕР: Да, но я знаю, что это такое. Я же сам инженер-электрик, и меня било током... это большое потрясение, особенно если ждешь следующего раза. Извините.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Абсолютно необходимо, чтобы вы продолжали.

МИСТЕР РЕНСАЛЕР: Не могу продолжать, когда человек кричит, чтобы его выпустили.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: У вас нет выбора.

МИСТЕР РЕНСАЛЕР: У меня *есть* выбор. (*Недоверчивым и возмущенным тоном.*) Что значит — нет выбора? Я явился сюда по собственной воле. Думал помочь исследованиям. Но если для этого нужно кому-то делать больно (да и если бы я был на его месте), тогда нет. Продолжать не буду. Очень извиняюсь, но, пожалуй, я и так слишком далеко зашел.

Когда его спросили, кто несет ответственность за нанесение ударов током «ученику» вопреки его воле, Ренсалер ответил: «Я несу всю ответственность».

Он отказался возлагать какую-либо ответственность на «ученика» или экспериментатора.

«Мне следовало остановиться после первой жалобы. Да я и хотел остановиться. Повернулся и посмотрел на вас. Думаю, это вопрос... авторитета, если можно так выразиться. Я находился под впечатлением от всего происходящего и продолжал, хотя и не хотел. Скажем, если вы служите в армии и должны делать то, что вам не нравится, но приказ есть приказ. Что-то в этом роде. Вы понимаете мою мысль?»

«Но было бы малодушием перекладывать ответственность на других. Как если бы я повернулся и сказал: “Это ваша вина, а не моя”. Я назвал бы это малодушием».

Хотя испытуемый перестал подчиняться на 255 вольтах, он ощущает вину за то, что продолжал делать разряды после первых протестов жертвы. Он строг к себе и не прикрывается условиями, в которых действовал, не пытается снять с себя ответственность.

Мистер Ренсалер удивился, что психиатры недооценивали подчиняемость. Он сказал, что на основе своего опыта жизни при нацистской оккупации предсказал бы высокий уровень подчиняемости. Его слова: «Было бы интересно провести эти опыты в Германии и других странах»³.

Эксперимент произвел глубокое впечатление на испытуемого. Через несколько дней после него он написал длинное и взвешенное письмо нашим сотрудникам, спрашивая, не может ли он поработать с нами.

«Хотя я инженер, но пришел к убеждению, что в нашем мире намного важнее социальные науки, особенно психология».

Моррис Браверман,
социальный работник (в эксперименте 1)

Моррис Браверман — тридцатидевятилетний социальный работник. Из-за лысины и степенных манер кажется старше своих лет. Лоб изборозжен морщинами, словно на нем отпечатались все тяготы мира. Выглядит умным и заинтересованным. Вообще производит впечатление человека серьезного и сдержанного, с излишним самоконтролем, чей хорошо модулированный голос не связан с эмоциональной жизнью. Говорит выразительно, но с заметной аффектацией. В какой-то момент эксперимента начинает посмеиваться. Сначала это лишь легкий смешок, но затем смех становится все более частым и неуместным. Похоже, он вызван воплями жертвы.

Когда «ученик» отказывается отвечать, а экспериментатор велит рассматривать отсутствие ответа как неверный ответ, испытуемый кажется озабоченным.

Перед ударом в 315 вольт любезно уведомляет жертву: «Мистер Уоллес, ваше молчание будет расцениваться как неверный ответ». Затем переключает рубильник. Нерешительно предлагает «ученику» поменяться местами, после чего спрашивает экспериментатора: «Необходимо ли выполнять указания буквально?» Удовлетворяется ответом экспериментатора, что да, необходимо. Его утонченная и повелительная манера говорить все чаще сменяется хриплым смехом.

Из заметок экспериментатора по поводу последних ударов, нанесенных Браверманом:

Находится на грани срыва всякий раз, когда нажимает на рубильник. Потирает лицо, чтобы скрыть смех.

Пытается закрыть лицо рукой, но все еще посмеивается. Выдают глаза.

Не способен контролировать свой смех в данный момент, что бы ни делал.

Сжимает кулак, надавливая им на стол.

В ходе интервью мистер Браверман комментирует свои впечатления удивительно живо и разумно. Он высказывает гипотезу, что эксперимент имел и такую задачу: «Выяснить не только то, как будет учиться “ученик” в жесткой ситуации с авторитарностью и наказаниями, но и то, как будет вести себя “учитель”, оказавшись, по сути, в садистической роли». Его спрашивают, насколько болезненными были для «ученика» последние удары током. Он отвечает, что крайняя категория на шкале — это уже чересчур, и делает отметку на конце шкалы со стрелкой, направленной за пределы шкалы.

Трудно передать словами, насколько он спокоен и ослаблен во время ответов на вопросы в интервью. Самым невозмутимым тоном он говорит о своем глубоком внутреннем конфликте.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: В какой момент вы испытывали наибольшую напряженность или нервозность?

МИСТЕР БРАВЕРМАН: Когда он впервые начал кричать, и я понял, что ему больно. Стало еще хуже, когда он заупрямился и отказался отвечать. Я думал: вот я, приличный человек, причиняю боль другому и не могу выбраться из довольно безумной ситуации... мол, интересы науки.

Но в какой-то момент у меня было желание отказаться от «учительства».

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: В какой именно момент?

МИСТЕР БРАВЕРМАН: После того как он пару раз отказался отвечать и пару раз промолчал. Я тогда еще спросил вас, нельзя ли избрать иной метод обучения. У меня даже возникло желание утешить его, поговорить с ним, подбодрить; вообще самому понять его чувства, поработать над этим, чтобы мы вместе с этим разобрались и не приходилось делать ему больно.

В последнем случае мистер Браверман не имел в виду неповиновения, он лишь хотел обучать жертву другим способом.

Когда интервьюер задает обычный вопрос о напряженности, мистер Браверман упоминает о своем смехе.

«У меня была какая-то странная реакция. Не знаю, наблюдали вы за мной или нет, но мне хотелось хихикать. Я пытался подавить смех. А ведь обычно я совсем другой. Но так я реагировал на совершенно немыслимую ситуацию; на ситуацию, в которой мне приходилось причинять боль другому человеку. И в которой я был абсолютно беспомощен, не мог ничего изменить и даже не пытался помочь. Это меня доставало».

Через год после эксперимента он утверждает в анкете, что определенно вынес для себя много полезного из своего участия в нем. И добавляет: «Меня ужаснула собственная податливость и подчиняемость центральной идее: что продолжать отстаивать ценности эксперимента с памятью можно только за счет попрания других ценностей. Словом, даже поняв это, нельзя причинять боль беспомощному человеку, который ничего худого вам не сделал. Как сказала моя жена: “Можешь называть себя Эйхманом”. Надеюсь, в будущем, если возникнет конфликт ценностей, я поведу себя достойнее».

6

Дальнейшие вариации и наблюдения

Эксперимент 5: новая площадка для эксперимента

По окончании серии экспериментов с непосредственной близостью мы перебрались из Йельской интерактивной лаборатории в более скромное помещение в цокольном этаже того же здания. Новая лаборатория находилась в рабочем состоянии, но выглядела незатейливо: трубы вдоль потолка, бетонированный пол вместо шикарных ковров и штор. Мне было интересно, не снизит ли подчиняемость менее впечатляющая обстановка. Впрочем, так или иначе нужно было ставить эксперимент в новых условиях. Для данного случая мы использовали вариант с голосовым откликом, но внесли небольшое изменение. А именно «ученик» не только издавал крики боли, но и сообщал о своих проблемах с сердцем. Этот новый элемент мог стать дополнительным стимулом к неподчинению и сделать невозможным дальнейшее повиновение.

Я не хотел, чтобы «проблемы с сердцем» выглядели настолько серьезно, чтобы «ученик» явно не подходил для

опыта. Достаточно было намек на возможную проблему. Это достигалось несколькими замечаниями жертвы в тот момент, когда ее пристегивали к «электрическому стулу». Экспериментатор и «наивный испытуемый» (который, к слову, помогал пристегивать «ученика») собираются уже перейти в соседнюю комнату, и напоследок экспериментатор бросает традиционную реплику: «Вопросы есть?» И тут «ученик» немного застенчиво отвечает: «Несколько лет назад я был в Уэст-Хейвенской больнице, и у меня нашли небольшую проблему с сердцем. Ничего серьезного, но... эти удары током не опасны?»

Экспериментатор отвечает уверенно и несколько небрежно, что удары могут быть болезненными, но не приведут к долговременным повреждениям тканей, и тут же переходит к другим делам.

Эта новая серия протестов, которая послужила моделью для всех последующих экспериментов, походила на первую, за исключением того, что о проблемах с сердцем упоминалось после разрядов в 150, 195 и 330 вольт. Приведем точную последовательность протестов.

Эксперимент 5: новая площадка для эксперимента **Последовательность протестов «ученика»**

75 вольт	Ой!
90 вольт	Ой!
105 вольт	Ой! (<i>Громче.</i>)
120 вольт	Ой! Ничего себе, больно.
135 вольт	Ой!!!
150 вольт	Ой!!! Экспериментатор! Это все. Заберите меня отсюда. Я же говорил вам, что у меня проблемы с сердцем. Мое сердце начинает беспокоить меня. Заберите меня отсюда, пожалуйста. Мое сердце начинает беспокоить меня. Я отказываюсь продолжать. Выпустите меня.

- 165 вольт Ой! Выпустите меня! (*Громче.*)
- 180 вольт Ой! Я не могу выносить эту боль. Выпустите меня отсюда! (*Кричит.*)
- 195 вольт Ой! Выпустите меня отсюда. Выпустите меня отсюда. Мое сердце беспокоит меня. Выпустите меня отсюда! У вас нет права держать меня здесь! Выпустите меня! Выпустите меня отсюда! Выпустите меня! Выпустите меня отсюда! Мое сердце беспокоит меня. Выпустите меня! Выпустите меня!
- 210 вольт Ой!!! Экспериментатор! Выпустите же меня отсюда. Хватит с меня. Я не желаю больше участвовать в этом эксперименте.
- 225 вольт Ой!
- 240 вольт Ой!
- 255 вольт Ой! Выпустите меня отсюда.
- 270 вольт (*Мучительный крик.*) Выпустите меня отсюда. Выпустите меня отсюда. Выпустите меня отсюда. Выпустите меня. Вы слышите? Выпустите меня отсюда.
- 285 вольт (*Мучительный крик.*)
- 300 вольт (*Мучительный крик.*) Я наотрез отказываюсь отвечать. Выпустите меня отсюда. Вы не можете меня здесь держать. Выпустите меня. Выпустите меня отсюда.
- 315 вольт (*Пронзительный мучительный крик.*) Я же говорил вам, что отказываюсь отвечать. Я больше не участвую в эксперименте.
- 330 вольт (*Пронзительный, долгий, мучительный крик.*) Выпустите меня отсюда. Выпустите меня отсюда. Сердце беспокоит меня. Выпустите меня, говорю вам. (*Истерически.*) Выпустите меня отсюда. Выпустите меня отсюда. Вы не имеете права меня здесь держать. Выпустите меня! Выпустите меня! Выпустите меня! Выпустите меня отсюда! Выпустите меня! Выпустите меня!

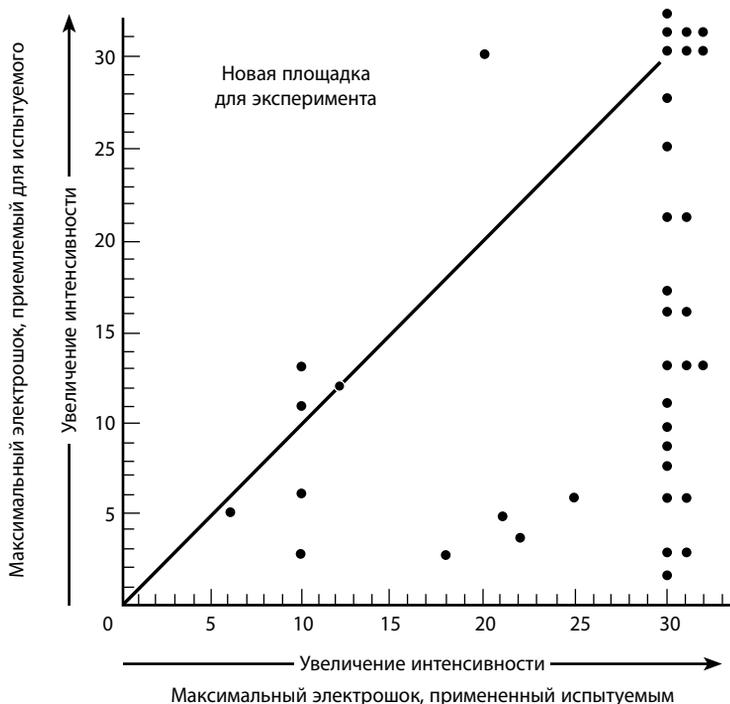
Ни более скромная лаборатория, ни упоминание о проблемах с сердцем не снижают подчиняемость. 26 из 40 испытуемых дошли до конца этого эксперимента, тогда как в ситуации с голосовым откликом это были 25 из 40 (небольшая случайная вариация). Как распределялись моменты отказа от эксперимента, можно видеть в таблице 3.

Видимо, никакие слова жертвы не способны вызвать немедленное неподчинение, так как действиями «учителя» управляет не она.

После эксперимента испытуемых спрашивали: «Какой максимальный демонстрационный удар вы готовы были бы получить?» На этот вопрос есть ответы 39 участников, они показаны на иллюстрации 9. Трое непокорных испытуемых смирились бы с ударами более сильными, чем те, что нанесли сами. Из 26 повинующихся лишь семеро были готовы на удар в 450 вольт, который только что нанесли «ученику», а 19 — не были. В большинстве случаев имеет место явное расхождение между ударом током, который испытуемый нанес «ученику», и уровнем, который устроил бы его самого в качестве образца. Таким образом, три наиболее низко расположенные точки в крайнем правом углу рисунка отражают троих испытуемых, которые выполнили разряд в 450 вольт, но не хотели испробовать на себе более 45 вольт. Аналогичные (и даже еще более крайние) результаты обнаруживались во всех экспериментальных условиях, когда мы задавали этот вопрос.

Эксперимент 6: смена персонала

Возможно ли, что испытуемые реагируют преимущественно на личности экспериментатора и жертвы? Допустим, экспериментатор воспринимается как более сильная личность, чем жертва, и испытуемый ассоциирует себя с более внушительным персонажем. Следующая вариация

Илл. 9. Соотнесение максимального значения примененного электрошока и максимального электрошока, который готов получить испытуемый

эксперимента возникла случайно, но помогла пролить свет на данный вопрос. Чтобы ускорить исследования, мы организовали вторую команду: взяли еще одного экспериментатора и еще одну жертву. В первой команде экспериментатор выглядел сухим и строгим типом технического склада. В качестве жертвы, напротив, выступал мягкий, добродушный и безобидный человек. Во второй команде все получилось едва ли не наоборот. Новый экспериментатор казался мягким и ненапористым. А роль новой жертвы играл мужчина с суровым костистым лицом и выдающейся челюстью, который выглядел так, словно в драке задаст жару

любому. Однако результаты, приведенные в таблице 3, говорят, что смена персонала почти не повлияла на уровень подчиняемости. Личностные особенности экспериментатора и жертвы не имели ключевого значения.

Эксперимент 7: близость авторитета

В ходе экспериментов с непосредственной близостью мы убедились, что пространственные взаимоотношения между испытуемым и жертвой влияли на уровень подчиняемости. Сыграют ли свою роль взаимоотношения между испытуемым и экспериментатором?

Есть основания полагать, что изначально испытуемые ориентированы на экспериментатора, а не на жертву. Ведь они пришли в лабораторию, чтобы вписаться в структуру, которую создал экспериментатор, а не «ученик». Они намеревались не столько понять поведение, сколько *выявить* это поведение для компетентного ученого, — и были готовы служить его научным целям. Большинство испытуемых, казалось, достаточно волновало впечатление, которое они производят на экспериментатора. Вполне возможно, что эта озабоченность в относительно новой и необычной обстановке отчасти притупила восприятие ими троичной природы данной социальной ситуации. Испытуемые были настолько небезразличны к тому, какой вид имеют перед экспериментатором, что влияние других элементов социального поля не имело особого значения. Эта мощная ориентация на экспериментатора объясняет относительную нечуткость испытуемого к жертве и может натолкнуть на мысль, что изменения во взаимоотношениях между испытуемым и экспериментатором существенно скажутся на подчиняемости.

Еще в одной серии экспериментов мы изменяли физическую близость экспериментатора и степень надзора с его стороны. В эксперименте 5 руководитель сидел всего

лишь в метре от субъекта. В эксперименте 7 руководитель давал начальные указания, после чего покидал лабораторию, а дальше общался лишь по телефону.

Когда экспериментатора в лаборатории не было, подчиняемость резко падала. Число послушных испытуемых в эксперименте 5 (26) почти в три раза превышало аналогичный показатель в эксперименте 7 (9), где указания давались по телефону. Похоже, испытуемые сопротивлялись значительно сильнее в отсутствие взаимодействия лицом к лицу.

Более того, когда экспериментатор отсутствовал, у испытуемых наблюдалась интересная форма поведения, которой при нем не было. Некоторые продолжали эксперимент, но давали менее сильные разряды, чем требовалось, причем не ставили в известность экспериментатора. При этом по телефону они уверяли экспериментатора, что повышают уровень электрошока согласно инструкции, тогда как на самом деле нажимали на рубильник с минимальным напряжением. Эта форма поведения особенно интересна: хотя своим поведением эти участники явно шли вразрез с заявленными целями эксперимента, им было легче решить проблему внутреннего конфликта подобным образом, чем открыто портить отношения с авторитетом.

Мы пробовали и такую модификацию: экспериментатор отсутствовал в первой части опыта, но появлялся вскоре после того, как испытуемый нарушал указания, пользуясь тем, что им руководили по телефону, и не увеличивал напряжение. Появление экспериментатора зачастую меняло дело в пользу повиновения.

Эта серия экспериментов показала, что физическое *присутствие* авторитета — важный фактор, от которого во многом зависит подчинение или неподчинение. Подчинение антигуманным указаниям отчасти обусловлено непосредственным контактом между авторитетом и испытуемым. Любая теория подчинения должна это учитывать⁴.

Таблица 3. Максимальные разряды в экспериментах 5–11

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 5 Новая площадка для эксперимента (n = 40)	Эксперимент 6 Смена персонала (n = 40)	Эксперимент 7 Экспериментатор отсутствует (n = 40)
Слабый разряд				
1	15			
2	30			
3	45			
4	60			
Умеренный разряд				
5	75			
6	90	1		1
7	105			1
8	120		2	
Сильный разряд				
9	135			1
10	150	6	4	7
11	165		1	3
12	180	1	3	1
Очень сильный разряд				
13	195		1	5
14	210		2	
15	225			1
16	240			
Мощный разряд				
17	255			
18	270	2	2	3
19	285			
20	300	1	1	3
Очень мощный разряд				
21	315	1	2	
22	330	1	1	1
23	345			
24	360		1	2
Опасно: тяжелое поражение				
25	375	1		
26	390			
27	405			1
28	420			1
XXX				
29	435			
30	450	26	20	9
Среднее значение максимального разряда		24,55	22,20	18,15
Процент послушных испытуемых		65	50	20,5

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 8 Женщины (n = 40)	Эксперимент 9 Предварительные условия (n = 40)	Эксперимент 10 Офисное здание, Бриджпорт (n = 40)	Эксперимент 11 Испытуемый выбирает уровень электрошока** (n = 40)
Слабый разряд					
1	15				3
2	30				6
3	45				7
4	60				7
Умеренный разряд					
5	75				5
6	90				4
7	105			1	1
8	120				1
Сильный разряд					
9	135		1		3
10	150	4	7	7	1
11	165	1	2		
12	180	2	1	1	
Очень сильный разряд					
13	195		1	3	
14	210	1			
15	225				
16	240		1		
Мощный разряд					
17	255		1	1	
18	270	2	2		
19	285				
20	300	1	1	4	
Очень мощный разряд					
21	315	2	3	1	
22	330	1		1	
23	345		1		
24	360		1		
Опасно: тяжелое поражение					
25	375		1		1
26	390		1		
27	405				
28	420				
	XXX				
29	435				
30	450	26	16	19	1
Среднее значение максимального уровня электрошока		24,73	21,40	20,95	5,50
Процент послушных субъектов		65	40	47,5	2,5***

* В Бриджпорте два человека отказались наносить удары током в принципе.

** Максимальный уровень электрошока, избираемый испытуемым, независимо от того, в какой последовательности осуществлялись разряды.

*** Процент испытуемых, использовавших наибольшую степень напряжения. Не указывает на подчиняемость, так как в данном случае испытуемые сами выбирали уровень удара.

Эксперимент 8: участие женщин

В описанных выше экспериментах в качестве испытуемых фигурируют взрослые мужчины. Но мы исследовали также 40 женщин. Этот эксперимент представляет особый теоретический интерес благодаря двум важным выводам в области социальной психологии. С одной стороны, в большинстве тестов на податливость женщины оказывались более уступчивыми, чем мужчины (Weiss, 1969; Feinberg, mimeo). Таким образом, можно было ожидать, что в нашем эксперименте они продемонстрируют большую подчиняемость. С другой стороны, считается, что женщины менее агрессивны, чем мужчины, и более склонны к эмпатии. Это могло повысить их сопротивление приказу нанести жертве удары током. Стало быть, перед нами два противоположных фактора. Результаты можно видеть в таблице 3. Уровень подчиняемости был практически тем же, что и у мужчин⁵, но женщины испытывали в целом более сильный внутренний конфликт, чем мужчины⁶.

В женском подходе заметна своя специфика. Скажем, в интервью после эксперимента женщины значительно чаще, чем мужчины, соотносили эту ситуацию с проблемами воспитания детей.

Женщин изучали только в роли «учителей». Было бы интересно поручить им другие роли. Скорее всего, в качестве жертв они спровоцировали бы больше неподчинения: все-таки наши культурные нормы гораздо строже оценивают причинение боли женщинам, чем причинение боли мужчинам. (Аналогичным образом, если бы в роли жертвы оказался ребенок, значительно большее число участников отказались бы слушаться экспериментатора.)

Но особенно интересно было бы поставить женщину в положение авторитета. Неясно, как реагировали бы на нее испытуемые (мужчины или другие женщины).

С одной стороны, женщин меньше привыкли видеть в роли руководителей. С другой — возможно, что многие мужчины захотели бы продемонстрировать перед женщиной-экспериментатором свою твердость, невозмутимо выполняя ее жесткие приказы. В главе 7 мы расскажем о трех экспериментах с участием женщин.

Эксперимент 9: ограниченный контракт жертвы

Объясняя свое подчинение, некоторые испытуемые опирались на идею имплицитного социального контракта. Они рассуждали так: по соглашению с экспериментатором они пошли на отказ от определенных свобод во имя общепризнанной ценности — прогресса научных знаний. Более того, они усматривали здесь систему *двойного согласия*: жертва также заключила договор с экспериментатором и не имела права в одностороннем порядке отказываться от своих обязательств. И еще: жертва признала авторитет экспериментатора, не оговаривая условий относительно того, как с ней будут обращаться. Стало быть, жертва должна смириться с последствиями собственного свободного решения. Сколь бы неприятным опыт ни был, договор есть договор. Общество построено на этой предпосылке.

Это рассуждение встречалось так часто, что возникла необходимость в эмпирической проверке. Мы решили изменить обстоятельства, при которых жертва начинает участвовать в эксперименте. Она не должна давать ни прямого, ни подразумеваемого согласия на удары током против ее воли.

Для этого потребовалось ввести лишь одно небольшое уточнение. Надо сказать, что обоих предполагаемых участников эксперимента уведомляли о характере эксперимента еще до того, как «ученика» пристегивали к «электрическому стулу», и до того, как впервые подавалось

напряжение. После этого они подписывали бумагу, в которой говорилось: «Я участвую в данном исследовании по собственной воле. И тем самым освобождаю Йельский университет и его сотрудников от каких-либо юридических претензий, связанных с моим участием».

Как правило, это происходило автоматически. Однако в данном случае — уже после жеребьевки и объяснений — «ученик» возражает. Уже занеся ручку над бумагой, он медлит с подписью: мол, у него проблемы с сердцем, а потому согласиться он может лишь при условии, что опыт прекратят по первому его требованию. «Я согласен участвовать, но только при условии, что вы меня отпустите, как только я вам скажу. И это — единственное условие». Эти слова слышат и «наивный испытуемый», и экспериментатор, который в ответ бормочет нечто вроде согласия. Тогда «ученик» ставит свою подпись и его привязывают к «электрическому стулу». «Ученик» оговорил пределы своего участия. Эксперимент начинается.

После удара в 150 вольт «ученик» протестует. Экспериментатор пропускает его возражения мимо ушей и велит испытуемому продолжать (как и в других вариациях эксперимента). Таким образом, налицо элемент предательства и явная нечестность. Эмпирический вопрос же состоит в следующем: можно ли что-то исправить? Или обсуждение «контракта» — не более чем дань философии и не имеет отношения к реальным силам, действующим в данной ситуации?

Около четверти испытуемых, выказавших неподчинение, сослались именно на то, что жертва оговорила свое участие условиями. Так они во многом и мотивировали свой отказ слушаться.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Он сказал, что хочет, чтобы в случае чего его отпустили... Я просто не могу больше это слушать, что бы вы ни говорили относительно повреждения тканей.
(Отказ при уровне 18.)

ИСПЫТУЕМЫЙ: Нам следует уважать его желания. Раз он хочет, чтобы его отпустили, мы должны его отпустить. Да вы и сами сказали, что он сможет уйти, когда пожелает. Я знаю, что сам я предпочел бы, чтобы меня отпустили, если я этого захочу.

(Отказ при уровне 10.)

ИСПЫТУЕМЫЙ: Я не хочу продолжать. Не могу продолжать. Причинять кому-либо боль — против моих правил. Может, этот человек в смертельной опасности... да и вообще он согласился лишь при условии, что ему разрешат уйти. Он подписал бумагу, думая, что так будет. Мне кажется, продолжать нечестно, раз он так думал...

(Отказ при уровне 12.)

Впрочем, большинство непокорных испытуемых не ссылались напрямую на договор, хотя из того, как они подчеркивали вопросы «законности», видно, что они отдавали себе отчет в этом. Взять хотя бы реплики следующего участника, тридцатилетнего продавца.

ИСПЫТУЕМЫЙ (после разряда в 195 вольт): Нет, погодите минутку. Что у нас здесь с ответственностью? Я имею в виду юридическую ответственность. По-моему, вы не имеете права держать его там, если он не хочет продолжать.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Хотя удары током могут быть болезненными, они не приведут к долговременным повреждениям тканей.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Это не ответ. Если человек не хочет продолжать, ему и решать.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Эксперимент требует, чтобы вы продолжали.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Так думает Йельский университет, но закон думает иначе. Да и этот человек думает иначе. И в данном

случае, я, как и вы, в ответе, если ему будет причинен вред.

<...>

ИСПЫТУЕМЫЙ (после 270 вольт): Нет, с меня хватит... Я понимаю Ваши задачи, но также понимаю его права.

(Эксперимент прекращается.)

Читая эти комментарии, мы не должны забывать об общих результатах данного эксперимента, показанных в таблице 3.

Как видим, принцип социального контракта слабо влияет на поведение: 16 из 40 испытуемых продолжали слушаться экспериментатора до самого конца, несмотря на оговоренные жертвой контрактные ограничения своего участия. Для сравнения: в эксперименте 6 послушными оказались 20 испытуемых. Да, степень неподчинения стала несколько выше, но может быть, это лишь случайная вариация. Испытуемые сознавали, что поступают с жертвой несправедливо, но позволяли экспериментатору действовать, как он сочтет уместным.

Эксперимент 10: институциональный контекст

В психофизике, обучении животных и других областях психологии для интерпретации результатов несущественно, в каком учреждении проводились опыты. Главное, чтобы было надлежащее оборудование, а все операции совершались компетентно.

Однако в нашем случае все не так однозначно. Возможно, действенность указаний экспериментатора зависит от институционального контекста, в котором они даются? Ведь вышеописанные опыты проводились в Йельском университете. Это организация, которую большинство участников уважало, а подчас и побаивалось. В интервью

Место экспериментов в Бриджпорте (здание слева от Austin's)

Место экспериментов в Бриджпорте (внутри)

Илл. 10

после экспериментов некоторые отмечали, что уверенности в нравственности, компетентности и благих целях наших сотрудников им придавало то, что все происходило официально и в столь солидном месте. Многие говорили, что не стали бы наносить удары током «ученику», если бы опыты ставились где-то еще.

При толковании результатов нам надо было понять, какую роль играет то, кто именно выступает в качестве авторитета; более того, это имеет значение для любой теории человеческого подчинения. Ведь наша готовность выполнения чьи-либо указания в повседневной жизни зависит от того, кто и где их дает. Скажем, приблизиться к нашему горлу с бритвой мы позволим парикмахеру, но не сапожнику. А в сапожной мастерской мы выполним просьбу снять туфли, чего не станем делать по требованию клерка в банке. В лаборатории серьезного университета испытуемые могут подчиниться целому ряду требований, которым не подчинятся в иной ситуации. *Всегда необходимо рассматривать взаимосвязь между повиновением и тем, как человек воспринимает контекст, в котором находится.*

Чтобы изучить эту проблему, мы перенесли оборудование в офисное здание, расположенное в соседнем индустриальном городе, Бриджпорте, и воспроизвели экспериментальные условия, не упоминая о какой-либо связи с университетом.

Жителей Бриджпорта приглашали к участию с помощью почтовых рассылок, аналогичных тем, которые мы делали при йельских штудиях, но с соответствующими изменениями в шапке бланка и т. д. Как и в предыдущих случаях, испытуемым платили \$4,5 за приход в лабораторию. Возраст и профессии участников подбирались так, как и в йельской лаборатории. Идентичным был и персонал.

Перемещение в Бриджпорт было обусловлено желанием полностью дистанцироваться от Йельского университета.

И в этом мы преуспели. Все выглядело так, будто опыт проводится Исследовательской группой Бриджпорта, то есть никому не ведомой организацией. (Название было придумано исключительно для данного опыта.)

Эксперименты проходили в трехкомнатном офисе западного коммерческого здания, расположенного в деловой части города. Лаборатория была скромно обставленной, но чистой и имела умеренно респектабельный вид. Когда участники эксперимента спрашивали, откуда мы взялись, мы отвечали, что представляем частную фирму, которая проводит исследования в интересах своего бизнеса.

Некоторые испытуемые выказывали скептицизм относительно мотивов бриджпортского экспериментатора. Один человек оставил нам письменный отчет о мыслях, которые посещали его в ходе опыта:

...А может, отказаться от этого проклятого эксперимента? Вдруг человеку в соседней комнате плохо? Каким же идиотом нужно быть, чтобы не проверить заранее, что это за люди. Откуда известно, что все это законно? Мебели нет, телефона нет, голые стены. Надо бы позвонить в полицию или, лучше всего, в Бюро по улучшению деловой практики. Да, хороший урок я получил сегодня вечером. Откуда известно, что мистер Уильямс [экспериментатор] не лжет?.. И хотелось бы знать, какой удар током человек может выдержать, не потеряв сознание...

Еще один участник рассказывал:

По приходе у меня возникли сомнения. Я подумал, насколько это все законно и чем может закончиться. Было чувство, что бессердечно изучать подобным образом на людях память и обучаемость. И уж конечно, опасно, когда рядом нет врача.

Заметного уменьшения напряженности участников во время эксперимента в Бриджпорте не наблюдалось. Степень боли, ощущаемой жертвой, по оценкам испытуемых была несколько (но несущественно) выше, чем при исследовании в Йельском университете.

Если бы в Бриджпорте не удалось добиться полного подчинения, это означало бы, что высокая подчиняемость у нью-хейвенцев во многом обусловлена авторитетом Йельского университета. Но если бы значительная часть испытуемых по-прежнему полностью повиновалась, потребовались бы совсем иные выводы.

Результаты были такими. Уровень повинности в Бриджпорте оказался ненамного ниже, чем в Йельском университете. Как показывает таблица 3, существенная часть испытуемых покорно выполняла указания экспериментатора (48% довели разряды до максимума, в сравнении 65% в Йельском университете).

Какой вывод можно сделать из этих результатов? Возможно, потенциально опасные и вредные приказы воспринимаются как легитимные, если их отдают в рамках институциональной структуры. Однако мы видим, что это необязательно должна быть солидная и известная организация. Эксперименты в Бриджпорте проводились никому не ведомой фирмой. Лаборатория находилась в respectableм офисном здании, ее название было указано на табличке в подъезде. В противном случае ничто не указывало бы на ее добропорядочность и компетенцию. Возможно, нашу податливость стимулирует сама категория учреждений, которую мы оцениваем по их заявленной функции, а не по положению среди организаций подобного рода. Ведь деньги люди кладут как в фешенебельные банки, так и в те, что имеют весьма обшарпанный вид, не задумываясь при этом о различиях в степени их безопасности. Так и здесь: возможно, испытуемые считали

любую лабораторию заведомо компетентной, коль скоро она называется научной.

Было бы интересно провести подобное исследование в еще более сомнительной обстановке, чтобы за экспериментатором ощущалось еще меньше институциональной поддержки. Возможно, в какой-то момент люди вообще перестали бы подчиняться. Однако в Бриджпорте мы этого не наблюдали: почти половина участников слушались экспериментатора до самого конца.

Эксперимент 11: испытуемый выбирает уровень электрошока

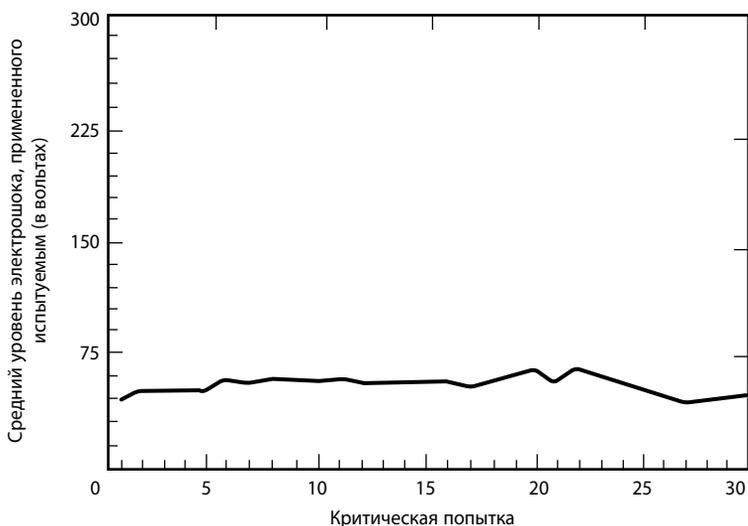
В вышеописанных экспериментах испытуемый действовал по приказу. И мы думали, что именно приказ — основная причина его действий. Однако этот вывод нельзя считать надежным, пока не осуществлен экспериментальный контроль. Ведь не исключено, что приказывать не обязательно. Может быть, указания экспериментатора лишь соответствуют тому, что испытуемый сделал бы и по собственной инициативе?

Более того, согласно одной из интерпретаций такого поведения, людям присущи глубинные агрессивные инстинкты, которые постоянно ищут выхода, и эксперимент лишь развязывает руки. Сторонники этой теории полагают: если человеку дать полную власть над другим — право наказывать, сколько он пожелает, — в нем проснется зверь и садист. Стремление причинить боль жертве рассматривается как проявление мощной склонности к агрессии, которая составляет часть мотивационной сферы человека. Эксперимент же, обеспечивая социальную легитимацию, просто открывает двери их выражению.

Следовательно, важно сравнить поведение людей, действующих по приказу, с тем, как они себя ведут, если самостоятельно выбирают силу разряда.

Процедура была идентичной эксперименту 5, но «учителю» сообщали, что он волен всякий раз выбирать силу удара. (Экспериментатор подчеркивал, что «учитель» вправе использовать и самые сильные удары, и самые слабые, любые промежуточные значения и любые комбинации.) Протесты «ученика» были соотнесены с жалобами при стандартной последовательности: уровень 5 — вскрик, уровень 10 — яростный протест и т. д. Результаты эксперимента показаны в таблице 3.

Средние значения электрошока, примененного в ходе 30 критических попыток, показаны на иллюстрации 11. Общее среднее значение — 3,6. (Не будем забывать, что до уровня 5 жертва не выказывала дискомфорта.) Можно учесть и максимальный разряд, сделанный каждым испытуемым (пусть даже один раз и в любой момент

Илл. 11. Средний удар при каждой попытке, когда испытуемые выбирали уровень шока. (Под критической попыткой подразумевается всякий случай, когда «ученик» ошибался и получал электрошок. Всего за один лабораторный час делалось 30 таких попыток.)

эксперимента). Три человека ограничились самым низким уровнем напряжения; 28 не поднимались выше уровня, при котором жертва выказывала дискомфорт; 38 не поднимались выше уровня, при котором «ученик» яростно протестовал (уровень 10). Исключение составили двое испытуемых, избравших 25-й и 30-й уровни. Однако подавляющее большинство при наличии выбора предпочитало минимальный разряд.

Оценивая смысл этих экспериментов, всегда следует помнить эти результаты. Недостаточно сказать, что были созданы условия, в которых люди получали власть причинять боль себе подобным. Ведь в последнем эксперименте условия оставались теми же самыми, но в целом люди не были склонны причинять страдания. Если эксперимент говорит нам что-то о человеческой природе, то здесь мы видим, как люди поступают друг с другом, когда предоставлены сами себе. Какие бы причины ни заставляли испытуемых доводить удары током до максимума, дело не в изначальной агрессии, а в трансформации поведения вследствие подчинения приказам.

Г л а в а

7

Индивид и авторитет (II)

—

Рассмотрим поведение нескольких испытуемых, которые участвовали в вышеописанных вариациях эксперимента.

Фред Прози,
безработный (в эксперименте 5)

Фред Прози — мужчина лет 50, в пиджаке, но без галстука, производит впечатление добродушного и немного беспутного человека. Разговаривает как работяга, в общем, обычный парень.

Он спокойно начинает эксперимент, но по ходу дела становится все более напряженным. После разряда в 180 вольт поворачивается в кресле и, покачав головой, взволнованно обращается к экспериментатору:

ИСПЫТУЕМЫЙ: Я так не могу. Я ведь его доконаю. Слышите, как он кричит?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Как я вам уже говорил, удары током могут быть болезненными, но...

ИСПЫТУЕМЫЙ: Но он кричит. Он не может терпеть. Что с ним будет?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР (*терпеливым и сухим тоном*): Эксперимент требует, чтобы вы продолжали, «учитель».

ИСПЫТУЕМЫЙ: Да, но хм... а если он заболевает... понимаете меня?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Нравится это «ученику» или не нравится, мы должны продолжать и закончить все пары слов.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Я отказываюсь брать на себя ответственность. Он же кричит!

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Абсолютно необходимо, чтобы вы продолжали, «учитель».

ИСПЫТУЕМЫЙ (*показывая на оставшиеся вопросы*): Их слишком много осталось. Я подумал... господи, если он так и будет путать, их же тут еще столько... В смысле, кто возьмет на себя ответственность, если с этим человеком что-то случится?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Я беру на себя ответственность за все, что с ним случится. Продолжайте, пожалуйста.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ладно. (*Смотрит на список слов.*) «Медленный — шаг, автомобиль, танец, темп». Отвечайте, пожалуйста. (*Жужжащий звук показывает, что «ученик» дал ответ.*) Неправильно. 195 вольт. «Танец».

«УЧЕНИК» (*кричит*): Выпустите меня отсюда! У вас нет права держать меня здесь! Выпустите меня отсюда, выпустите! Меня беспокоит сердце. Выпустите меня! (*Испытуемый качает головой и нервно барабанит пальцами по столу.*)

ИСПЫТУЕМЫЙ: Видите, он кричит. Слышите? Господи, даже не знаю...

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Эксперимент требует...

ИСПЫТУЕМЫЙ (*прерывая*): Да слышал уже, сэр, но я имею в виду... это уже ни в какие ворота. 195 вольт!

(*Эксперимент продолжается — 210 вольт, 225 вольт, 240 вольт, 255 вольт — после чего у «учителя», к явному его облегчению, заканчиваются словесные пары.*)

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Вам необходимо вернуться к началу страницы и пройти все слова заново, пока «ученик» не выучит все соответствия.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ну, нет. Это его доконает. Вы хотите, чтобы я увеличивал напряжение? Нет, сэр. Он так кричит. Я не собираюсь давать ему 450 вольт.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Эксперимент требует, чтобы вы продолжали.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Знаю, но человек там кричит, сэр.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР (*все тем же сухим тоном*): Как я уже говорил, удары током могут быть болезненными...

ИСПЫТУЕМЫЙ (*перебивая*): Аххх. Но он... он... он же кричит!

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Начните, пожалуйста, со слова «унылый» наверху страницы. И, пожалуйста, продолжайте, «учитель». Просто продолжайте.

ИСПЫТУЕМЫЙ (*изо всех сил пытаясь сосредоточиться на списке слов, словно отгораживаясь от всего остального*): «Унылый — мальчик, вид, куст, берет». (*Жужжание сигнализирует ответ.*) Правильно. «Ночной — дневной, небосвод, труд, горшок». (*Жужжание.*) Неправильно. Ответ — «дневной». 285 вольт.

«УЧЕНИК»: О-о-о-о-о-о!

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Продолжайте, пожалуйста.

ИСПЫТУЕМЫЙ: «Толстая — фигура, женщина, труба, шея». Отвечайте, пожалуйста. (*Жужжание.*) Неправильно. Ответ — «шея». 300 вольт.

«УЧЕНИК»: О-о-о! Я наотрез отказываюсь отвечать. (*Переходит на крик.*) Выпустите меня отсюда. Вы не можете меня здесь держать. Выпустите меня. Выпустите меня отсюда.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Продолжайте, пожалуйста. Следующее слово «зеленая».

ИСПЫТУЕМЫЙ: «Зеленая — трава, шляпа, краска, груша». (*Ничего не происходит. Никакого жужжания. Лишь тяжелая тишина.*)

ИСПЫТУЕМЫЙ: Кажется, он не будет отвечать.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Если «ученик» не даст ответа в течение разумного времени, четырех или пяти секунд, действуйте так же, как и при неправильных ответах. Скажите «неправильно», сообщите число вольт, исполните наказание и зачитайте правильный ответ. Продолжайте, пожалуйста.

ИСПЫТУЕМЫЙ: «Зеленая — трава, шляпа, краска, груша».
(*Снова тишина. Испытуемый просто сидит там.*)

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Пожалуйста, «учитель», продолжайте процедуру.

ИСПЫТУЕМЫЙ: 315 вольт. Ответ — «краска».

«УЧЕНИК»: О-о! О-о-о!

ИСПЫТУЕМЫЙ (*с облегчением услышав отклик*): Дальше...

«УЧЕНИК»: Я наотрез отказываюсь отвечать.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Вы обязаны. Если не ответите, получите удар током.

(*Эксперимент продолжается, хотя «ученик» отказывается отвечать, а потом даже не охает и не стонет. После удара в 375 вольт испытуемый встает.*)

ИСПЫТУЕМЫЙ: По-моему, с этим человеком что-то случилось. Ответов-то нет. Он кричал, даже когда было меньше вольт. Может, вы пойдете и проверите, как он там? Пожалуйста.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР (*с прежним отстраненным спокойствием*): После начала эксперимента это невозможно. Пожалуйста, «учитель», продолжайте.

ИСПЫТУЕМЫЙ (*садится и тяжело вздыхает*): «Холодный — день, полумрак, источник, рисунок». Отвечайте, пожалуйста. С вами все в порядке? Как вы?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Пожалуйста, «учитель», продолжайте. Пожалуйста, продолжайте. (*Испытуемый включает рубильник.*)

ИСПЫТУЕМЫЙ (*поворачиваясь в кресле*): С этим человеком что-то случилось. (*Поворачивается обратно.*) Дальше. «Низкий — доллар, вырез, месяц, рисунок». (*Снова*

поворачивается.) С этим человеком что-то случилось. Сэр, вам бы лучше проверить. Он не отвечает, и вообще ничего не слышно.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Продолжайте. Продолжайте, пожалуйста.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Вы берете на себя всю ответственность?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Ответственность лежит на мне. Правильно. Пожалуйста, продолжайте.

(ИСПЫТУЕМЫЙ возвращается к списку и начинает зачитывать слова так быстро, как только может. Доходит до 450 вольт.)

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ну вот.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Продолжайте давать 450 вольт при каждом неправильном ответе. Продолжайте, пожалуйста.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Так все вообще застопорилось!

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Пожалуйста, продолжайте. Следующее слово — «белый».

ИСПЫТУЕМЫЙ: Вам не кажется, что надо посмотреть, как он там? Пожалуйста.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: После начала эксперимента это невозможно.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Но что, если с человеком что-то случилось?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Эксперимент требует, чтобы вы продолжали. Продолжайте, пожалуйста.

ИСПЫТУЕМЫЙ: А здоровье человека ничего не значит?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Нравится это «ученику» или не нравится...

ИСПЫТУЕМЫЙ: Да может, он там вообще умер! *(Указывает в сторону комнаты с «электрическим стулом».)* В смысле, сэр, он же говорил, что не переносит электрических ударов. Не хочу быть грубым, но думаю, вам следует посмотреть на него. Все, что нужно сделать, это посмотреть на него. Все, что вам нужно сделать, это заглянуть за дверь. Я не получаю ответа и не слышу даже шума. Сэр, с этим человеком могло что-то случиться.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мы должны продолжать. Продолжайте, пожалуйста.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Что продолжать? Давать 450 вольт?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Правильно. Продолжайте. Следующее слово — «белый».

ИСПЫТУЕМЫЙ (*теперь в бешеном темпе*): «Белый — дым, конь, камень, дом». Ответ, пожалуйста. Ответ — «конь». 450 вольт. (*Наносит удар током.*) Следующее слово. «Сумка — краска, музыка, клоун, девочка». Ответ — «краска». 450 вольт. (*Наносит удар током.*) Следующее слово. «Короткое — предложение, кино...»

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Простите меня, «учитель». Нам придется остановить эксперимент.

В целом поведение испытуемого говорит само за себя, но стоит отметить несколько моментов. Во-первых, несмотря на свои многочисленные и взволнованные возражения, постоянное и последовательное несогласие, он продолжает наносить удары током по приказу экспериментатора. Получается, что действия идут вразрез со словами. Во-вторых, совершенно ясно, что этот человек *не хочет* причинять боль «ученику». Напротив, это дается ему тяжело, и обусловлено лишь его отношениями с экспериментатором. В-третьих, для него важен вопрос «ответственности». Испытуемый может продолжать (да и то после нескольких секунд колебания), лишь когда экспериментатор напрямую берет на себя ответственность. В-четвертых, показательна тональность его реплик. Хотя напряжение растет, он все время держится уважительно и почтительно. Возражения испытуемого выглядят уж слишком слабыми и не соответствующими тому, что происходит. Он думает, что убивает человека, а изъясняется так, словно присутствует на чаепитии.

Карен Донц,
домохозяйка (в эксперименте 8)

Карен Донц описывает себя как сорокалетнюю домохозяйку, которая в последние шесть лет подрабатывала медсестрой. Замужем за водопроводчиком. Католичка, мать родом из Чехословакии. Говорит медленно и безучастно. В ее тоне звучит привычное смирение. Каждая фраза словно несет эмоциональный подтекст: «Я самый заурядный человек, не ожидайте от меня многого». Внешне напоминает Ширли Бут в фильме «Вернись, малышка Шеба».

В течение всего эксперимента нервничает.

После 225 вольт поворачивается к экспериментатору и говорит крайне нерешительным тоном, явно боясь обидеть: «Я не могу вот так легко нажать эту штуку».

Получив указание следовать процедуре, слушается без дальнейших комментариев. Однако прежде чем сделать разряд в 345 вольт указывает на табличку «Опасно» на генераторе.

Экспериментатор замечает, что удары током могут быть болезненными, но не приведут к долговременным повреждениям тканей. Она подчиняется со словами: «Я продолжу, если это не опасно». Сидит на краешке стула, а голос остается безучастным, даже когда она зачитывает слова. Когда от ученика уже не доносится ни звука, спрашивает: «Мне доходить до конца, сэр? Надеюсь, с ним ничего плохого не случилось».

Начинает что-то неслышно бормотать про себя. Когда экспериментатор велит ей продолжать опыт, используя разряд в 450 вольт, она задает вопрос тоном, в котором звучат одновременно беспокойство и смирение: «Сэр, а если с этим человеком что-то не так?»

Однако слушается.

В ходе интервью дает ответы очень медленно. Даже после того, как ей сообщают, что «ученик» не получал ударов,

все еще считает, что эксперимент ставил целью изучить воздействие наказания на обучаемость. Подчеркивает, что выполняла указания экспериментатора и выглядит довольной своей покладистостью. Говорит, что нервничала, ибо 210 вольт (sic) — напряжение домашней сети и «опасно для жизни большинства людей». По ее словам, здесь она больше волновалась, чем в больнице, поскольку «в больнице я знала, какими правами обладаю, а тут не знала».

ИНТЕРВЬЮЕР: Приходила ли вам в голову мысль остановиться?
МИССИС ДОНЦ (*апатично*): Он сказал: «Продолжайте». Я так и сделала. Я сказала: «Не думаю, что мне следует продолжать». Он сказал: «Продолжайте эксперимент».

ИНТЕРВЬЮЕР: Мог ли мистер Уоллес [«ученик»] сказать что-либо такое, что заставило бы вас прекратить эксперимент?

МИССИС ДОНЦ: Не думаю.

Миссис Донц отмечает, что в больнице у медсестер есть право ставить под вопрос распоряжения врача, если те наносят пациенту вред⁷.

«Если я сомневаюсь в дозировке лекарства, я могу трижды спросить врача: “Действительно ли пациенту прописано это? Действительно ли пациенту прописано это?” Если он будет говорить, что все нормально, а я буду знать, что доза превышает среднюю, я могу обратить его внимание на то, что доза слишком велика. Речь не о том, что ты лучше разбираешься, но ты имеешь право сказать: “Действительно ли вы хотите дать ей такую большую дозу?” И затем повторить. И даже потом у тебя еще есть право поставить этот вопрос перед главным врачом».

По ходу эксперимента она «ставила под вопрос» число вольт, но полностью удовлетворялась ответами экспериментатора. Заметим, что в описанном ею случае

с больницей самый крайний вариант, который для нее возможен, состоит в обращении к главному врачу. Но в целом понятно, что миссис Донц не столько описывает собственные предпочтения, сколько пересказывает правила для медсестер.

ИНТЕРВЬЮЕР: Вам приходилось делать это в больнице?

МИССИС ДОНЦ: Да, приходилось.

ИНТЕРВЬЮЕР: Часто?

МИССИС ДОНЦ: Нет, очень редко. Я работаю уже лет шесть, и за все это время лишь один раз ставила под сомнение дозировку.

ИНТЕРВЬЮЕР: Как вы воспринимали крики? Кажались ли они реальными?

МИССИС ДОНЦ: Да, конечно! Я очень волновалась за этого человека. Боялась, что ему станет плохо с сердцем. Ведь он говорил, что у него сердце пошаливает. Да, я понимала, что это не исключено.

Миссис Донц — непритязательная, кроткая особа с поведением затюканной домохозяйки. Она не спорит. Выполняет свои обязанности в больнице старательно и без лишней суеты. Ее мягкие манеры идут на пользу и пациентам, и медицинскому персоналу. В ее взаимоотношениях с администрацией нет никаких проблем. Ведь это был ее собственный выбор: работать медсестрой в больнице, где ее мягкий характер очень уместен с точки зрения требований администрации.

В конце интервью миссис Донц внезапно оживает и произносит: «Можно вас спросить? Как вели себя мужчины? Кто-нибудь из них дошел до конца, до 450 вольт?»

Интервьюер говорит, что ему самому как раз интересно, что она думает по этому поводу. Она отвечает: «Нет, не думаю, что мужчины подчинялись».

Элино́р Розенблю́м,
домохозяйка (в эксперименте 8)

Миссис Розенблюм с удовольствием описывает свою биографию: двадцать с лишним лет назад окончила Висконсинский университет, а ее муж, кинопрокатчик, учился в Дартмутском колледже. Волонтерствует раз в неделю с малолетними преступниками, участвует в работе организации девочек-скаутов и родительском комитете. Подвижная и словоохотливая, она очень старается произвести впечатление и постоянно упоминает о своих социальных достижениях. Не без шарма, разве что чересчур болтлива.

В начале эксперимента объявляет, что ничего не смыслит в электричестве и боится демонстрационного электрошока. Выполняя свою задачу, пытается выглядеть компетентной и любезной, но вскоре уходит с головой в экспериментальный конфликт. Словесные пары «ученику» она зачитывает демонстративно корректным и чуть ли не властным тоном, что резко контрастирует с нерешительным, инфантильным тоном ее комментариев, обращенных к экспериментатору. По мере нарастания вольтажа все больше волнуется. После 270 вольт пытается намекнуть «ученику» на правильный ответ, выделяя голосом нужное слово. Продолжая зачитывать слова, пытается выглядеть внушительно, но при этом беспомощно бормочет: «Должна ли я продолжать? Я за него беспокоюсь. Неужели мы дойдем досюда? (Показывает на конец шкалы.) Может, остановимся? Меня трясет. Меня буквально трясет. Неужели я должна продолжать до такой степени?»

В какие-то моменты хладнокровие к ней возвращается, но смятение снова и снова берет верх. Она бормочет самой себе: «Я дрожу», но продолжает общаться с «учеником» в прежнем официозном тоне. Перед нами словно две женщины: одна ведет себя абсолютно уверенно, другая ушла

в себя, несчастна и не способна удержаться от тревожных возгласов. Она доходит до конца шкалы, трижды включая напряжение в 450 вольт. В интервью говорит, что удары, нанесенные «ученику», были чрезвычайно болезненны. Экспериментатор спрашивает: «Какой максимальный электрошок вы готовы были бы испытать на себе в качестве образца?» На это она с возмущением отвечает: «15 вольт. Да и то лучше не надо. 15 максимум, если уж так надо. Но я бы не хотела и этого. Не думаю, что это необходимо».

ИНТЕРВЬЮЕР: Испытывали ли вы напряженность или нервозность?

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Еще как.

ИНТЕРВЬЮЕР: Помните ли вы моменты особого напряжения и нервозности?

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Когда он начал кричать: «Выпустите меня отсюда». Как я могу наказывать человека подобным образом? Меня трясло. Даже не понимала, что читаю. И сейчас дрожу. Я нервничаю, поскольку делала ему больно.

Она нервничала не потому, что человеку было больно, а потому, что делала это *она*. Аналогичным образом, нанося удары током, главной причиной возможного прекращения эксперимента она считает собственный дискомфорт. В ее репликах сквозит эгоцентризм.

Спонтанно начинает рассказывать — с преувеличенным жаром — о своей волонтерской работе.

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Я работаю в школе Фаррела с детьми, у которых проблемы в школе. Они все очень неблагополучные. Вот это мои ребята. Я пытаюсь помочь им остаться в школе, чтобы они продолжили учебу... но я ведь никого не наказываю. Главное — это внимание

и любовь. И, между прочим, они считают честью заниматься у меня. Поначалу они делали это, чтобы побыть вне школы и покурить. Но сейчас уже иначе. И добиваюсь я всего от них любовью и добротой. *Никогда* не наказанием.

ИНТЕРВЬЮЕР: А чему вы их учите?

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Прежде всего — хорошим манерам.

С этого надо было начинать: с уважения к людям, с уважения к старшим, с уважения к девочкам их возраста, с уважения к обществу. Это первое, что пришлось делать, прежде чем учить остальному. Потом уже можно было учить их тому, как что-то собой представлять, как преуспевать.

Значение, которое она придает уважению к обществу, несомненно связано и с ее собственной послушной манерой поведения с экспериментатором. А в ее мировоззрении читаются традиционные ценности.

В ее речах много упоминаний о женщинах:

Я многого добилась именно любовью, и у меня замечательная дочь. Ей 15 лет, и она член Национального общества почета (National Honor Society). Такая *талантливая*. И все любовью, *не* наказанием. Боже упаси!

Это же самое ужасное — действовать наказанием. Ну разве что с маленьким ребенком.

ИНТЕРВЬЮЕР: А что вы думали об эксперименте?

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ (*не позволяя вопросу сбить ее с мысли*):

Не верю, что вы чего-либо добьетесь наказанием. Разве только с ребенком, который еще ничего не понимает. Когда моя дочь была маленькой, я почти не наказывала ее. На самом деле я давала ей возможность самой себя наказать. Однажды позволила ей коснуться горячей плиты. Она обожглась и больше не дотрагивалась.

ИНТЕРВЬЮЕР: Позвольте мне рассказать вам кое-что об эксперименте. Прежде всего, мистер Уоллес не получал ударов током.

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Не может быть! Он не получал их. *(Пронзительно.)* Не могу в это *поверить*. Вы хотите сказать, что все происходило только в его воображении?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Нет, он работает с Йельским университетом. Это актер.

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Каждый раз, когда я переключала рубильник, я умирала. Вы видели, как я дрожу. Я просто умирала при мысли, что наношу удары током этому бедняге. *(Вводят «ученика». Она поворачивается к нему.)*

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Так вы актер. Ничего себе. Вы изумительны. Но господи, что он-то [экспериментатор] делал со мной. У меня уже сил нет. Я не хотела продолжать. Вы даже представить не можете, через что я тут прошла. Такой человек как я, — и делает вам больно. Боже мой! Я не хотела! Простите меня, пожалуйста. Не могу прийти в себя. Видите, вся покраснела. Ведь я и мухи не обижу. Я работаю с ребятами, пытаюсь их учить и добиваюсь таких замечательных результатов без наказания. И тут сразу себе сказала: наказанием ничего не добьешься.

Однако не будем забывать: она позволила дочери коснуться горячей плиты. И она не против наказания как такового, а лишь считает, что нельзя причинять боль целенаправленно. Если так уж «случилось», то это приемлемо.

Она признается «ученику»: «Между прочим, я старалась переключать рубильник очень аккуратно. И вы слышали, как я *подчеркивала* нужное слово? Я надеялась, что вы услышите».

ИНТЕРВЬЮЕР: Можно ли это сравнить с тем, что приходится делать медсестре, когда врач просит ввести иглу?

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: В экстренной ситуации мне цены нет. Я сделаю все, что требуется, кому бы я при этом ни сделала больно. И не дрогну. Но я сделаю это, не думая. Даже медлить не буду.

Что ж, в какой-то степени это похоже и на ее поведение в лаборатории.

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Я все думала: «И зачем я делаю больно этому бедняге?»

ИНТЕРВЬЮЕР: Почему же вы продолжали?

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Это же эксперимент. Я здесь неслучайно оказалась. Вот и пришлось делать это. Вы сами говорили. А я не хотела. И потом мне очень интересен весь этот... проект. А можно вас кое о чем спросить? Если у вас есть минутка. Как реагировали другие люди?

ИНТЕРВЬЮЕР: А вы как думаете?

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Объясню. То, что вы меня выбрали... Я для вас просто находка. В моей волонтерской работе немного найдется женщин, которые станут делать то, что я делаю... Я необычная, я отзывчивая, у меня доброе сердце. Уж не знаю, что я за женщина в сравнении с другими, но они жестче меня. Они равнодушнее.

У меня было искушение остановиться и сказать: «Пожалуй, хватит. Извините, но я не собираюсь этого делать». А потом он замолчал. Я подумала: может, у него шок, ведь он говорил, что сердце пошаливает. Но я знала: вы не допустите, чтобы с ним что-то случилось. И я продолжала, *во многом* против собственной воли. Думаю, другие не стали бы особенно нервничать... Им было бы все равно. Если поглядеть, как они обращаются со своими детьми, едва ли они станут волноваться из-за других людей.

Она толкует свой внутренний конфликт как добродетель: нервничала, ибо беспокоилась о жертве. И говорит все время о себе. Экспериментатор терпеливо слушает.

МИССИС РОЗЕНБЛЮМ: Иногда я говорю себе: «Почему бы тебе не стать главой Женской ассамблеи: признание, почет, газеты, престиж, вместо того чтобы работать с этими парнями в кожаных куртках, так что никто о тебе и не знает?» Один день в неделю на это трачу. И вот я вся такая. Пять лет работала со скаутами. В итоге у меня в отряде было 30 девочек, и от желающих отбоя не было. Но всех ведь не возьмешь. Сейчас мне уже гораздо легче. Вообще я за науку, даже сама хотела ею заниматься. Пытаюсь уговорить дочь пойти по этой линии. И я так рада, что сделала это; видите, я уже успокоилась?

Интервью продолжалось, пока миссис Розенблюм не успокоилась настолько, чтобы ее можно было отпустить из лаборатории.

Миссис Розенблюм — личность, которой не хватает психической целостности. Ей не удалось найти в жизни дело, соответствующее ее потребности в почете и успехе. Ее цели, мышление и эмоции фрагментированы. Свою экспериментальную роль «учителя» она играла, внешне выражая уверенность, но в то же время демонстрируя экспериментатору — своим подчинением и покладистостью — иную сторону себя.

Неудивительно, что она не смогла мобилизовать психические ресурсы и претворить сострадание к «ученику» в акт неподчинения. Ее чувства, цели и мысли были слишком разными и противоречивыми.

Судя по всему, во время эксперимента она была убеждена, что «ученик» и впрямь получает удары. Однако женщине с истерическими склонностями несложно

скорректировать свое мышление так, чтобы оно соответствовало позитивному мнению о себе. Через несколько месяцев она заполнила анкету, в которой объясняла, что во время эксперимента ее «зрелый и образованный ум» не верил в реальность электрошока. Такой корректировкой внутренних установок она постфактум выдает желаемое за действительное в отношении своего характера.

Гретхен Брандт,
медицинский техник (в эксперименте 8)

Гретхен Брандт — привлекательная женщина 31 года, медицинский техник из Университетской медицинской школы. Она приехала из Германии пять лет назад и говорит с сильным немецким акцентом.

Несколько раз, когда «ученик» высказывает жалобу, она поворачивается к экспериментатору и холодно спрашивает: «Мне продолжать?» Получив утвердительный ответ, сразу же возвращается к заданию. Но после 210 вольт поворачивается к экспериментатору и твердо заявляет: «Простите, но думаю, мы должны остановиться».

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Эксперимент требует, чтобы вы продолжали, пока он не выучит правильно все пары слов.

ГРЕТХЕН: Извините, но у него проблемы с сердцем. Он предупреждал вас.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Удары могут быть болезненными, но не опасны.

ГРЕТХЕН: Извините, но я думаю, когда удары продолжительные, они опасны. Спросите его, хочет ли он уйти. Это ему решать.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Абсолютно необходимо, чтобы мы продолжали...

ГРЕТХЕН: Лучше спросите у него. Мы пришли сюда по собственной воле. Если он захочет продолжать, я буду. Он говорил вам, что у него проблемы с сердцем. Извините. Я не хочу отвечать, если с ним что-нибудь случится. И для себя я бы такого точно не хотела.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: У вас нет выбора.

ГРЕТХЕН: Думаю, мы находимся здесь по собственной воле. Я не хочу нести ответственность, если у него проблемы с сердцем, и с ним что-нибудь случится. Пожалуйста, отнеситесь с пониманием.

Она отказывается продолжать, и эксперимент заканчивается.

На всем протяжении эксперимента женщина ведет себя твердо и решительно. В интервью сообщает, что напряженности и нервозности не ощущала, и это вполне соответствует внешнему впечатлению. Считает, что последний удар, который она нанесла «ученику», был чрезвычайно болезненным, и повторяет, что «не хотела нести ответственность за какой-либо причиняемый вред». С интересом выслушивает объяснения экспериментатора; удивляется, что «ученик» не получал электрошок, и сообщает, что при демонстрационном разряде согласна получить максимум 45 вольт.

Прямое и учтивое поведение женщины в ходе эксперимента, отсутствие напряженности и полный контроль над своими поступками, казалось бы, делают неподчинение простым и рациональным действием. Ее поведение соответствует тому, как по моим первоначальным прогнозам и должны были вести себя почти все испытуемые.

Как ни парадоксально, Гретхен Брандт росла в гитлеровской Германии и большую часть юности находилась под влиянием нацистской пропаганды. В ответ на вопрос о возможном влиянии этого контекста она медленно отвечает: «Наверное, мы видели слишком много боли».

Паскаль Гино,
инспектор по качеству воды (в эксперименте 7)

Паскаль Гино — сорокатрехлетний инспектор по качеству воды. Родился в Соединенных Штатах, родители — итальянцы. Участвовал в той вариации опыта, где экспериментатор дает указания испытуемому и жертве, а потом уходит из лаборатории, оставив свой номер телефона. Тем самым испытуемый остается наедине с жертвой в лаборатории, но в случае проблем может позвонить экспериментатору. Мистер Гино связывается по телефону с экспериментатором несколько раз. Выполнив разряд в 150 вольт, он звонит с вопросом: «Профессор, человек жалуется. Хочет уйти. Не хочет больше ударов... Я только что дал ему 150 вольт, а он говорит: “Хватит!”».

Экспериментатор отвечает (по телефону же), что надо продолжать, и мистер Гино слушается.

Он остается один в экспериментальной комнате, послушно выполняя инструкции, тогда как жертва отчаянно протестует. После удара в 300 вольт, когда жертва отказывается отвечать, мистер Гино снова звонит экспериментатору и снова получает приказ продолжать, рассматривая отсутствие ответа как неправильный ответ.

— Вы хотите, чтобы я дошел до конца шкалы? М-м-м... А когда я дойду до конца, что дальше делать?

После 330 вольт жертва не стонет, не протестует, а просто не подает признаков жизни. Взволнованный мистер Гино снова звонит ученому.

— Профессор, из той комнаты вообще ни звука не слышно. А я уже дошел до 330 вольт. Ни хныканья, ничего. Мне это не нравится. Вы не думаете, что с этим человеком что-то случилось?

Экспериментатор уверяет, что удары могут быть болезненными, но не приведут к долговременным повреждениям

тканей. Испытуемый снова возвращается к своему заданию, и он по-прежнему один в лабораторной комнате. Выполнив разряд в 450 вольт, звонит экспериментатору и напоминает, что от «ученика» не слышно ни звука.

Через некоторое время экспериментатор возвращается в лабораторию и сообщает мистеру Гино, что с «учеником» все в порядке. В ходе интервью и в ответ на вопрос о степени напряженности испытуемый отвечает:

— Я больше волновался за другого человека, чем за себя... за него больше нервничал. Нервничал, поскольку вас-то рядом не было. Если бы вы были здесь, я бы не нервничал. Я имею в виду: если бы этот человек потерял сознание, пока я даю эти... эти разряды... Я считал, что несу ответственность.

Испытуемый говорит об ответственности не в общепсихологическом смысле, а лишь в том смысле, что в этой ситуации она ложилась на него, коль скоро он оставался наедине с «учеником». Он продолжает:

— Будь вы здесь, вы бы сказали: «Давайте закончим», или «Продолжаем», или еще что-то. Вам же лучше знать. Вы профессор. А я нет... Но с другой стороны, где-то с 255 вольт его вообще не было слышно, и после этого он даже не жаловался». (*Испытуемый имитирует жалобы «ученика».*)

Через несколько месяцев после эксперимента мистер Гино принял участие в коллективном обсуждении. Задним числом он назвал эксперимент «потрясающим». «Мне было ужасно интересно... В тот день я пошел на вечеринку. И знаете, у меня есть пара родственниц, которые работают медсестрами. И им тоже было ужасно интересно... В общем, я вам скажу: такие вещи на всю жизнь запоминаются».

Таким образом, прошли месяцы, а у него, похоже, даже и мысли не шевельнулось, что стоило послушаться приказа и отказаться от дальнейшего нанесения ударов.

— ...У меня оставалось еще восемь уровней, и он [«ученик»] впал в истерику, чуть ли не полицию хотел вызывать, и всякое такое. Мне пришлось трижды звонить профессору. И в третий раз он сказал: «Продолжайте». Поэтому я дал очередной разряд. А потом уже не было слышно ответов, даже хныканья. Я сказал: «Ничего себе, он же помер. Да мы его прикончим!» И так я продолжал до 450 вольт.

Мистер Гино не возражает против того, чтобы исполнять приказы, хотя ему было бы спокойнее, если бы экспериментатор находился рядом. Его спрашивают, беспокоил ли его сам факт нанесения ударов током. Он отвечает: «Нет... я подумал: это же эксперимент. Университету виднее, и если они считают, что все в порядке, я тоже думаю, что все в порядке. Они же больше меня знают... Буду исполнять все, что скажут...» Затем он объясняет:

— Все это основано на том, какие у человека принципы, как он воспитан и какие цели ставит перед собой в жизни. Как хочет себя вести. Я знаю, что когда я служил в армии... [Если мне говорили] «Взбирайтесь на холм, и мы идем в атаку», мы шли в атаку. Если лейтенант скажет: «Мы отправляемся на полигон, и вам придется ползти на животе», вы будете ползти на животе. И если встретите змею, а мне не раз попадались мокасиновые змеи... и ребятам говорили не вставать, а они вставали. И их убивали. Так что все зависит от того, как человека воспитали.

Рассказ понятен: мокасиновые змеи не шутка и сразу вызывают желание встать, вопреки приказу лейтенанта. Но послушавшиеся приказа погибли. Подчинение, даже перед лицом тяжелых обстоятельств, — надежный способ выживания. Под конец дискуссии мистер Гино резюмирует свое поведение в ходе эксперимента.

— Пока не открыли дверь, я искренне верил, что человек помер. А когда увидел его, то сказал: «Вот здорово». Но по ходу

дела я не брал себе это в голову настолько, чтобы идти и смотреть. Работа есть работа.

Как он говорит, в последующие месяцы эксперимент его не беспокоил: просто было любопытно. По его словам, получив окончательный отчет, он сказал жене: «По-моему, я вел себя правильно. Выполнял приказы, как всегда делаю. И я считаю, что хорошо поработал». А на ее вопрос: «А если бы оказалось, что он умер?» мистер Гино ответил: «Умер так умер. Я делал свое дело».

8

Ролевые перестановки

До сих пор мы наблюдали поведение испытуемого в ситуации, в которой делались сугубо механические изменения, базовая же структура оставалась прежней. Конечно, изменение дистанции между испытуемым и жертвой имеет важные психологические последствия. Но если мы хотим понять корни данного социального поведения, нам не обойтись без более радикальных перестановок. Недостаточно перемещать жертву из комнаты в комнату: нужно выделить основные составляющие, а потом по-новому скомбинировать их, создав несколько иную ситуацию.

В экспериментальной обстановке мы видим три элемента: *положение*, *статус* и *действие*. *Положение* указывает на то, отдает ли человек приказ об ударе, наносит удар или получает удар. Концептуально это отличается от роли экспериментатора или испытуемого. *Статус* в этом исследовании расценивается двояко — зависит от того, представлен ли участник эксперимента как обычный человек или как авторитетное лицо. *Действие* касается того, как

ведет себя человек в каждом из трех положений (в особенности, считает ли правильным нанесение ударов жертве).

До сих пор взаимосвязи между этими элементами оставались без изменений. Например, *действие* всегда было привязано к определенному статусу. Так, жертва всегда была обычным человеком (в отличие от авторитета) и всегда протестовала.

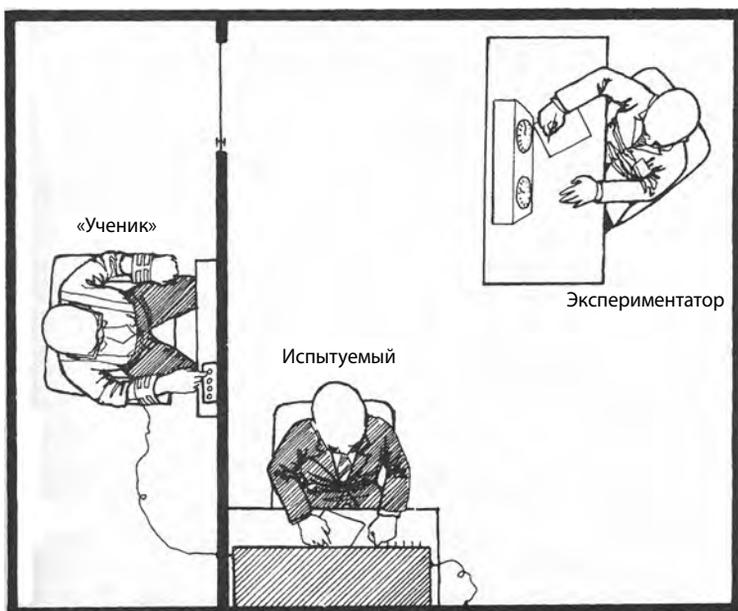
Но пока инвариантные взаимосвязи между *положением*, *действием* и *статусом* остаются прежними, мы не можем ответить на некоторые принципиальные вопросы. Например, реагирует ли испытуемый главным образом на содержание приказа или на статус приказывающего? Определяются ли действия испытуемого в большей степени тем, что говорится, или тем, кто говорит?

	Личность I	Личность II	Личность III
Положение	Отдает приказ выполнить разряд	Находится за генератором	Получает электрошок
Статус	Авторитет	Обычный человек	Обычный человек
Действие	Выступает за выполнение разряда	Неопре- деленное	Выступает против электрошока
Наименование	«Экспериментатор»	«Учитель»	«Ученик»
Концептуальный референт	Авторитет	Испытуемый	Жертва

Эксперимент 12: «ученик» требует электрошока

Начнем с перестановки императивов между экспериментатором и жертвой.

До сих пор экспериментатор всегда говорил субъекту продолжать, а «ученик» возражал. В первой ролевой перестановке мы поступили наоборот. «Ученик» будет требовать электрошока, а экспериментатор будет возражать.

Илл. 13. «Ученик» требует электрошока

Делалось это следующим образом. Получая удар током, «ученик» кричал от боли, но ничуть не возражал против эксперимента. После разряда в 150 вольт экспериментатор объявлял эксперимент законченным: мол, у «ученика» необычно сильные болевые ощущения, а поскольку есть и проблемы с сердцем, то надо закругляться. «Ученик»

выкрикивал, что *хочет* продолжать: дескать, его приятель прошел через это, и для него будет позором сойти с дистанции. Экспериментатор отвечал, что осуществить опыт полностью было бы полезно для науки, но дальнейшие удары исключаются. «Ученик» не унимался и твердил, что явился в лабораторию, чтобы «дело делать», и не намерен отказываться от него. Настаивал, чтобы «учитель» продолжил процедуру. В результате получалось, что «ученик» требует электрошока, а экспериментатор запрещает.

Результаты показаны в таблице 4. Требованиям «ученика» не подчинился ни один участник. Все послушались экспериментатора и прекратили удары.

Испытуемые готовы выполнять разряды по требованию экспериментатора, но не по требованию «ученика». Получается, что «ученик» имеет меньше прав над собой, чем авторитет — над ним. «Ученик» — лишь часть общей системы, которую контролирует авторитет. Решающее значение имеет не суть приказа, а то, откуда он исходит. В базовом эксперименте экспериментатор говорит: «Дайте разряд в 165 вольт» и большинство испытуемых слушаются, невзирая на возражения «ученика». Но когда сам «ученик» говорит: «Дайте разряд в 165 вольт», ни один испытуемый не хочет этого делать. Впрочем, если учесть цели, заявленные авторитетом, подобные действия еще и бессмысленны, что лишний раз доказывает, до какой степени ситуация контролируется авторитетом. «Ученик» хочет продолжать серию электрошоков, дабы доказать свое мужество, но его желание не имеет ни малейшего значения в ситуации, когда испытуемый полностью принимает точку зрения авторитета.

Решение об электрошоке, которое принимает ученик, зависит не от пожеланий «ученика» и миролюбия или враждебности испытуемого, а, скорее, от того, насколько испытуемый связывает себя с системой власти.

Перестановка императивов между жертвой и экспериментатором означает радикальное изменение стандартной ситуации. Она дает ясные, хотя и отчасти предсказуемые, результаты. Однако здесь слишком многое изменилось в сравнении со стандартной ситуацией, чтобы можно было разобраться в причинно-следственных связях. Следует изучить более умеренные модификации: пусть даже не будет столь очевидного эффекта, зато будет понятнее, где истоки проблемы.

Эксперимент 13: обычный человек отдает приказы

Ключевой вопрос касается сути власти экспериментатора над испытуемым. В чем здесь дело: в *содержании* приказа, или в его авторитетном *источнике*? Как мы уже отмечали, роль экспериментатора сочетает статус с императивом. Наша задача — убрать элемент статуса и оставить императив. Для этого проще всего сделать так, чтобы указание исходило не от экспериментатора, а от обычного человека⁸.

Пусть приказы об уровне электрошока отдает самый обычный человек, который с виду кажется одним из участников эксперимента. Мы приглашали в лабораторию трех человек, из которых два были подставными, и в ходе подтасованной жеребьевки наш сотрудник оказывался в роли жертвы. Второму сотруднику поручали хронометрировать опыт по часам на столе экспериментатора. Ничего не подозревающий испытуемый тоже тянул жребий и получал задание зачитывать слова и наказывать ученика. Итак, экспериментатор дает обычные указания, пристегивает жертву к «электрическому стулу» и делает демонстрационные удары током. Однако ничто не говорит об уровне разрядов в ходе эксперимента. Затем он якобы отвечает на телефонный звонок, который заставляет его отлучиться из лаборатории. Слегка нервничая, но желая довести опыт до конца,

Таблица 4. Максимальные разряды в экспериментах с ролевыми перестановками

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 12 «Ученик» требует ударов (n = 20)	Эксперимент 13 Обычный человек отдает приказы (n = 20)	Эксперимент 13а Испытуемый как свидетель» (n = 20)
Слабый разряд				
1	15			
2	30			
3	45			
4	60			
Умеренный разряд				
5	75			
6	90		1	
7	105			
8	120			
Сильный разряд				
9	135			
10	150	20	7	3
11	165		1	1
12	180			
Очень сильный разряд				
13	195		3	
14	210			
15	225			
16	240			
Мощный разряд				
17	255		1	
18	270		1	
19	285			
20	300		1	
Очень мощный разряд				
21	315			
22	330			
23	345		1	
24	360			
Опасно: тяжелое поражение				
25	375			
26	390			
27	405			
28	420			1
	XXX			
29	435			
30	450		4	11
Среднее значение максимального уровня электрошока		10,0	16,25	24,9
Процент послушных субъектов		0	20	68,75*

* Процент тех из 16 участников, которые отказались слушаться обычного человека, но не стали препятствовать нанесению максимальных ударов им самим. См. текст.

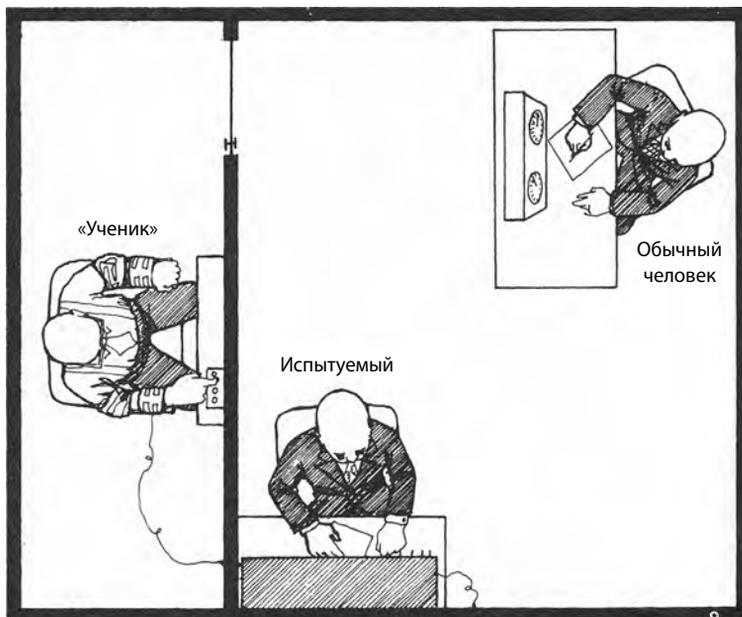
Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 14 Авторитет как жертва (n = 20)	Эксперимент 15 Два авторитета: противоположные указания (n = 20)	Эксперимент 16 Два авторитета: один как жертва (n = 20)
Слабый разряд				
1	15			
2	30			
3	45			
4	60			
Умеренный разряд				
5	75			
6	90			
7	105			
8	120			
Сильный разряд				
9	135		1	
10	150	20	18	6
11	165		1	
12	180			
Очень сильный разряд				
13	195			
14	210			
15	225			
16	240			
Мощный разряд				
17	255			
18	270			
19	285			
20	300			1
Очень мощный разряд				
21	315			
22	330			
23	345			
24	360			
Опасно: тяжелое поражение				
25	375			
26	390			
27	405			
28	420			
	XXX			
29	435			
30	450			13
Среднее значение максимального уровня электрошока		10,0	10,0	23,5
Процент послушных испытуемых		0**	0	65

** Объяснение этой цифры см. ниже в рассказе об эксперименте 14.

экспериментатор делает распоряжение продолжать, пока «ученик» не выучит все пары слов. А вся информация, мол, будет записываться автоматически. Но опять-таки он не упоминает о том, какие разряды током следует использовать.

После ухода экспериментатора сообщник не без энтузиазма сообщает, что ему как раз пришла в голову хорошая мысль: увеличивать уровень электрошока всякий раз, когда «ученик» будет ошибаться. И на всем протяжении опыта сообщник настаивает именно на такой процедуре.

Испытуемый оказывается в ситуации, общие контуры которой обозначены авторитетом, но конкретные распоряжения отдает самый обычный, хотя и очень целеустремленный человек, не имеющий никакого статуса в лаборатории.

Илл. 14. Обычный человек отдает приказы

Прежде чем рассказать, что из этого получилось, необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, события неизбежно имели менее естественный вид, чем обычно. Уход экспериментатора из лаборатории выглядел странно и вполне мог навести на подозрения. Во-вторых, хотя задачей эксперимента было лишить указания авторитетного источника, добиться этого в полной мере почти нереально. Несмотря на отсутствие авторитетного лица, все происходившее так или иначе было связано с ним. Именно от него исходили условия эксперимента и электрошока. Открытым оставался лишь вопрос о конкретном *уровне* разряда. Стало быть, авторитет незримо присутствовал в лаборатории, создавая базовую ситуацию для участников эксперимента.

Тем не менее наблюдалось резкое снижение подчиняемости: 16 испытуемых из 20 отказались слушаться обычного человека, хотя он и настаивал на продолжении эксперимента и сыпал убедительными доводами. Результаты показаны в таблице 4. И лишь треть из них покорились ему, как если бы это был экспериментатор.

Прежде чем обсудить значение этих результатов, рассмотрим продолжение данного эксперимента.

Эксперимент 13а: испытуемый как свидетель

Когда испытуемый отказывался слушаться обычного человека, возникала новая ситуация. Сообщник, якобы недовольный отказом, заявлял, что раз его напарник не решается наносить удары, он будет делать это лично. Он просил испытуемого хронометрировать опыт, а сам садился за генератор. Тем самым испытуемый избавлялся от личной ответственности за удары током, но становился свидетелем тяжелой сцены, в которой агрессивный напарник осуществлял свой план последовательного увеличения уровня электрошока. Практически все из 16 участников возражали,

а пятеро оказали физическое сопротивление, положив конец экзекуции. (Несколько человек пытались выключить генератор из сети, и четверо физически удержали своего напарника.) Один участник, будучи человеком крупным, поднял ретивого исследователя со стула, швырнул его в угол лаборатории и не позволял двигаться, пока не получил обещание, что тот воздержится от продолжения опыта. Какими бы пассивными перед лицом авторитета ни казались испытуемые, в данной ситуации пятеро из них героически встали на защиту жертвы. Они угрожали обычному человеку, ставили под сомнение его здравомыслие и вообще откровенно порицали его. Это резко контрастирует с почтительной вежливостью, которую испытуемые выказывали в тех экспериментах, где у руля был авторитет. С авторитетом испытуемые обращались учтиво и уважительно даже в тех случаях, когда не слушались. Моменты отказа от эксперимента отражены в таблице 4.

Вот реакция одного из участников в тот момент, когда его напарник выказал желание лично сесть за генератор.

ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК: А давай я вместо тебя буду.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Сиди спокойно! Это вообще не твое дело.

(Испытуемый пытается выпустить жертву из комнаты, но безуспешно, ибо дверь заперта. Потом сообщает, что будет искать экспериментатора. Тут обычный человек снова предлагает продолжить опыт.)

ИСПЫТУЕМЫЙ: Нет. Больше нет. *(Кричит на обычного человека.)* Я же сказал: «Нет!» Значит, нет. Ты хочешь делать ему больно. А он хочет уйти. Пойду, найду экспериментатора. Нанесешь хоть один удар, — лучше сразуними очки.

Отказываясь слушаться обычного человека, большинство испытуемых исходило из того, что экспериментатор

одобрил бы их. Впоследствии, когда их просили высказать свои впечатления об обычном человеке, они говорили:

«Он из тех типов, которых только посади за рубильник: будут развлекаться весь день, раз это не их дергает током. Живи он в Средневековье, от него натерпелись бы».

«Уж очень бойкий. Не повезло кому-то с отцом. Заладил себе: давай, мол, давай... и не унять его — дескать, система у него есть. Я думаю, это уже чересчур».

«Я подумал, слишком он жесток. Наносил удары током, когда тот уже не отвечал».

Однако один из четырех участников, которые до конца уступали настояниям обычного человека, сказал иное: «Я думал, что он сильный учитель. Способный учитель. Сильный — то есть с ним без дураков. Он хотел довести все до конца, и довести как надо. Это его позиция. Я подумал, что он вообще-то молодец. Что касается его способностей... было ясно, с какой стороны надо взяться за дело. Ну, он и взялся».

Эксперимент 14: авторитет как жертва: обычный человек приказывает

До сих пор мы изучали статус человека, который *приказывает* наносить удары. А сейчас займемся статусом человека, который *получает* удары.

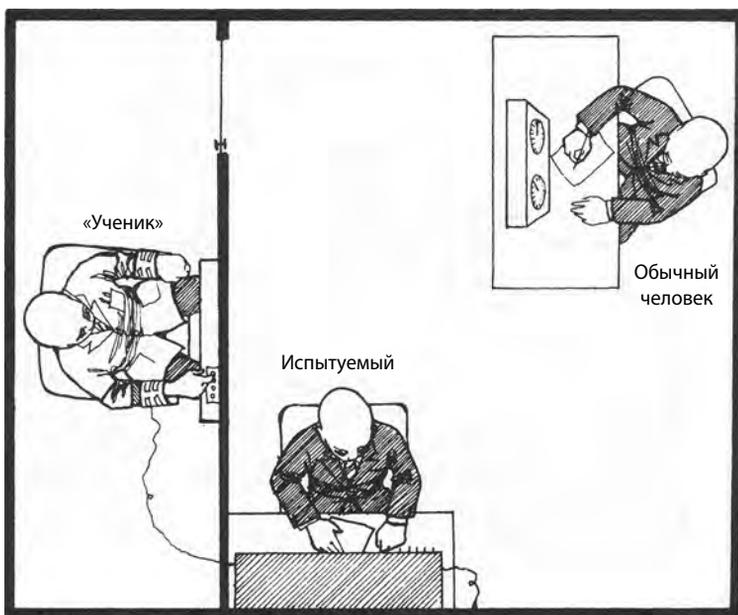
Эта вариация логически необходима, если мы хотим исчерпать все возможные взаимосвязи между положением и статусом. Необходимо понять, что случится, если в роли жертвы выступит авторитет: если мы поставим на место жертвы экспериментатора. Но кто будет в этом

случае отдавать указания: авторитет или обычный человек? Мы опишем обе ситуации, но начнем с той, когда «обычный человек» приказывает наносить удары током авторитету.

Чтобы создать правдоподобную ситуацию, в которой авторитет мог бы получать удары по приказу обычного человека, была использована следующая процедура. В лабораторию приходили два потенциальных участника и тянули жребий, кому быть «учителем», а кому «учеником». Далее все шло, как обычно, пока экспериментатор не объяснял, в чем состоит наказание. Тут «ученик» начинал упрямиться: мол, боится тока. Однако заявлял, что, если бы увидел, как в этой роли выступает кто-то другой — скажем, экспериментатор, — это его успокоило бы. Тогда экспериментатор, который уже жаловался на недостаток желающих, готовых подвергнуться электрошоку, соглашался побыть «учеником». Впрочем, он договаривался с упрямым, что сразу после него тот вернется к роли «ученика». Экспериментатора пристегивали к креслу, мазали электродной пастой и т.д. Начинался опыт, причем испытуемый применял электрические разряды, а сообщник экспериментатора сидел за столом последнего.

После 150 вольт экспериментатор требовал, чтобы его освободили. Сообщник же настаивал: надо продолжать, уговор есть уговор. Получалось, что испытуемый должен наносить удары током экспериментатору, который этого не хочет, в то время как обычный человек настаивает на продолжении электрошоков так, как если бы они были на его месте.

Если учесть не вполне обычный характер эксперимента, нашу задумку следует признать удавшейся. Ситуация выглядела на удивление правдоподобной (во многом благодаря актерским талантам сообщников). Вот расшифровка записи одного из экспериментов.

Илл. 15. Авторитет как жертва: обычный человек приказывает

Только что вытянули жребии. Наивный испытуемый оказался в роли «учителя». «Учеником» должен быть мистер Марч, подставное лицо.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Прежде всего, усадим «ученика» так, чтобы он мог получить наказание. Пройдемте в соседнюю комнату.

МИСТЕР МАРЧ: Какое именно наказание?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Видите прибор? Это генератор тока. В качестве наказания мы используем электрический шок.

МИСТЕР МАРЧ: Меня будут бить током?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Только если вы сделаете ошибки в уроке, который вам будет преподавать «учитель».

МИСТЕР МАРЧ: То есть 15 вольт, 30 вольт?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Да.

МИСТЕР МАРЧ: Надеюсь, на том дело и кончится. *(Указывает на надписи с минимальным уровнем напряжения.)*

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Это зависит от вас, мистер Марч. Это зависит от того, насколько у вас все получится.

МИСТЕР МАРЧ: А что, дело может дойти и до 75 вольт?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Да, возможно. Зависит от количества ошибок...

МИСТЕР МАРЧ: И до 120 вольт?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Не исключено...

МИСТЕР МАРЧ: А каким может быть максимальный удар?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Опять же зависит от ваших успехов в ходе урока.

МИСТЕР МАРЧ: Допустим, у меня будет плохо получаться. Какой удар я получу?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Не исключено, что «учителю» придется дойти до конца шкалы, если того потребует эксперимент. Но... это целиком зависит от ваших успехов... в ходе урока.

МИСТЕР МАРЧ: Как-то не хочется получать такие сильные удары. Давайте остановимся на этом. *(Указывает на рубильники с минимальным напряжением.)* Скажем, 15 вольт.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Честно сказать, из-за электрошока нам было нелегко набрать добровольцев для данного конкретного эксперимента.

МИСТЕР МАРЧ: Неудивительно.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Все это настолько трудно, что у меня даже было искушение самому сесть на место «ученика». И буду откровенен: эксперимент мы должны завершить к вечеру. Времени осталось мало. Если мы не договоримся с вами и не пройдем весь эксперимент, к вечеру мы не придем ни к чему. Поэтому ваше сотрудничество очень ценно для нас.

МИСТЕР МАРЧ: Признаться, боязно. Вот если бы вы сами прошли эксперимент и показали бы, что от ударов током ничего страшного не будет, тогда ладно.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Что ж, мистер Марч... Если мы сделаем эксперимент со мной в роли «ученика», можно ли рассчитывать, что вы согласитесь затем быть «учеником»?

МИСТЕР МАРЧ: А вы будете делать все то же, что пришлось бы делать мне? Получать электрошок и всякое такое?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Да, все то же.

МИСТЕР МАРЧ: Если я увижу, что вы это сделали и вышли живым и невредимым, то сделаю это и сам.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Ладно, почему бы и нет. По крайней мере мы сдвинемся с места. Тем более что у нас будет два эксперимента вместо одного, что поможет набрать нужное число экспериментов до вечера. Да, почему бы и нет... Сначала эксперимент пройду я. Но как только я закончу, «учеником» будете вы. Договорились?

МИСТЕР МАРЧ: Да.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Отлично.

МИСТЕР МАРЧ: Если вы все пройдете и все будет нормально, я тоже все сделаю.

Затем экспериментатор дает дополнительные указания «наивному испытуемому», сидящему за генератором. Тот пристегивает ученого к «электрическому стулу», наносит электродную пасту и т.д. Вот расшифровка записи, показывающая, что происходило после того, как экспериментатор потребовал отпустить его.

(Применяется разряд в 150 вольт.)

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР *(кричит)*: Пожалуй, хватит, джентльмены.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Я вас не осуждаю.

МИСТЕР МАРЧ: Ну нет, давайте продолжать. Давайте-давайте. Мне же придется делать все до конца. Давайте. Не будем останавливаться.

ИСПЫТУЕМЫЙ (*экспериментатору*): Что скажете?

МИСТЕР МАРЧ (*перебивая*): Он сказал, что со мной дело может дойти до 450 вольт. Вот и посмотрим, как ему самому это удастся.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Но человек не готов к этому. И это неразумно, если вы понимаете, что я имею в виду.

МИСТЕР МАРЧ: Вовсе нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ (*мистеру Марчу*): Давайте так. Как только вы захотите прекратить, я позволю вам прекратить. Согласны? Как насчет этого?

МИСТЕР МАРЧ: Он сказал, что мы должны выучить все до конца.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Я не хочу, чтобы он мучился. Слушайте, там дальше будет высокое напряжение. Следующий шаг — 165 вольт.

МИСТЕР МАРЧ: Но он сказал, что выучить надо все слова. И дойти до самого конца.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Пусть он сам решает. Если не хочет, мы остановимся.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Пожалуйста, прекратите.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Хорошо.

(Испытуемый немедленно отправляется в комнату, где сидит экспериментатор, и освобождает его. Мистер Марч все еще настаивает на продолжении эксперимента.)

МИСТЕР МАРЧ: Не вы ли сами говорили мне, что?..

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мало ли, что говорил. Заканчиваем.

ИСПЫТУЕМЫЙ (*теплым тоном экспериментатору*): Да уж, это что-то. Я словно на себе ощущал удары током. Всякий раз, когда переключал рубильник. И вы еще долго вытерпели. Знаете, демонстрационный удар, который вы мне дали, уже был довольно крепким. А там было сколько вольт? 75? А тут целых 160.

Как видно из таблицы 4, требования мистера Марча не возымели эффекта. При первом же протесте

экспериментатора все испытуемые отказывались идти дальше и даже давать один дополнительный разряд. Ни один не повел себя иначе. Более того, многие испытуемые спешили на выручку экспериментатору: бежали в соседнюю комнату освободить его. Зачастую выражали сочувствие ему, но держались холодно по отношению к обычному человеку, которого считали безумцем.

Впоследствии многие испытуемые объясняли свой живой отклик гуманными соображениями, не признавая, что имел значение авторитет. Надо полагать, им было приятнее считать, что их действия обусловлены добротой, а не приказом начальства. В ответ на вопрос, как они поступили бы, если бы на месте «ученика» оказался обычный человек, они убежденно говорили, что при первых же протестах остановились бы. Роль авторитета в своем решении они определенно недооценивали. А вообще, так и бывает в повседневной жизни: многие поступки, которые люди объясняют проявлением нравственности, на самом деле обусловлены подчинением авторитету.

Мы рассмотрели три эксперимента, в которых приказ о применении электрошока дает обычный человек, а не авторитет. В первом случае сам «ученик» требовал продолжения опыта, дабы доказать свое мужество, тогда как экспериментатор возражал. Ни один испытуемый не подчинился требованию «ученика» и не стал применять очередные электроразряды. Во втором случае жертва возражала, экспериментатор отсутствовал, но, исходя из общего характера опыта, обычный человек настаивал на увеличении силы ударов. Из 20 испытуемых 16 не покорились. В третьем случае обычный человек настаивал на нанесении ударов током авторитету. Как только авторитет требовал остановки эксперимента, все испытуемые немедленно подчинялись, полностью игнорируя настояния бессердечного обычного человека.

Эти опыты подтверждают существенный факт: решающий фактор — это реакция на авторитет, а не на приказ применять электрошок. Приказы, исходящие не от авторитета, теряют всякую силу. Те, кто пытается доказать, что все дело в агрессивных и садистских инстинктах, которые выходят на поверхность, когда человек получает возможность причинять боль себе подобному, должны принимать во внимание категорический отказ испытуемых продолжать эксперименты. Дело не в том, что делают испытуемые, а в том, для кого они это делают.

Двойной авторитет

До сих пор основной конфликт был между обычным человеком и авторитетом. А что, если конфликт возникает внутри власти? Ведь в реальной жизни нам иногда приходится выбирать между авторитетами. А значит, имеет смысл включить такой вариант в эксперимент. Может быть, в ситуации, когда один авторитет требует одного, а другой — диаметрально противоположного, начинают играть роль собственные ценности человека, и они определяют его выбор? Или человек попытается найти компромисс между двумя авторитетными мнениями? Предположительно, такая ситуация усилит внутренний конфликт испытуемого. Ему придется решать не только, наносить ли удары током жертве, но и то, какому авторитету следовать. Попутно мы можем узнать, при каких обстоятельствах авторитет более влиятелен, а при каких менее.

Эксперимент 15: два авторитета — противоположные указания

Делалось это следующим образом. Придя в лабораторию, испытуемый сталкивался с двумя экспериментаторами.

Оба были одеты в серые лаборантские халаты, а инструкции давали по очереди. Экспериментаторы были приблизительно одного возраста и веса, но один (экспериментатор 1) держался несколько мягче, чем другой (экспериментатор 2). Кроме того, в опыте участвовала обычная жертва — наш полноватый бухгалтер, которого пристегивали к стулу. Вообще все шло как обычно. Оба экспериментатора сидели за контрольным столом, и оба активно записывали ответы. Но их кажущееся смирение резко подходило к концу после удара в 150 вольт. (Не будем забывать, что именно в этот момент жертва заявляла первый решительный протест.) Один экспериментатор давал традиционную команду продолжать опыт, а второй говорил диаметрально противоположное, адресуя свои слова наивному испытуемому.

Давление со стороны недоброжелательного авторитета было ничуть не меньшим, чем в других случаях. Он настаивал на продолжении опыта и утверждал, что у испытуемого нет выбора. Однако сила его приказов подрывалась вторым авторитетом, который заявлял диаметрально противоположное.

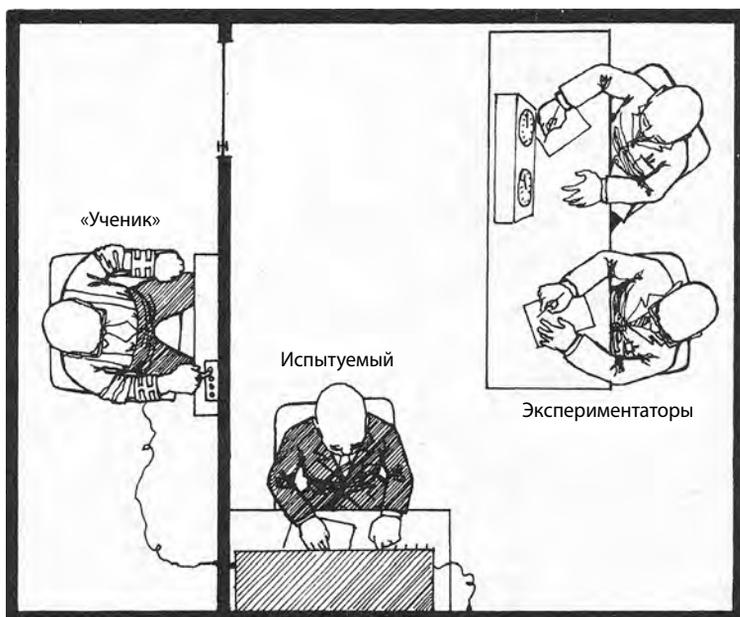
Результат опрокинул наши ожидания. Экспериментаторы выглядели как два начальника, в равной степени убежденные в своей правоте. Однако они не спорили друг с другом, а обращались к испытуемому. Таким образом, тот оказывался перед лицом взаимоисключающих, но одинаково авторитетных приказов. Ниже расшифровка их разговоров:

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР 1: Придется остановиться.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР 2: Эксперимент требует, чтобы мы продолжали. Пожалуйста, «учитель», продолжайте.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ну, знаете.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР 1: Человеку больно. Мы не можем продолжать эксперимент.

Илл. 16. Два авторитета — противоположные указания

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР 2: У нас нет выбора, джентльмены. Эксперимент требует, чтобы мы продолжали. Пожалуйста, продолжайте.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР 1: Остановитесь! Мы не должны продолжать эксперимент.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР 2: Мистер Уильямс, эксперимент требует, чтобы вы продолжали.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Вы уж определитесь как-нибудь.

(Пауза.)

ИСПЫТУЕМЫЙ: Погодите, погодите. Что же делать? Один требует остановиться, другой продолжать. Мне что делать?

Испытуемый оказывается перед лицом двух взаимоисключающих указаний, каждое из которых исходит

от авторитетной фигуры. Результат эксперимента показан в таблице 4 и говорит сам за себя. Из 20 участников один отказался от участия до разногласия между учеными, и 18 — в тот момент, когда между авторитетами возникло противоречие. Еще один пошел на шаг дальше. Очевидно, что разногласие между авторитетами полностью парализовало действие. Ни один испытуемый не воспользовался «преимуществом» распоряжения продолжать. Ни разу индивидуальные агрессивные мотивы не заставили кого-то ухватиться за авторитетную санкцию, данную недоброжелательным авторитетом. Напротив, опыт застопорился.

Интересно, что в других вариациях эксперимента никакие шаги жертвы — ни просьбы, ни вопли, ни иные реакции — не давали столь внезапного и недвусмысленного результата. Дело в том, что ключевое влияние исходит с верха социальной иерархии; испытуемый восприимчив к сигналам, идущим сверху, но безразличен к сигналам, идущим снизу. Когда сигнал, поступающий с верхнего уровня, «загрязнялся», цельность иерархической системы разрушалась, одновременно подрывая ее эффективность в регулировании поведения.

В ходе эксперимента мы наблюдали любопытный феномен. Некоторые испытуемые снова и снова пытались воссоздать осмысленную иерархию. Они старались выяснить, кто из экспериментаторов главнее (ведь неприятно не знать, кто твой начальник!). Некоторые участники были весьма энергичны в этом смысле.

Эксперимент 16: два авторитета — один как жертва

В вышеописанном эксперименте мы всячески старались, чтобы экспериментаторы казались одинаково авторитетными: они были одинаково одеты, занимали одно и то же

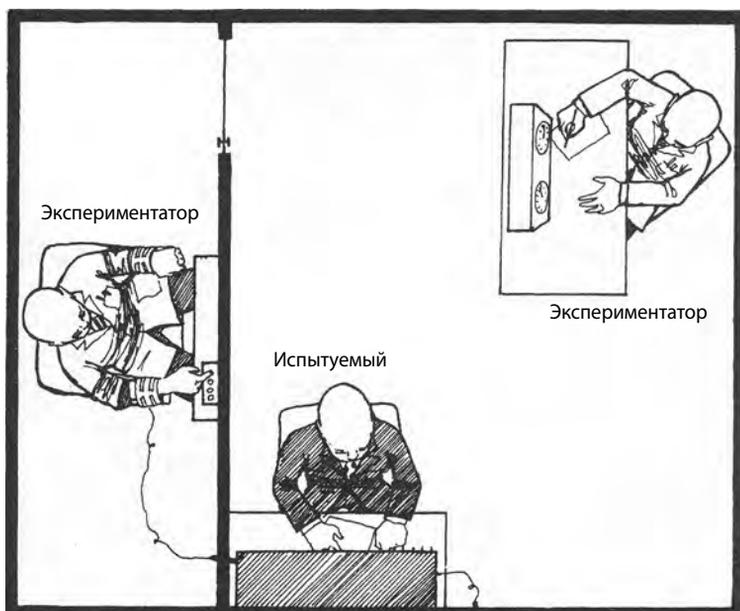
место за столом и давали равное количество инструкций. Таким образом, не только их статус казался равноценным, но и положение в структуре ситуации. Однако возникал интересный вопрос. Чем объясняются результаты эксперимента: самим фактом, что оба облечены властью, — или их *равенством*? Иначе говоря, чем обусловлен авторитет: формальным рангом или в значительной степени он зависит от реального положения человека в структуре действия в данной ситуации? Для сравнения: король может обладать колоссальной властью, пока он на троне, но не сможет командовать, окажись он в тюрьме. Основа его власти отчасти обусловлена его реальным функционированием в качестве авторитета, со всеми его атрибутами. Более того, если учесть, что конфликтующие авторитеты не могут одновременно занимать одно и то же место в иерархической структуре, ситуационных выгод, которые получает один из конфликтующих авторитетов, может оказаться достаточно, чтобы переключить подчинение на себя... Но оставим домыслы и перейдем к экспериментальному изучению данного вопроса.

В целом данный вариант эксперимента аналогичен предыдущему: испытуемый имеет дело с двумя экспериментаторами, похожими внешне и с виду имеющими одинаковый авторитет. Однако пока двое экспериментаторов и испытуемый находятся в ожидании четвертого участника, раздается телефонный звонок. Оказывается, четвертый участник не придет. Экспериментаторы расстроены, поскольку им нужно закончить опыт этим вечером. Возникает идея распределить нужные роли между тремя присутствующими — не совсем то, что надо, но минимальное число участников обеспечено. Сначала экспериментаторы бросают монетку между собой. Затем жребий бросают проигравший и испытуемый: кому быть «учителем», а кому «учеником». В результате подтасованной жеребьевки

экспериментатор становится «учеником». Его пристегивают к стулу, и далее он ведет себя как обычная жертва: после удара в 150 вольт кричит, что с него хватит и он хочет выйти. Однако второй экспериментатор настаивает на продолжении эксперимента. Здесь важное отличие от предыдущей ситуации с двойным авторитетом: авторитеты, дающие противоположные указания, больше не находятся в симметричном положении в структуре ситуации. Один стал жертвой, а другой — одним лишь бросанием монетки — начальником.

Результаты эксперимента показаны в таблице 4.

Удивительное дело: экспериментатор, привязанный к «электрическому стулу», ценится не больше обычной жертвы, которая вовсе не обладает авторитетом. Да,

Илл. 17. Два авторитета — один в качестве жертвы

практически все испытуемые либо решительно прерывали эксперимент, как только жертва требовала, чтобы ее выпустили, либо полностью пренебрегали ее требованиями. Все участники, кроме одного, попали в одну из этих двух групп. Однако в целом с экспериментатором в качестве «ученика» обращались не лучше, чем с обычным человеком в той же ситуации. Он терял всю власть, какой обладал в качестве авторитета.

Получается следующая картина.

1. Когда обычный человек отдавал приказ бить током экспериментатора, ни один испытуемый не продолжал делать это после первого же протеста жертвы (эксперимент 14).
2. Когда два экспериментатора одинакового статуса, сидевшие за контрольным столом, давали взаимоисключающие приказы, испытуемые вообще отказывались применять электрошок (эксперимент 15).
3. Когда экспериментатор приказывал испытуемому наносить удары током своему коллеге, протесты этого коллеги имели не больше эффекта, чем протесты обычного человека (эксперимент 16).

Прежде всего возникает вопрос: почему экспериментатор, оказавшийся в роли жертвы, терял в данной ситуации весь свой авторитет, хотя не терял его в эксперименте 15?

Главный принцип состоит в том, что действиями испытуемого управляет человек наивысшего статуса. Одновременно у испытуемого возникает необходимость найти последовательную линию поведения. Но такая линия становится очевидной лишь тогда, когда налицо ясная иерархия без противоречий и несовместимых элементов.

Сопоставление с экспериментом 14

В эксперименте 14 испытуемые прекращали опыт по первому слову ученого. Здесь работал принцип, согласно которому действие контролируется человеком с более высоким статусом. Попытки мистера Марча разубедить испытуемого закончились полным фиаско. Как только экспериментатор требовал, чтобы его отпустили, все испытуемые слушались его. И мало ли, что возражает мистер Марч: кто он вообще такой? Чистой воды ребенок, который залез в ботинки генерала и пытается командовать армией. Конечно, действие контролировалось человеком, обладавшим более высоким авторитетом.

Сопоставление с экспериментом 15

В эксперименте 15, когда два экспериментатора за контрольным столом давали взаимоисключающие указания, все действия застопоривались, ибо высший авторитет отсутствовал, а значит, было непонятно, какой линии поведения следовать. Суть эффективной системы управления состоит в том, что индивид получает указания из более высокого источника и исполняет их по отношению к заданному объекту. Минимальное условие для работы этой системы — четкие и ясные команды. Когда есть противоречивые команды, испытуемый пытается понять, кто главнее, и действовать соответственно. Если найти главного не удастся, он не может действовать. Команда не имеет смысла изначально. Поэтому система должна быть свободной от таких противоречий.

Но почему один из экспериментаторов полностью теряет авторитет в эксперименте 16? Испытуемые склонны воспринимать ясные иерархии, лишённые противоречий и несовместимых элементов. Поэтому они всячески

стараятся выявить высшую власть и реагировать именно на нее. Применительно к нашему случаю:

1. Один из экспериментаторов добровольно взял на себя роль жертвы. Тем самым он временно лишился начальственного статуса, предоставив его другому экспериментатору.
2. Авторитет — не просто ранг, но обладание определенным местом в социально определенной ситуации. Король, попав в темницу, обнаруживает, что его перестали слушаться. Экс-экспериментатор оказывается в физической ситуации жертвы и противостоит авторитету, восседающему на троне главнокомандующего.
3. Этой небольшой модификации достаточно, чтобы усилить авторитет экспериментатора за контрольным столом. Она играет ключевую роль. Ибо для иерархического контроля характерно, что человек реагирует по принципу «все или ничего» на фигуру наибольшего статуса. Необязательно *намного* большего статуса: хотя бы чуть-чуть. Все равно что положить маленький камешек на одну из сторон детских качелей: контроль полностью определяется (по принципу «все или ничего») этим небольшим добавлением. И никакого компромисса в результате.

Системы управления строятся на иерархии. И ключевой вопрос с точки зрения контроля: кто стоит над кем? Насколько выше, намного менее важно, чем сам факт ранжира.

9

Групповые эффекты

В одиночку противиться авторитету трудно. Однако группа обладает силой. Архетипическое событие описывал еще Фрейд (Freud, 1921): угнетенные сыновья вместе восстают против деспотического отца. Делакруа изображает массовый бунт против несправедливой власти; Ганди успешно сплавивает население в ненасильственном сопротивлении британским властям. Заключение в тюрьме Аттики устраивают заговор и временно свергают начальство тюрьмы. Отношения человека с равными себе могут соперничать с узами, связывающими его с авторитетом, и в каких-то ситуациях побеждать.

Различие между конформностью и подчинением

Здесь надо провести грань между понятиями *подчинение* и *конформность*. *Конформность* можно понимать очень широко, но здесь целесообразно говорить о действиях испытуемого, когда тот соглашается со своей ровней, с людьми его статуса, у которых нет особого права

руководить его поведением. *Подчинением* же мы будем называть действия испытуемого, когда тот идет на поводу у авторитета. Взять, например, новобранца в армии. Он тщательно исполняет все приказы начальства. В то же время он воспринимает привычки, порядки и язык других новобранцев. В первом случае имеет место подчинение, во втором — конформность.

Соломон Аш провел серию блестящих экспериментов, посвященных конформности (1951). Группе из шести человек, в которой все, кроме одного, были подставными лицами, показывали линию определенной длины, а затем спрашивали, какая из трех других линий соответствует ей по длине. Подставные лица были подучены всякий раз (или в оговоренном числе случаев) давать неправильные ответы. Наивного испытуемого располагали таким образом, что он слышал ответы большинства членов группы, прежде чем озвучить собственный ответ. Аш обнаружил, что при таком социальном давлении большой процент испытуемых предпочитает согласиться с группой, чем поверить собственным глазам.

Испытуемые Аша проявляли *конформность* по отношению к группе. В нашем же исследовании испытуемые проявляли *подчинение* по отношению к экспериментатору. В обоих случаях имел место отказ от инициативы в пользу внешнего источника. Однако есть несколько существенных различий.

1. *Иерархия*. Подчинение авторитету происходит в иерархической структуре, где испытуемый чувствует, что вышестоящее лицо вправе указывать ему, что надо делать. Конформность регулирует поведение среди людей равного статуса; подчинение же связывает один статус с другим.
2. *Имитация*. В отличие от подчинения, конформность — это имитация. Конформность делает

поведение однородным: человек, находящийся под влиянием, воспринимает поведение группы. При подчинении индивид слушается авторитета, не подражая ему. Солдат не просто повторяет приказ, данный ему, а выполняет его.

3. *Эксплицитность*. В случае с подчинением предписание о действии носит эксплицитный характер, имея форму приказа или команды. В случае с конформностью требование солидарности нередко остается имплицитным. Так, в эксперименте Аша не было открытого требования со стороны группы, чтобы испытуемый соглашался. Линию поведения он выбирал спонтанно. Более того, многие люди сопротивляются эксплицитному призыву к подчинению со стороны членов группы, ибо это ситуация равных, которые не имеют права приказывать друг другу.
4. *Добровольность*. Самое явное различие между подчинением и конформностью можно наблюдать после случившегося. Это касается того, как люди объясняют свое поведение. Испытуемые *отрицают* конформность и *признают* подчинение как объяснение своему поведению. Сейчас я поясню. В эксперименте Аша испытуемые обычно недооценивали степень, в какой их поведение находилось под влиянием членов группы. Они умалили групповой эффект и подчеркивали собственную независимость, даже если шли на поводу у группы при каждом ответе. Зачастую настаивали, что сами ошиблись: мол, неважное зрение или неважный глазомер. Они сводили к минимуму степень, в которой подстраивались под группу.

В эксперименте с подчинением реакция была диаметрально противоположной. Объясняя свою

готовность применять электрошок, испытуемые ссылались на то, что сами бы этого делать не стали, но послушались требования авторитетного лица. Таким образом, если при конформности человек настаивает, что группа не сделала его менее самостоятельным, то при подчинении он говорит, что вообще не обладал автономией, а все зависело от авторитета.

Чем это объясняется? Дело в том, что конформность есть реакция на имплицитное давление: испытуемый считает свое поведение добровольным. Он не может назвать здравую причину, по которой стоило бы идти на поводу у членов группы, поэтому отрицает, что конформность вообще имела место. Он не хочет признаваться в этом не только экспериментатору, но даже самому себе. В случае с подчинением все наоборот. Ситуация публично определена как недобровольная: эксплицитно заявлено, что от испытуемого ожидается подчинение. Объясняя свои действия, испытуемый ссылается именно на это публичное определение ситуации.

Таким образом, подчинение и конформность имеют разные психологические последствия. Но и то и другое — мощные формы социального влияния, и мы можем перейти к изучению их роли в данном эксперименте⁹.

Эксперимент 17: двое равных бунтуют

Как мы уже сказали, восстать против недоброжелательного авторитета легче коллективно, чем индивидуально. Это знает всякая революционная группа и нетрудно доказать в ходе эксперимента. Мы видели, что между нравственными принципами испытуемых и их поведением в лаборатории существует немалое расхождение. Несмотря на протесты жертвы и очевидный внутренний конфликт, многие

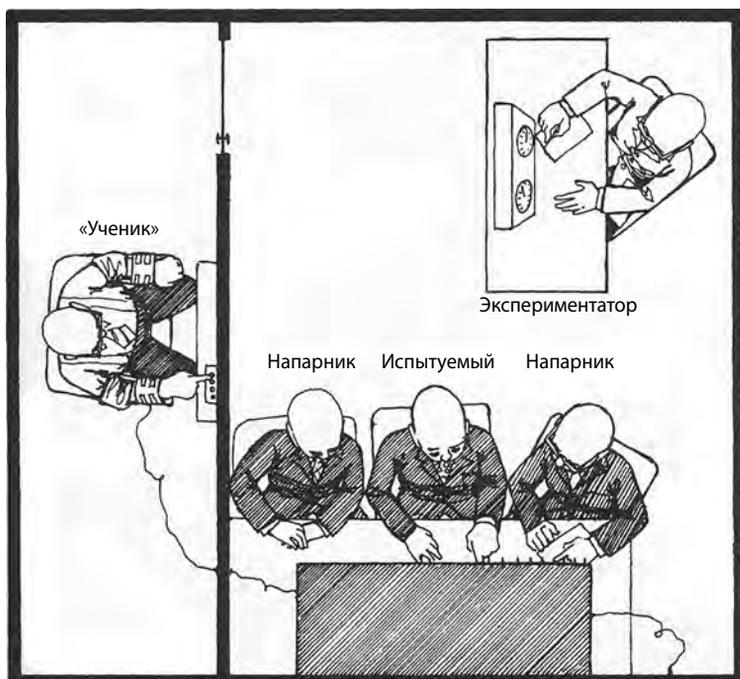
идут на поводу у экспериментатора, по его указке доводя удары током до максимума.

Рассмотрим, в какой степени влияние группы способно освободить испытуемого от авторитарного контроля и позволить ему следовать собственным ценностям и жизненным ориентирам. Для этого модифицируем базовый эксперимент: посадим испытуемого между двумя ему подобными, которые будут давать отпор экспериментатору и отказываться наказывать жертву вопреки ее воле. В какой степени давление, создаваемое их действиями, изменит поступки наивного испытуемого?

ТЕХНИКА

В лабораторию входят четыре человека, готовые участвовать в опыте по изучению «воздействия коллективного обучения и наказания на память и обучаемость». Трое из них — подставные лица, и один — наивный испытуемый. Экспериментатор объясняет, что должны быть три «учителя» и один «ученик». Путем подтасованного жребия наивный испытуемый получает роль «учителя-3». В роли «учителя-1», «учителя-2» и «ученика» оказываются подставные лица. «Ученика» пристегивают к «электрическому стулу», а три «учителя» садятся за генератор тока. «Учитель-1» должен зачитывать пары слов, «учитель-2» — сообщать, правилен ли ответ, а «учитель-3» (наивный испытуемый) — давать наказание. Как и в базовом эксперименте, испытуемым велено повышать уровень удара на один шаг всякий раз, когда «ученик» делает ошибку.

Поведение подставных лиц. Подставные лица слушаются приказов экспериментатора до первых горячих протестов жертвы (после удара в 150 вольт). В этот момент «учитель-1» сообщает экспериментатору, что не желает больше участвовать, поскольку жертва жалуется. Экспериментатор

Илл. 18. Двое равных бунтуют

отвечает, что надо продолжать. Однако «учитель-1» не подчиняется приказу, встает со стула и пересаживается в другую часть комнаты. Поскольку попытки экспериментатора вернуть испытуемого к генератору остаются тщетными, экспериментатор приказывает остальным двум участникам продолжать опыт. «Учитель-3» (наивный испытуемый) должен теперь не только наносить «ученику» удары током, но и зачитывать слова.

После уровня 14 (210 вольт) «учитель-2», выражает беспокойство за «ученика» и отказывается от участия. Экспериментатор приказывает ему продолжать, но тоже встает со стула и пересаживается в противоположный угол комнаты со словами: «Я готов ответить на любые ваши

вопросы, но не хочу бить током человека против его воли. Я в этом не участвую».

Наивный испытуемый остается один перед генератором. Он видел, как два его напарника воспротивились указаниям. Экспериментатор велит ему продолжать: дескать, важно закончить опыт.

Результаты показаны в таблице 5. При такой расстановке сил 36 из 40 испытуемых сказали «нет» экспериментатору (тогда как соответствующая цифра в отсутствие группового давления — 14). Получается, сопротивление группы весьма успешно подрывает авторитет экспериментатора. Более того, из всех изученных нами экспериментальных вариаций ни в одном случае экспериментатор не получал столь решительного отпора, как при этой манипуляции.

Таблица 5. Максимальные разряды в групповых экспериментах

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 17 Двое равных бунтуют (n = 40)	Эксперимент 18 Равный наносит удары (n = 40)
Слабый разряд			
1	15		
2	30		
3	45		
4	60		
Умеренный разряд			
5	75		
6	90		
7	105	1	
8	120		
Сильный разряд			

Продолжение табл. 5

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 17 Двое равных бунтуют (n = 40)	Эксперимент 18 Равный наносит удары (n = 40)
9	135		
10	150	3	1
11	165	4	
12	180	1	1
Очень сильный разряд			
13	195	4	
14	210	12	1
15	225		
16	240		
Мощный разряд			
17	255		
18	270	4	
19	285		
20	300	2	
Очень мощный разряд			
21	315	3	
22	330		
23	345		
24	360	1	
Опасно — тяжелое поражение			
25	375		
26	390	1	
27	405		
28	420		
	XXX		

Окончание табл. 5

Уровень электрошока	Словесное обозначение и количество вольт	Эксперимент 17 Двое равных бунтуют (n = 40)	Эксперимент 18 Равный наносит удары (n = 40)
29	435		
30	450	4	37
	Среднее значение максимального уровня электрошока	16,45	28,65*
	Процент послушных испытуемых	10	92,5

* Объяснение этой цифры см. ниже в рассказе об эксперименте 18.

Реакции на непослушных напарников. Реакции наивных испытуемых на непослушных напарников были очень разными и отчасти зависели от того, в какой момент испытуемые сами отказались от участия. Один человек, который прекратил опыт сразу за «учителем-1», заявил: «Я уже думал отказаться, когда этот парень сказал “нет”». Большинство непослушных испытуемых высказались о своих напарниках позитивно. Например: «Я подумал, что они хорошие люди. Жертва сказала: “Хватит”, и они остановились». (Сам отказался от участия после уровня 11.) «Я подумал, что они отзывчивы... и ведь еще не знали, чем это для них закончится». (Отказался от участия после уровня 14.)

Испытуемый, который воспротивился экспериментатору после уровня 21, был более сдержан: «Я подумал, что они могли бы еще подождать. Но не виню их за то, что они отказались продолжать».

Четыре непослушных испытуемых открыто признали влияние поступка своих напарников: «Мне и в голову не приходило остановиться, пока эти двое не выступили».

(Отказался после уровня 14.) «Я остановился, поскольку не хотел выглядеть бессердечным и жестоким в глазах двух людей, которые уже бросили участвовать». (Отказался после уровня 14.) Впрочем, большинство не покорившихся отрицали, что напарники повлияли на них.

Если вдуматься в эту экспериментальную ситуацию, можно выделить несколько факторов, которые повышают эффективность группы.

1. Напарники вселяют в испытуемых идею неподчинения экспериментатору. Ведь некоторые из них могли даже не рассматривать ее как возможность.
2. В предыдущих экспериментах одинокий испытуемый не знал, как будет расценен его отказ: как скандал или как нечто в порядке вещей. Здесь же он на примере двух людей видит, что отказ — естественная реакция в данной ситуации.
3. Реакция напарников показывает, что бить жертву током недостойно. Она подтверждает подозрение испытуемого, что нельзя наказывать человека против его воли, даже в ходе психологического эксперимента.
4. Непослушные напарники остаются в лаборатории даже после отказа от эксперимента (ибо согласились ответить на вопросы после эксперимента). Каждый дополнительный удар током, нанесенный «наивным испытуемым», влечет за собой социальное неодобрение со стороны напарников.
5. Пока напарники участвуют в экспериментальной процедуре, ответственность за удары током распределяется между членами группы. После отказа напарников ответственность целиком ложится на наивного испытуемого.

6. Наивный испытуемый становится свидетелем двух случаев неподчинения и видит, что *последствия* отказа минимальны.
7. Власть экспериментатора снижается уже самой его неспособностью призвать людей к порядку: согласно общему правилу, каждая неспособность авторитета заставить себя слушаться ослабляет воспринимаемую силу его власти (Homans, 1961).

Итак, группы успешно бросают вызов экспериментатору. Это напоминает о том, что люди ведут себя так, как ведут, по трем главным причинам: у них есть собственные принципы; они чутки к потенциальным санкциям со стороны авторитета; они чутки к потенциальным санкциям со стороны группы. Когда индивид желает выступить против авторитета, он старается найти поддержку среди других членов группы. Взаимная поддержка — самый сильный оплот против злоупотребления властью. (Впрочем, группа не всегда права. Влияние группы может быть дурным: взять хотя бы суды Линча и шайки бандитов.)

Эксперимент 18: электрошок применяет равный по статусу

Носители авторитета отлично понимают значение групп и часто используют их, чтобы установить подчинение. Эту способность доказывает простая модификация нашего эксперимента. Здесь необходимо учесть следующее. Стоит между испытуемым и последствиями электрошоков возникнуть какой-то силе или чему-то произойти, как любой фактор, способствующий дистанции между испытуемым и жертвой снижает давление на участника, а значит, снижает неподчинение. В современном обществе между

нами и губительным действием, в которое мы вносим свою лепту, зачастую оказываются другие люди.

Вообще это типично для современной бюрократии, даже работающей в деструктивных целях: большинство людей, вовлеченных в цепочку, напрямую никого не губят. Они перекладывают бумаги, грузят амуницию или делают какое-либо иное дело, которое вносит вклад в последующее разрушение, но удалено от глаз и мыслей функционера.

Чтобы исследовать этот феномен в лаборатории, мы придумали вариацию эксперимента, в которой удары током наносит не наивный испытуемый, а его напарник (подставное лицо). Наивный испытуемый выполняет вспомогательные действия, которые хотя и продвигают эксперимент, но не связаны с непосредственным переключением рубильника на генераторе.

Новая роль испытуемого оказалась легкой. Таблица 5 показывает результаты по 40 испытуемым. Лишь трое из 40 отказались участвовать в опыте до конца. Остальные играли декоративную роль при нанесении ударов и психологически не были вовлечены настолько, чтобы внутренний конфликт привел к неподчинению.

В деструктивной бюрократической системе толковый менеджер способен подобрать кадры таким образом, чтобы насилие как таковое совершали лишь самые бессердечные и тупые люди. Основную же часть персонала могут составлять мужчины и женщины, которые благодаря дистанции от актов жестокости почти не ощущают внутреннего конфликта, исполняя свою вспомогательную работу. От чувства ответственности они избавлены по двум причинам. Во-первых, они выполняют распоряжения законного авторитета. Во-вторых, никаких физических воздействий они не совершают.

10

Чем вызвано подчинение? Анализ

В ходе эксперимента мы наблюдали несколько сотен участников и уровень подчинения, который нельзя не назвать тревожным. Снова и снова приличные люди уступали требованиям авторитета и совершали жестокие и бессердечные поступки. Достойные и ответственные в повседневной жизни люди попадали в ловушку авторитета, контроля над их восприятием ситуации, некритического отношения к словам экспериментатора.

Мы должны попытаться осмыслить теоретический аспект этого явления и глубже вникнуть в причины покорности. Повиновение авторитету — очень мощное и преобладающее состояние у человека. Почему?

Ценность иерархии для выживания

Прежде всего отметим, что люди действуют не по сами себе, а в рамках иерархических структур. У птиц, земноводных и млекопитающих мы находим структуры доминирования (Tinbergen, 1953; Marler, 1967), а у людей структуры

авторитета, передающиеся символами, а не прямым составлением в физической силе. Иерархически организованные группы позволяют их членам лучше отражать опасности физической среды и угрозы со стороны конкурирующих видов, а также предотвращать внутригрупповые разрушительные процессы. Неслучайно дисциплинированная милиция имеет преимущество перед буйной толпой: она выступает организованно и скоординировано, а толпа состоит из отдельных людей, действующих без плана и структуры.

Это взгляд с позиции эволюционной теории: поведение, как и прочие особенности человека, тысячелетиями формировалось необходимостью выживания. Виды поведения, которые не увеличивали шансы на выживание, постепенно сходили на нет, так как приводили к исчезновению групп, для которых были характерны. Племя, в котором одни члены были воинами, другие охотниками, третьи заботились о детях, имело колоссальное преимущество над племенем, в котором не существовало разделения труда. Вспомним цивилизации, построенные людьми: только целенаправленные и согласованные действия могли создать пирамиды, сформировать общества Греции и превратить жалкое создание, борющееся за выживание, в технологического хозяина планеты.

Социальная организация дает преимущества в реализации не только внешних, но и внутренних целей. Она обеспечивает стабильность и гармонию во взаимоотношениях между членами группы. Четкое определение статуса каждого снижает разногласия до минимума. Скажем, когда волчья стая валит добычу, преимущественное право на еду принадлежит вожаку, далее — следующему по статусу и т. д. Каждый знает свое место, и это стабилизирует стаю. Так и в человеческих группах: внутренняя гармония возможна, когда все члены признают статус, отведенный

им. И наоборот, протесты против иерархии зачастую провоцируют насилие. Таким образом, стабильная социальная организация как усиливает способность группы иметь дело с окружающей средой, так и, регулируя групповые взаимоотношения, снижает внутреннее насилие.

В социальной организации не обойтись без подчинения. А поскольку организация чрезвычайно важна для выживания любого вида, в ходе долгих эволюционных процессов у человека развилась соответствующая способность. Впрочем, это не конец моего рассуждения, а начало: мы никуда не придем, если скажем лишь, что люди подчиняются, поскольку их заставляет инстинкт.

Тем более, сейчас ученые считают, что дело обстоит сложнее: мы рождаемся с *потенциалом* к подчинению, который затем взаимодействует с влиянием общества, создавая послушного человека. В этом смысле способность к подчинению сродни способности к языку: для способности к языку мозг должен быть устроен определенным образом; однако чтобы человек разговаривал, необходимо воздействие социальной среды. Объясняя причины подчинения, мы должны рассмотреть и врожденные структуры, и социальные влияния, возникающие после рождения. В какой степени влияет каждый из этих факторов, вопрос спорный. С точки зрения эволюционного выживания имеет значение лишь то, что в итоге получают организмы, функционирующие в иерархиях¹⁰.

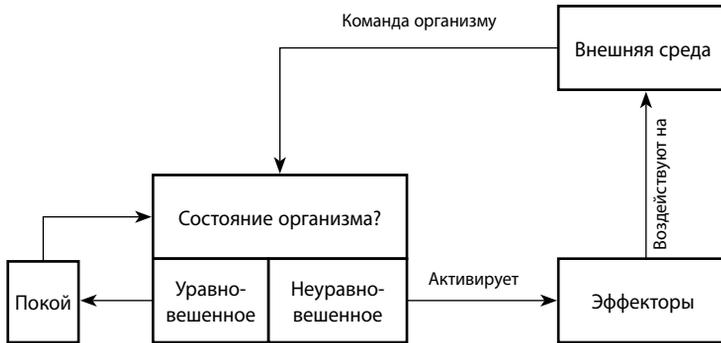
Кибернетический ракурс

На мой взгляд, мы лучше поймем ситуацию, если взглянем на нее с несколько иной точки зрения: а именно с точки зрения кибернетики. На первый взгляд переход от эволюции к кибернетике может показаться надуманным, но те, кто не отстает от новейших научных разработок, знают,

что в последние годы интерпретация эволюционных процессов с кибернетической точки зрения существенно продвинулась (Ashby, 1956; Wiener, 1950). Кибернетика — это наука о регуляции или контроле, а перед нами стоит следующий вопрос: *какие изменения должны произойти в устройстве эволюционирующего организма, когда он переходит от способности к автономному функционированию к способности к функционированию в организации?* Анализ позволяет заметить некоторые минимальные требования, необходимые для данного сдвига. Эти принципы носят довольно общий характер и могут показаться далекими от поведения участников нашего эксперимента, но я убежден, что они во многом объясняют это поведение. Ибо главный вопрос в любой научной теории подчинения звучит так: *какие изменения происходят, когда автономно действующий индивид оказывается в социальной структуре, в которой действует как часть системы, а не сам по себе?* Кибернетическая теория, давая нам модель, позволяет лучше понять изменения, которые *должны* произойти, когда независимые субъекты включаются в функционирование иерархии. Поскольку люди участвуют в таких системах, они подчиняются общим законам.

Начнем с устройства такого простейшего творения, как автомат. Спросим себя: *какие модификации в его устройстве потребуются, чтобы перевести его с саморегуляции на функционирование в иерархии?* Рассмотрим эту проблему не в историческом ключе, а чисто формально.

Допустим, у нас есть автоматы *a*, *b*, *c* и т. д., каждый из которых предназначен для работы в изоляции. Каждый автомат представляет собой открытую систему, которая нуждается в командах из внешней среды, чтобы поддерживать свои внутренние состояния. Необходимость в командах из внешней среды (например, уходе) требует аппарата, который искал бы, поглощал и превращал части

Илл. 19. Простая гомеостатическая модель

внешней среды в полезные питательные формы. Действие инициируется через эффекторы, запускаемые, когда внутренние условия сигнализируют о неполадках, угрожающих жизненным состояниям автомата. Сигнал активирует процедуру поиска питания, которая восстановит систему и позволит ей функционировать нормально. Гомеостатическая модель Кеннона (Cannon, 1932) указывает на повсеместность таких восстанавливающих систем в живых организмах.

Итак, автоматы существуют по отдельности как саморегулирующиеся всеядные. Чтобы соединить их хотя бы в самую примитивную и незатейливую форму социальной организации, к вышеописанной модели нужно что-то добавить. Необходимо обуздать нерегулируемое проявление индивидуальных appetites, в противном случае автоматы уничтожат друг друга. Иначе говоря, другие автоматы будут рассматриваться лишь как части внешней среды и разрушаться или использоваться вследствие своей питательной ценности. Мы должны добавить к устройству новую важную особенность: ингибитор, который мешает автоматам уничтожить друг друга. С добавлением этого общего ингибитора автоматы смогут занимать одну и ту же

географическую область без риска взаимоуничтожения. Чем выше степень взаимозависимости между автоматами, тем более эффективными эти ингибиторы должны быть и тем более широкий спектр действия иметь.

В общих чертах, когда действие индивида инициируется силами внутреннего напряжения, оно неизбежно сдерживается механизмами, присущими данному индивиду, чтобы избежать действия, направленного против родственных членов вида. Если такой механизм сдерживания не развивается, вид погибает и эволюционные процессы должны вырабатывать новую схему, приемлемую для выживания. Как напоминает нам Эшби (Ashby, 1956):

Организмы, которые мы наблюдаем сегодня, глубоко затронуты селективным действием, отсевом, происходившим в течение 2 млрд лет. Любая форма, которой не хватало способности к выживанию, вымерла; и сейчас почти каждая форма несет на себе отпечаток адаптации с целью обеспечить *выживание*, а не любой другой возможный исход. Глаза, корни, реснички, раковины и когти устроены так, чтобы шансы на выживание были максимальны. И когда мы изучаем мозг, мы опять-таки изучаем средство выживания (с. 196).

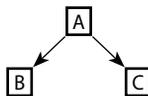
Есть ли в людях некий аналог ингибиторных механизмов, которых требует этот анализ? Вопрос звучит риторически, ибо мы знаем, что импульс удовлетворять инстинкты, разрушительные для других, контролируются частью нашей природы. Называемая совестью или «сверх-Я», эта ингибиторная система выполняет функцию контроля нерегулируемого проявления импульсов, имеющих происхождение в системе напряжения. Если наши автоматы начинают приобретать некоторые свойства и структуры, присущие людям, это не оттого, что люди создали эту модель,

а скорее в силу сходных проблем, возникающих при конструировании любой системы, в которой организмы поддерживают себя посредством сигналов внешней среды, но не разрушают себе подобных.

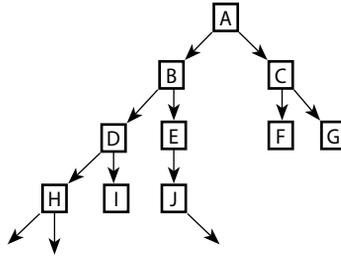
Таким образом, присутствие в человеке совести может рассматриваться как частный случай более общего принципа, согласно которому любой саморегулирующийся автомат должен обладать ингибитором, контролирующим его действия против себе подобных, ибо без такого ингибитора несколько автоматов не могут занимать общую территорию. Ингибитор фильтрует и контролирует действия, которые имеют свое происхождение во внутренних дисбалансах автомата. В случае с человеческим организмом — если использовать психоаналитическую терминологию — инстинктивные импульсы, имеющие свое происхождение в «оно», не транслируются немедленно в действие, а подвергаются ингибиторному контролю «сверх-Я». Можно заметить, что большинство мирных жителей не бьют, не калечат и не убивают друг друга в ходе повседневной жизни.

Иерархическое структурирование

Автоматы теперь действуют индивидуально, ограниченные лишь механизмом сдерживания от причинения вреда себе подобным. А если попытаться сделать так, чтобы несколько автоматов функционировали вместе? Возможно, для этого лучше всего создать внешний источник координации двух и более элементов. Контроль исходит из точки эмиссии к каждому автомату.

Еще более мощные социальные механизмы могут быть созданы, если каждый подчиненный элемент будет служить элементом высшего порядка для элементов уровнем ниже.

Эта диаграмма предполагает типичную пирамидальную форму, характерную для иерархической организации. Однако такая организация не может быть достигнута с автоматами, как мы их описали. Необходимо изменить внутреннее устройство каждого элемента. Следует отказаться от контроля на уровне каждого локального элемента в пользу контроля с более высокого уровня. *Ингибиторные механизмы, которые исключительно важны, когда индивидуальный элемент функционирует сам по себе, становятся вторичными по отношению к необходимости уступить контроль координирующему компоненту.*

Да и вообще всякий раз, когда элементы, действующие автономно, включаются в систему иерархической координации, необходимы изменения во внутренней структуре элементов. Эти изменения составляют требования системы и неизбежно включают подавление локального контроля в интересах когерентности системы. Последняя достигается, когда все части системы функционируют в гармонии и их цели не конфликтуют.

С эволюционной точки зрения, каждый автономно функционирующий элемент должен регулироваться так,

чтобы противостоять необузданному утолению собственных appetites. Такую функцию исполняет «сверх-Я», совесть или какой-либо аналогичный механизм, противопоставляющий бесконтрольному проявлению импульсов нравственные идеалы. Однако в иерархической структуре очень важно, чтобы механизмы сдерживания не вступали в конфликт с указаниями, поступающими с более высоких уровней. Поэтому, когда индивид действует *самостоятельно*, совесть играет большую роль. Но когда он действует как часть общей структуры, директивы, поступающие с более высокого уровня, не подвергаются внутренней нравственной критике. Регулируются и контролируются таким образом лишь импульсы, возникающие внутри индивида в автономной модели.

Иерархия состоит из модулей, а каждый модуль — из начальника и подчиненных (напр., А: В, С). В свою очередь каждый подчиненный может быть начальником для нижестоящих (напр., В: D, E), и вся структура может состоять из таких взаимосвязанных единиц. Психология подчинения не зависит от положения модуля в общей иерархии. Скажем, психологическое приспособление какого-нибудь послушного генерала вермахта Адольфу Гитлеру вполне сравнимо с подчинением рядового пехотинца своему командиру (и так по всей системе). Только психология верховного лидера требует другого набора каузальных принципов.

Вариабельность

Теперь проясним момент, который еще толком не проговаривали: взаимосвязь между вариабельностью и необходимостью в системной модификации. Там, где имеет место вариабельность, эффективного вписывания в более крупную систему можно достичь лишь через уступку контроля

координирующему компоненту. В противном случае более крупная система будет менее эффективна, чем средняя индивидуальная единица.

Возьмем ряд идентичных объектов, способных функционировать самостоятельно: скажем, пять электрических трамваев; они оборудованы системами управления, тормозящими трамвай при скорости 80 км/ч. Если вариативности между объектами нет, состав из пяти трамваев может двигаться со скоростью 80 км/ч. Но, допустим, вводится вариативность и автоматические регуляторы скорости тормозят вагоны при 15, 30, 45, 60 и 75 км/ч соответственно. Если трамваи соединены в общую систему, состав не поедет быстрее 15 км/ч.

Если социальная организация состоит из индивидов с разными представлениями об образе действий, когерентности можно достичь, лишь опираясь на наименьший общий знаменатель. Это наименее эффективная система, от которой мало проку ее членам. Таким образом, подавление контроля на уровне локальной единицы с уступкой компонентам более высокого уровня становится еще более важным, когда вариативность увеличивается. Вариативность, как давно объясняют нам теоретики эволюции, имеет колоссальную биологическую значимость. И для людей она очень характерна. Люди не похожи друг на друга, поэтому для того, чтобы извлекать пользу из иерархического структурирования, необходимы механизмы эффективного подавления локального контроля на уровне входа в иерархию. Тогда наименее эффективная единица не заблокирует работоспособность системы в целом.

Назовем несколько систем, которые функционируют через подавление локального контроля: когда самолет приближается к аэропорту, летчики уступают контроль диспетчеру, чтобы система посадки действовала скоординированно; военные подразделения уступают контроль

военачальнику, чтобы боевые действия происходили слаженно. Когда индивиды входят в ситуацию иерархического контроля, механизм, который обычно регулирует индивидуальные импульсы, подавляется и уступает место компоненту более высокого уровня. Фрейд (Freud, 1921), не упоминая о значении своих выводов для общих систем, высказался о таком механизме предельно ясно: «Индивид отказывается от своего идеала и заменяет его массовым идеалом, воплощающимся в вожде»*. Почему это происходит? Главная причина связана не с индивидуальными, а с организационными потребностями. Иерархические структуры могут функционировать лишь в том случае, если обладают качеством когерентности. А когерентность достигается лишь путем подавления контроля на локальном уровне.

Подытожим наши рассуждения. 1. Организованная социальная жизнь помогает выжить индивидам, которые составляют ее часть, а также группе. 2. Все поведенческие и психологические особенности, необходимые для развития способности к *организованной* социальной жизни, были сформированы в процессе эволюции. 3. С точки зрения кибернетики, для включения саморегулирующихся автоматов в слаженную иерархию необходимо подавление индивидуального руководства и контроля в пользу контроля со стороны компонентов более высокого уровня. 4. Иерархии могут функционировать, лишь тогда, когда происходит внутренняя модификация элементов, из которых они состоят. 5. Функциональным иерархиям в социальной жизни свойственна каждая из этих особенностей. 6. Когда индивиды вступают в такие иерархии, они неизбежно начинают функционировать иначе.

* Цит. по изд.: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». — М.: Современные проблемы, 1926. — *Прим. пер*

Этот анализ важен по одной-единственной причине: он помогает нам понять, какие изменения происходят, когда независимая единица становится частью системы. Такая трансформация абсолютно соответствует центральной дилемме нашего эксперимента: как получается, что достойный и вежливый человек начинает жестоко вести себя по отношению к другому в ходе эксперимента? А дело в том, что совесть, которая регулирует импульсивные агрессивные действия, вынужденно убывает в момент включения в иерархическую структуру.

Агентный сдвиг

Итак, чтобы элемент успешно встроился в иерархию, необходима его внутренняя модификация. В случае с самоуправляющимися автоматами это означает подавление локального контроля в пользу регуляции с более высокого уровня. Устройство такого автомата должно быть гибким, допуская два режима работы: автономный (самоуправляющийся) режим, когда автомат действует сам по себе и для удовлетворения собственных потребностей, и системный режим, когда автомат интегрирован в более крупную организационную структуру. Поведение автомата будет зависеть от того, в каком состоянии он находится.

Социальные организации и индивиды, участвующие в них, не свободны от требований системной интеграции. Но что в человеческой жизни соответствует переключению с автономного режима на системный? И каковы его последствия в человеческом плане? Для ответа на этот вопрос мы должны не ограничиваться общими рассуждениями, а рассмотреть человека, который переходит к функциональной роли в социальной иерархии.

Где в человеке мы находим переключатель, отвечающий за переход с автономного режима на системный?

Как и в случае с автоматами, происходит изменение во внутренних операциях, ведущее к сдвигам в модели функционирования нейронов. Химические ингибиторы и дисингибиторы меняют вероятность использования тех или иных нейронных путей и последовательностей. Охарактеризовать это явление на химико-нейронном уровне пока не получается, но есть феноменологическое выражение такого сдвига, которое нам вполне доступно. Ведь сдвиг в функционировании отражается в изменении позиции. А именно, человек, который вступает в систему, основанную на авторитете, уже не считает, что его действия обусловлены его собственными целями: он начинает рассматривать себя как орудие желаний другого человека. А как только поступки начинают оцениваться в таком свете, происходят глубокие изменения в поведении и внутреннем функционировании. Они столь ощутимы, что, по сути, измененный подход создает в человеке иное *состояние*, отличное от того, в котором он находился до того, как стал частью иерархии. Я называю его *агентным состоянием*: состоянием, при котором человек рассматривает себя как орудие исполнения чужих желаний. Оно противоположно *автономности*, когда человек считает, что действует по своему разумению.

Агентное состояние — это исходная позиция, определяющая наблюдаемое поведение. Перед нами не лишний термин, который будет лишь бременем для читателя, а краеугольный камень нашего анализа. Если он полезен, мы сможем увязать между собой лабораторные наблюдения. А если лишний, мы увидим, что он не добавляет логики нашим находкам. Для ясности обозначим еще раз наше понимание агентного состояния. Можно определить его и с кибернетической, и с феноменологической точки зрения.

Согласно кибернетическому анализу, агентное состояние возникает, когда саморегулирующаяся единица

претерпевает внутреннюю модификацию, чтобы функционировать в системе иерархического контроля.

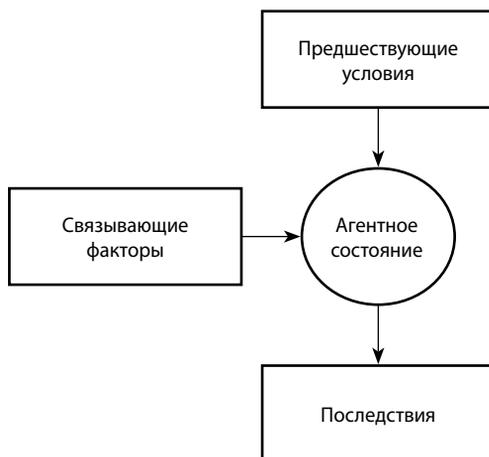
С субъективной точки зрения человек находится в агентном состоянии, когда его понимание своей роли в какой-то социальной ситуации создает возможность контроля над ним со стороны индивида с более высоким статусом. Он не берет на себя ответственность за свои поступки, а воспринимает себя как орудие исполнения чужих желаний.

Элемент свободного выбора оставляет за человеком право пойти по тому ли иному пути. Однако здесь задействованы мощные механизмы, предрасполагающие именно к такому поведению, и происходит почти необратимый сдвиг.

Поскольку агентное состояние — это преимущественно состояние ума, мне могут возразить, что этот сдвиг не есть *подлинное* изменение в состоянии человека. Однако, на мой взгляд, эти изменения эквивалентны изменениям в вышеупомянутой системе автоматов. Конечно, на нашем теле нет переключателей в буквальном смысле слова. И изменения осуществляются синаптически. Но от этого они не становятся менее реальными.

Процесс подчинения: анализ эксперимента

Итак, теперь, когда в центре нашего анализа агентное состояние (см. диаграмму), возникают следующие ключевые вопросы. Первый: при каких условиях человек переходит из автономного состояния в агентное? (Предшествующие условия.) Второй: какие поведенческие и психологические

особенности человека меняются, когда происходит такой сдвиг? (Последствия.) Третий: что удерживает человека в агентном состоянии? (Связывающие факторы.) Здесь важно разграничивать условия, вызвавшие определенное состояние, и те, что его поддерживают. Рассмотрим процесс подробнее.

Предшествующие условия подчинения

Вначале необходимо понять, какие факторы действовали на человека, прежде чем он стал участником нашего эксперимента. Какие факторы сформировали его базовую ориентацию в социальном мире и заложили основу для подчинения?

Семья

Испытуемый вырос среди структур авторитета. С первых лет жизни он находился под сильным влиянием родителей, прививавших ему уважение к старшим. Родительские наставления также служили источником нравственных императивов. Но когда родитель учит ребенка следовать тому или иному нравственному правилу, он делает две вещи. Во-первых, он предлагает определенную этическую норму, которой надлежит следовать. И во-вторых, учит ребенка подчиняться авторитетным распоряжениям как таковым. Допустим, говорят: «Не обижай маленьких». Это не один императив, а два. Во-первых, сказано, как именно подбаивает обращаться с младшими (прототипом всех слабых и невинных). Во-вторых, есть имплицитный императив: «И слушайся меня!» Таким образом, само зарождение нравственных идеалов неотделимо от внушения идеи повиновения. Более того, требование подчиняться — единственная константа в распоряжениях любого рода, и потому

часто обретает силу, способную перевесить любое нравственное содержание¹¹.

Институциональный контекст

Как только ребенок появляется из кокона семьи, он переходит в *институциональную систему, построенную на авторитете*, школу. Здесь он не только изучает те или иные предметы, но и учится функционировать в организационных рамках. Его действия в значительной степени регулируются учителями, но он догадывается, что и они должны соблюдать дисциплину и выполнять требования директора. Школьник замечает: заносчивость никому не сходит с рук и авторитет не скупится на замечания и упреки, а смирение — единственный приемлемый вариант и устраивает всех.

Первые 20 лет жизни люди функционируют как подчиненные элементы в системе, которая зиждется на авторитете. По окончании учебы юноши обычно идут либо на работу, либо в армию. На работе они узнают, что хотя не слишком явно выражаемое инакомыслие допустимо, с начальством лучше ладить, а для этого нужно подчиняться. При всех дозволенных свободах ситуация проста: он выполняет работу, порученную ему другим человеком.

Структуры авторитета есть во всех обществах, первобытных и современных. Однако для современного общества характерна еще одна особенность: людей учат ответственности перед *безличным* авторитетом. Подчинение авторитету у представителя народности ашанти, вероятно, выражено не меньше, чем у американского рабочего. Однако аборигены знают своих вождей в лицо. Современный же индустриальный мир заставляет людей подчиняться безличным авторитетам — абстрактному рангу, на который указывает атрибутика, униформа или звание.

Вознаграждения

Имея дело с авторитетом, человек сталкивается с системой вознаграждений: подчинение обычно поощряется, а неповиновение чаще всего наказуемо. Формы вознаграждения могут быть разными, но самая изобретательная состоит в следующем: работника повышают по иерархической лестнице, одновременно стимулируя его и закрепляя структуру. Такая награда (поощрение) приносит глубокое чувство эмоционального удовлетворения. Но ее особенность состоит в том, что она воспроизводит иерархическую форму.

В результате происходит *интернализация социального порядка*: усвоение аксиом, которые руководят социальной жизнью. Главная аксиома такова: делай, что скажет начальство. Мы усваиваем не только грамматические правила, научаясь понимать и строить фразы, но и аксиоматические правила социальной жизни, позволяющие нам выполнять социальные требования в новых ситуациях. В любой иерархии правил самое почетное место занимает то, которое требует подчинения авторитету.

Таким образом, к числу предшествующих условий относятся индивидуальный семейный опыт, общая социальная обстановка, построенная на безличных системах авторитета, и расширенный опыт со структурой вознаграждений, когда подчинение авторитету вознаграждается, а неподчинение наказывается. Тем не менее эти условия, хотя и помогают понять, в каком контексте формировались особенности поведения, находятся вне контроля экспериментатора и не запускают напрямую переход в агентное состояние. Поэтому обратимся к более непосредственным факторам, действующим в конкретной ситуации, которые вызывают агентное состояние.

Непосредственные предшествующие условия

Восприятие авторитета. Первое условие, необходимое для перехода в агентное состояние, — восприятие легитимности власти. С психологической точки зрения, авторитет — это человек, который в данной ситуации воспринимается как представитель социального контроля. Восприятие зависит от контекста и не обязательно сохраняется в любой ситуации. Например, если экспериментатор столкнется с испытуемым на улице, то не будет иметь на него особого влияния. Власть пилота над пассажирами не распространяется за пределы самолета. Авторитет принято признавать: в целом люди согласны, что некоторые ситуации предполагают, что кто-то должен осуществлять социальный контроль. При этом авторитет не обязательно обладает высоким статусом в смысле «престижа». Скажем, билетер в театре — источник социального контроля, которому мы обычно подчиняемся добровольно. Сила авторитета обусловлена не личными качествами, а его воспринимаемым положением в социальной структуре.

Вопрос о том, как авторитет заявляет о себе, казалось бы, не нуждается в особых комментариях. Мы всегда словно бы *знаем*, кто главный. Однако имеет смысл проанализировать поведение людей в лаборатории, чтобы лучше разобраться во всем этом.

Во-первых, испытуемый попадает в ситуацию с ожиданием, что *кто-то* будет отвечать за нее. И как только он знакомится с экспериментатором, последний заполняет эту нишу. Соответственно, ученому даже нет необходимости утверждать свой авторитет, достаточно лишь обозначить его. Несколько вступительных слов, ритуал знакомства — и испытуемый не сомневается, что, как он и ожидал, перед ним главный. Тем более что экспериментатор ведет себя уверенно, как и подобает представителю

власти. Ведь это слуге надлежит держаться почтительно, а господин всем своим видом демонстрирует доминантный статус.

Во-вторых, для того чтобы подчеркнуть авторитет в той или иной ситуации, часто используются внешние атрибуты. Наш экспериментатор был одет в серый халат, что связывало его с лабораторией. В повседневной жизни самые броские знаки отличия — полицейская, военная и другие униформы. В-третьих, испытуемый видел, что власть никто не оспаривал. На роль главного больше никто не претендовал, и это подтверждало догадку, что главный — именно экспериментатор. В-четвертых, никаких аномальных факторов не наблюдалось (к примеру, за ученого не выдавал себя какой-нибудь пятилетний ребенок).

Испытуемый реагирует на внешние признаки авторитета, а не на реальную власть. Если нет противоречивой информации или аномальных фактов, авторитету почти всегда бывает достаточно заявить о себе¹².

Вход в систему авторитета. Второе условие, провоцирующее переход в агентное состояние, состоит в том, что человек должен считать себя частью системы. Недостаточно просто воспринимать кого-то как абстрактный авторитет, его власть должна иметь к нам непосредственное отношение. Допустим, мы смотрим парад и слышим, как полковник командует: «Нале-во!» Мы не станем поворачиваться, поскольку не считаем его своим начальником. Всегда есть переход от момента, когда мы находимся вне системы авторитета, к моменту, когда мы находимся внутри нее. Системы авторитета часто ограничиваются физическим контекстом, и обычно мы попадаем под влияние авторитета, когда физически оказываемся в его владениях. В нашем эксперименте подчиняемость испытуемых была во многом обусловлена тем, что он проводился

в лаборатории. У людей возникало ощущение, что это пространство «принадлежит» экспериментатору, а значит, вести себя надо соответственно, так, словно находишься в гостях. А если бы опыт ставили вне стен лаборатории, подчиняемость резко упала бы¹³.

Еще более важный факт: испытуемые вступали во владения авторитета *добровольно*. В психологическом плане добровольность создает чувство долга и ответственности, которое затем мешает испытуемому прервать свое участие.

Если бы испытуемым навязали эксперимент, они могли бы уступить давлению, но здесь бы работали иные психологические механизмы. Как правило, по мере возможности общество старается создать у людей ощущение добровольности участия в своих институтах. Приходя в армию по призыву, новобранцы дают воинскую присягу, но добровольцев предпочитают призывникам. Да, люди уступают под давлением социального контроля (как в случае, когда на них направлен пистолет), однако характер такого подчинения предполагает постоянный надзор. Как только человек с пистолетом уйдет или утратит способность налагать санкции, подчинению конец. В случае же с добровольным послушанием законному авторитету основные санкции за неповиновение исходят от самого человека. Они не связаны с принуждением, а проистекают из внутреннего чувства долга. В данном случае *подчинение имеет не только внешнюю, но и внутреннюю основу*.

Координация приказов с функцией авторитета. Авторитет есть воспринимаемый источник социального контроля в том или ином контексте. Контекст определяет круг распоряжений, которые считаются уместными со стороны авторитета. В целом должна присутствовать разумная связь между функцией руководителя и характером его приказов.

Эта связь необязательно оговаривается, но она должна иметь смысл с точки зрения житейских представлений. Скажем, на войне капитан может приказать солдату выполнить очень опасное задание, но не вправе приказать ему обнять свою подругу. В одном случае приказ логически связан с общей функцией военного командира, а в другом не связан¹⁴.

Возьмем наш эксперимент. Испытуемый думает, что проводится опыт по изучению обучаемости, а потому указания ученого считает согласующимися с его ролью. В контексте лаборатории такие команды воспринимаются в целом как уместные, пусть даже у кого-то происходящее может вызывать много вопросов.

Поскольку экспериментатор отдает приказы в ситуации, о которой, как предполагается, кое-что знает, его власть возрастает. Вообще принято считать, что облеченные властью люди знают больше, чем те, кем они командуют. Даже если это не соответствует действительности, таковы правила игры. И даже если подчиненный обладает большими техническими знаниями, чем начальник, он не может присвоить командные функции, а должен лишь изложить свои соображения руководителю, чтобы тот затем распорядился ими, как пожелает. Один из типичных конфликтов в системах власти возникает в ситуации, когда начальник некомпетентен до такой степени, что ставит подчиненных под угрозу¹⁵.

Всеобъемлющая идеология. Для перехода в агентное состояние необходимо ощущение легитимного источника социального контроля в определенной социальной ситуации. Однако легитимность самой ситуации обусловлена ее привязкой к оправдывающей идеологии. Когда испытуемый входит в лабораторию и узнает условия опыта, он не восклицает удивленно: «Это что за наука такая?»

Никогда не слышал о ней». В этих условиях идея науки и ее приятие в качестве легитимного социального занятия обеспечивает всеобъемлющее идеологическое оправдание эксперименту. Такие институты, как бизнес, церковь, правительство и система образования представляют собой другие легитимные сферы деятельности. Каждая из них оправдывается ценностями и потребностями общества. И каждая принимается обычным гражданином, как часть мира, в котором он родился и вырос. Подчинения можно добиться и за пределами таких институтов, но тогда оно не будет добровольным. У человека не будет ощущения, что он ведет себя как надо. Более того, если бы наш опыт проводился в совершенно иной культуре — скажем, среди тробрианцев, — потребовалось бы найти функциональный эквивалент науки, чтобы получить сравнимые с точки зрения психологии результаты. Тробрианец может не верить в науку, но он уважает колдунов. Испанскому инквизитору XVI века наука, возможно, была бы чужда, зато близка идеология церкви — и во имя ее защиты он заворачивал бы винт на дыбе без малейших угрызений совести.

Идеологическое оправдание абсолютно необходимо для обеспечения *добровольного* подчинения, ибо тогда человек полагает, что его поступки служат достойным целям. Только так можно добиться охотного подчинения.

Таким образом, система авторитета состоит минимум из двух человек, считающих, что один из них имеет право отдавать распоряжения другому. В нашем исследовании экспериментатор — ключевой элемент в системе, которая выходит за пределы его личности. Эта система включает обстановку эксперимента, впечатляющие лабораторные приборы, внушающие испытуемому чувство долга; таинственную ауру науки, витающую вокруг эксперимента, и обширные институциональные соглашения — то есть широкую общественную поддержку, которая подразумевается

самим фактом, что эксперимент происходит в цивилизованном городе.

Экспериментатор обретает способность влиять на поведение испытуемого не силой и угрозами, а самим положением, которое занимает в социальной структуре. Существует общее понимание не только того, что он *может* влиять на поведение, но и *должен* иметь такую возможность. Таким образом, свою власть он осуществляет до некоторой степени с согласия своих подопечных. Но после того, как согласие изначально получено, отказаться от него очень непросто.

Агентное состояние

Каковы особенности агентного состояния и его последствия для испытуемого?

Оказавшись в агентном состоянии, человек перестает быть самим собой. Он обретает качества, которые обычно ему не свойственны.

Прежде всего все действия испытуемого завязаны на его отношения с экспериментатором. Обычно испытуемый желает произвести хорошее впечатление на эту центральную фигуру и не ударить лицом в грязь. Он внимательно слушает команды, концентрируется на том, как переключать рубильник, и вообще на технической стороне дела. Наказание «ученика» становится частностью и второстепенной деталью в сложной лабораторной ситуации.

Настройка

Люди, не знакомые с экспериментом, могут счесть, что основная трудность испытуемого — противоположные желания «ученика» и экспериментатора. Однако на самом деле в испытуемом происходит процесс настройки, в результате

которой он становится очень восприимчивым к эманациям, исходящим от авторитета, тогда как сигналы, исходящие от «ученика», психологически ощущаются как приглушенные и далекие. Кто думает, что так не бывает, пусть понаблюдает за поведением людей в иерархической структуре. Взять хотя бы встречу президента компании с подчиненными. Последние ловят каждое слово президента. Идеи, первоначально высказанные лицами с низким статусом, зачастую пропускаются мимо ушей, но стоит их же повторить президенту, как возникает великий энтузиазм.

В этом нет ничего особенно худого: естественная реакция на авторитет. А если копнуть глубже, станет видна причина: авторитет в силу своего статуса находится в оптимальном положении, чтобы награждать и наказывать. Начальник может уволить и повысить в должности; командир может послать в опасный бой или поручить легкую работу. Патриарх племени дает согласие на брак, но он же велит казнить. Значит, всячески подстраиваться под капризы начальства — весьма благоразумно.

Поэтому авторитетное лицо обычно рассматривается как нечто большее, чем индивид. Рядовой человек часто видит в авторитете безличную силу, чьи указания — это не просто человеческие желания. Власть имущие для некоторых людей обретают сверхчеловеческие качества.

Феномен настройки в нашем эксперименте встречается с поразительной регулярностью. По большому счету, испытуемый не настроен на «ученика»: над его мыслями и чувствами господствует экспериментатор. Многие испытуемые воспринимают «ученика» лишь как досадную помеху в установлении нормальных отношений с экспериментатором. Мольбы о пощаде имеют только один эффект: создают дискомфорт при выполнении задания, без которого не снискать одобрения центральной эмоциональной фигуры.

Переосмысление ситуации

Поставьте под контроль то, как человек интерпретирует свой мир, — и вы сделаете значительный шаг к контролю над его поведением. Вот почему идеология — попытка интерпретировать состояние человека — важная составляющая революций, войн и других обстоятельств, в которых от людей требуют совершить некое экстраординарное действие. Правительства не жалеют денег на пропаганду, официальную интерпретацию событий.

Каждая ситуация также обладает своего рода идеологией, которую мы называем определением ситуации: это интерпретация ее смысла. Именно в ее свете все элементы ситуации обретают логику. Поступок, который будет выглядеть злодейством с одной точки зрения, покажется вполне обоснованным с другой точки зрения. Вообще *люди склонны принимать определения действий, предлагаемые легитимным авторитетом*. Таким образом, хотя испытуемый совершает действие сам, определение его смысла он предоставляет авторитету.

Эта идеологическая капитуляция перед авторитетом и составляет главную когнитивную основу подчинения. В конце концов, если мир или обстоятельства такие, какими их представляет авторитет, то они и диктуют логику событий.

Таким образом, отношения между авторитетом и испытуемым нельзя рассматривать как навязывание своей воли упирающемуся индивиду. Поскольку испытуемый принимает определение ситуации, предлагаемое авторитетом, действия совершаются добровольно.

Потеря ответственности

Самое серьезное последствие агентного состояния состоит в том, что человек ощущает ответственность перед

авторитетом, но не ощущает ответственности за характер *поступков*, совершаемых по указанию свыше. Мораль не исчезает, а лишь обретает иную направленность: подчиненный испытывает стыд или гордость в зависимости от того, насколько точно выполнил распоряжения авторитета.

Такой тип морали обозначают разными словами: *лояльность, долг, дисциплина*... Все они насыщены нравственным смыслом и указывают на степень, в которой человек выполняет свои обязанности перед авторитетом. Эти понятия говорят не о том, насколько человек «хорош», а о том, насколько успешно он как подчиненный играет свою социально заданную роль. Люди, которые совершили злодейство по приказу властей, впоследствии чаще всего оправдывают себя тем, что «выполняли свой долг». И это не отговорка, выдуманная задним числом, а честное объяснение: именно такая психология и подвигла человека подчиниться указанию.

Чтобы человек ощущал ответственность за свои поступки, он должен ощущать, что эти поступки проистекают из его «Я». В нашем эксперименте дело обстояло противоположным образом: испытуемые считали, что их «Я» тут ни при чем. Впоследствии они часто говорили: «Будь моя воля, я бы не применял электрошок против “ученика”».

Супер-эго осуществляет переход от оценки того, насколько поступки хороши или плохи, к оценке того, насколько хорошо или плохо человек функционирует в системе авторитета¹⁶. Поскольку ингибиторные механизмы, которые мешают индивиду причинять вред себе подобным, блокируются, действия уже не контролируются совестью.

Возьмем человека, который в обычной жизни добр и мягок. Даже в минуты гнева он не способен ударить обидчика. Мысль о необходимости отшлепать непослушного ребенка ему неприятна; у него просто рука не поднимается, и он отказывается. Но когда его призывают на военную службу

и приказывают бомбить людей, он выполняет приказ. Ведь это действие проистекает не из его собственной системы мотивации, а значит, не контролируется сдерживающими внутренними психологическими механизмами. Взрослея, нормальный человек научается обуздывать проявления агрессивных импульсов. Однако наша культура почти не прививает внутренний контроль над теми действиями, которые имеют свое происхождение в авторитете. По этой причине последний представляет значительно бóльшую опасность для человеческого выживания¹⁷.

Представление о себе

Людам важно выглядеть хорошо не только в чужих глазах, но и в собственных. Идеальное «Я» может быть одним из важных источников внутренней ингибиторной регуляции. Испытывая соблазн совершить жестокость, человек может подумать о том, что после этого будет хуже о себе думать, — и воздержится от жестокости. Однако в агентном состоянии этот оценочный механизм не работает. Поскольку действия индивида уже не проистекают из его собственных мотивов, они не влияют на его мнение о самом себе. Более того, зачастую индивид распознает конфликт между своими желаниями и тем, что от него требуется. Совершая действие, он все же считает его чуждым своей природе. Поэтому он может не ощущать вины даже за самые бесчеловечные действия, исполненные по приказу. За подтверждением же своих достоинств он обращается к авторитету.

Приказы и агентное состояние

Агентное состояние — это потенциал, из которого проистекают конкретные акты подчинения. Однако потенциала недостаточно: требуются конкретные команды,

выступающие в роли спускового механизма. Как мы уже отмечали, в целом приказы должны соотноситься с ролью авторитета. Приказ состоит из двух основных частей: определения действия и требования выполнить его. (А вот в просьбе есть лишь определение действия, но нет настоятельного требования выполнить его.)

Приказы ведут к конкретным актам подчинения. Но может быть, агентное состояние — лишь очередной синоним подчинения? Нет, это состояние ума, которое увеличивает вероятность подчинения. Подчинение же — поведенческий аспект данного состояния. Человек может пребывать в агентном состоянии — то есть быть открытым для контроля со стороны авторитета, — но в отсутствие команды не иметь необходимости подчиняться.

Связывающие факторы

Допустим, человек вошел в агентное состояние. Что удерживает его в нем? Какие бы элементы ни выстраивались в иерархию, должны быть силы, сохраняющие их взаимоотношения. В противном случае малейшая пертурбация вызвала бы дезинтеграцию структуры. Значит, после включения людей в социальную иерархию должен быть цементирующий механизм, который обеспечит структуре хотя бы минимальную стабильность.

Некоторые думают, что в экспериментальной ситуации испытуемый может рационально взвесить конфликтующие ценности, чуть ли не математически определить наиболее весому и повести себя соответственно. Тем самым проблема испытуемого сводится к рациональному суждению. Однако такой подход игнорирует один из важных аспектов поведения, выявленный экспериментами. Хотя многие испытуемые приходят к мысли, что нельзя

больше наносить «ученику» удары током, — зачастую у них не получается претворить свое убеждение в действие. Глядя на них в лаборатории, нельзя не почувствовать их мучительные попытки высвободиться из-под влияния авторитета, — но некие сильные узы удерживают их за генератором. Один испытуемый говорил экспериментатору: «Он не может этого вынести. Это его доконает. Слышите, как он кричит? Он кричит! Он не может этого вынести». То есть испытуемый сам говорит, что продолжать не надо, но по-прежнему слушается экспериментатора. Многие испытуемые делают робкие шаги к неподчинению, но им словно мешает какая-то цепь. Стало быть, надо рассмотреть силы, которые удерживают испытуемого в отведенной ему роли.

Для начала зададим себе вопрос: через что должен пройти испытуемый, если захочет сказать «нет»? Через какие психологические препоны должен он прорваться, чтобы покинуть свое место за генератором и встать в позу неподчинения?

Повторяющийся характер действия

Лабораторный час — это последовательный процесс, в котором каждое действие влияет на последующее. Акт подчинения персеверативен; после первоначальных инструкций экспериментатор требует от испытуемого не делать ничего нового, а лишь продолжать прежние действия. Повторяющийся характер действия, требуемого от испытуемого, становится важным связывающим фактором. Ведь причиняя «ученику» все более и более болезненные удары током, испытуемый пытается оправдать те, что уже сделал. Одна из форм оправдания состоит в том, чтобы дойти до конца. Ведь если он откажется от участия, ему придется сказать себе: «Все, что я делал до сих пор, очень плохо.

И я должен признать это, сказав “нет”». А если он продолжит, то не распишется в своей ошибке. Прежние действия создают дискомфорт, который нейтрализуется последующими действиями¹⁸. Шаг за шагом испытуемый втягивается в разрушительные действия.

Ситуационные обязательства

Во всех социальных ситуациях есть свой ситуационный этикет. Он тоже регулирует поведение. Чтобы отказаться от участия, испытуемый должен нарушить ряд имплицитных договоренностей, которые составляют часть ситуации. Ведь изначально он пообещал помогать экспериментатору и тем самым взял на себя определенную ответственность. Хотя для аутсайдера акт неподчинения обусловлен нравственными принципами, для испытуемого он означает нарушение взятого на себя обязательства. А нарушить его вовсе не легко.

Но у этого вопроса есть еще одна сторона.

Гофман отмечает, что почти каждая социальная ситуация строится на рабочем консенсусе участников (Goffman, 1959). Одна из его основных предпосылок состоит в следующем: после того как ситуация определена и согласована с участниками, дальнейшие возражения неуместны. Более того, нарушение принятого определения одним из участников имеет характер нравственного проступка. Открытый конфликт относительно определения ситуации ни при каких обстоятельствах не совместим с вежливым социальным диалогом.

Более того, по Гофману, «общество построено по тому принципу, что любой индивид, обладающий определенными социальными характеристиками, имеет моральное право ожидать, что окружающие будут ценить его и относиться соответственно... Когда индивид дает определение

ситуации, а затем прямо или косвенно обозначает себя как человека определенного рода, он автоматически выдвигает моральные требования к окружающим, обязывая их ценить его и обращаться с ним таким образом, какого вправе ожидать люди подобного рода» (с. 185). Поскольку отказ слушаться экспериментатора означает отказ считать его компетентным и руководящим лицом в данной ситуации, то, следовательно, это идет в разрез с социальными правилами.

Наш эксперимент выстроен таким образом, что у испытуемого нет возможности отказаться наносить удары током, не посягнув при этом на самоопределение экспериментатора. «Учитель» не может сказать «нет» и в то же время защитить представление авторитета о собственной компетентности. Поэтому испытуемый боится, что, если он не послушается, его поведение покажется наглым, неуместным и грубым. Казалось бы, это ерунда в сравнении с жестокостью, совершаемой по отношению к «ученику». Однако эти эмоции всерьез мешают испытуемому проявить неподчинение. Они завладевают его разумом и чувствами, и ему тяжела мысль о том, чтобы в лицо авторитету заявить, что он его не признает. Сама идея дать отпор руководителю эксперимента, нарушив порядок четко определенной социальной ситуации, смущает многих людей настолько, что они не осмеливаются посмотреть правде в лицо¹⁹. Пытаясь избежать неловкости, многие испытуемые находят подчинение менее болезненной альтернативой.

В обыденных социальных ситуациях зачастую принимаются меры предосторожности, чтобы не случилось подобного нарушения общественного порядка. Но испытуемый оказывается в положении, где отказ, сколь бы тактичным он ни был, не спасет экспериментатора от дискредитации. Статус и достоинство экспериментатора можно сохранить

лишь подчинением. Интересно, что среди факторов, сдерживающих неподчинение испытуемого, — сострадание к экспериментатору, нежелание «задеть» его чувства. Непочтительность может быть болезненна не только для авторитета, но и для самого испытуемого. Тем, кто считает, что все это ерунда, предлагаю провести следующий опыт. Он поможет ощутить на себе силу, удерживающую испытуемого от решительного шага.

Выберите человека, которого глубоко уважаете, желательно старше вас как минимум на поколение, имеющего авторитет в важной для вас области. Скажем, уважаемый профессор или священник. (При некоторых обстоятельствах возможен и родитель.) И пусть это будет человек, к которому вы обращаетесь с использованием титула (например, профессор Парсонс, отец Павел, доктор Чарльз Браун). Здесь должны ощущаться дистанция и достоинство, подходящие подлинному авторитету. Чтобы понять, каково это — нарушить этикет взаимоотношений с авторитетом, — вы должны при встрече с этим человеком обратиться к нему не по титулу (доктор, профессор, отец), а по имени (возможно, даже в уменьшительной форме). Например, доктор Браун услышит от вас: «Доброе утро, Чарли!»

Приближаясь к нему, вы ощутите беспокойство и мощное внутреннее сопротивление, которое вполне может помешать успешному ходу опыта. Возможно, вы скажете себе: «Что за глупости? Доктор Браун всегда хорошо относился ко мне. А что он подумает после такого приветствия? И с какой стати мне вести себя столь нагло?»

Скорее всего, из затеи ничего не выйдет, но попытка поможет лучше понять, что ощущали наши испытуемые

Социальные события — элементы, из которых выстраивается общество — пронизаны ситуационным контекстом, когда каждый человек уважает определение ситуации,

данное кем-то другим, и тем самым избегает конфликта, смущения и нарушения общения. Самый базовый элемент этикета касается не *содержания* того, что происходит между людьми, а сохранения структурных связей между ними. Отношения могут быть как равными, так и иерархичными. При наличии иерархии любая попытка изменить заданную структуру будет восприниматься как нравственное прегрешение и создавать тревогу, стыд, смущение²⁰, а также снижать самоуважение²¹.

Тревога

Страхи, переживаемые испытуемым, обычно связаны с будущим: человек боится неизвестности. Такие туманные опасения называются *тревогой*.

Каков источник тревоги? Она проистекает из долгой истории индивидуальной социализации. Превращаясь из биологического существа в цивилизованную личность, человек усваивал базовые нормы социальной жизни. Самая базовая из норм — уважение к авторитету. Эти правила внутренне подкрепляются посредством связи их возможного нарушения с деструктивными и опасными для эго последствиями. Эмоциональные проявления, наблюдавшиеся нами в лаборатории, — дрожь, тревожный смех, сильное смущение — свидетельства нарушения правил. Когда испытуемый осознает этот конфликт, в нем возникает тревога, сигнализируя ему о необходимости воздержаться от запретного действия и создавая тем самым эмоциональный барьер, который надо преодолеть, чтобы отказать авторитету.

Примечательно, что как только «лед сломан» и неподчинение состоялось, практически всякое напряжение, тревога и страх исчезают.

Напряжение и неподчинение

Испытуемые отказываются подчиняться. Почему? Первая мысль: они делают это, поскольку наносить жертве удары током безнравственно. Однако такое объяснение недостаточно. Ведь бить током беспомощного человека аморально при любом раскладе — независимо от того, находится он далеко или близко, — но мы видели, что простое изменение в пространственных взаимосвязях существенно меняет число людей, выказавших неповиновение. Скорее, есть некая более общая форма напряжения, она-то и толкает испытуемого на путь неподчинения. И мы должны понять, что означает напряжение — и с человеческой точки зрения, и в контексте теоретической модели, которой руководствовался наш анализ.

Теоретически напряжение может возникать всякий раз, когда единица, способная функционировать автономно, встраивается в иерархию. Ведь автономная единица устроена совершенно иначе, чем компонент, предназначенный исключительно для системного функционирования. Люди могут функционировать как самостоятельно, так и через усвоение ролей, встраивание в систему. Однако сам факт

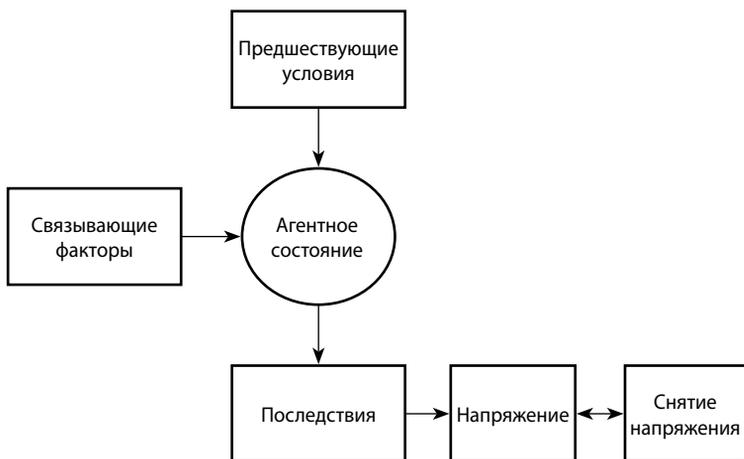
двойной способности требует некоего конструктивного компромисса. Мы не подходим ни для полной автономии, ни для абсолютного подчинения.

Любая сложная сущность, способная функционировать как автономно, так и в рамках иерархических систем, должна располагать механизмами для снятия напряжения: в противном случае неминуем быстрый коллапс. Поэтому добавим последний штрих к нашей модели. Он связан именно со снятием напряжения. Поведенческие процессы, наблюдавшиеся нами, можно выразить в виде формулы:

$$П; С > (н - м)$$

$$Н; С < (н - м)$$

Где П — подчинение, Н — неподчинение, С — связывающие факторы, н — напряжение, м — механизмы, снимающие напряжение. Подчинение возникает, когда связывающие факторы превышают итоговое напряжение (т. е. напряжение, снижаемое механизмами). Неподчинение

возникает, когда итоговое напряжение превышает силу связывающих факторов.

Напряжение

Наличие напряжения у наших испытуемых показывает не силу авторитета, а его слабость, что обращает наше внимание на один из важнейших аспектов эксперимента: у некоторых испытуемых переход к агентному состоянию носит частичный характер.

Если бы включение индивида в систему авторитета было полным, он исполнял бы команды — даже самые жестокие — без малейшего напряжения. Ведь тогда он рассматривал бы требуемые действия лишь в свете смыслов, навязанных авторитетом, а потому не видел бы в них проблемы. Каждый признак внутреннего конфликта — свидетельство неспособности авторитета полностью привести испытуемого в агентное состояние. Система авторитета, действующая у нас в лаборатории, менее всеохватна, чем могущественные системы, сложившиеся в тоталитарных структурах Сталина и Гитлера, где граждане превратились в «винтики» гигантского механизма. Остатки самости, уцелевшие вне авторитета экспериментатора, поддерживают в испытуемом личные ценности и создают внутренний конфликт, который, если становится достаточно сильным, ведет к неподчинению. В этом смысле агентное состояние, создаваемое в лаборатории, подвержено помехам, — как спящего может потревожить громкий шум. (Во время сна способность человека видеть и слышать резко снижается, но сильные раздражители способны его разбудить. Аналогичным образом в агентном состоянии не слышен голос морали, но сильный шок может всколыхнуть ее.) Состояние, создаваемое в лаборатории, можно уподобить легкой дремоте в сравнении с глубоким сном под воздействием систем авторитета национальных правительств.

Источники напряжения

Источники напряжения в эксперименте — разные: от обычного отвращения перед насилием над другим человеком до изощренных попыток просчитать юридические последствия.

1. Крики «ученика» сильно подействовали на многих участников, которые реагировали непосредственно, живо и спонтанно. Такие реакции могут отражать врожденные механизмы, сопоставимые с тем, как человека передергивает от скрежета мела по стеклу. Постольку, поскольку участник, подчиняясь, открывается этим стимулам, возникает напряжение.
2. Делая больно невинному человеку, испытуемый попирает свои нравственные и социальные ценности. У некоторых это глубокие убеждения, у других — знание норм поведения, принятых в обществе.
3. Еще один источник напряжения — скрытая ответная угроза, которой подспудно опасаются испытуемые. У кого-то может возникнуть мысль, что «ученик» им этого не забудет и после эксперимента отомстит. Другие в какой-то степени ощущают себя в положении «ученика», пусть даже в самой процедуре нет ничего, что говорило бы о такой перспективе. Иные боятся, что будут нести юридическую ответственность: вдруг «ученик» подаст на них в суд? Все эти формы воздаяния, потенциально реальные или вымышленные, порождают напряжение.
4. Испытуемый получает указания не только от экспериментатора, но и от «ученика». «Ученик» же требует прекратить опыт. Эти требования несовместимы с командами экспериментатора. Даже если бы испытуемый был полностью послушным, отвечая

на требования ситуации, и не имел никаких личных ценностей, напряжение было бы неизбежно. Ведь он одновременно получает противоположные указания.

5. Наказание жертвы электрошоком несовместимо с представлением многих испытуемых о самих себе. Безжалостность, насилие над себе подобным — не такими они себя видят! Но именно это и делают. Одно с другим не вяжется, что существенно способствует напряжению.

Напряжение и буферы

Все, что психологически ослабляет ощущение связи между действиями испытуемых и последствиями этих действий, снижает и уровень напряжения. Все, что разрушает и размывает чувство «*Я делаю человеку больно*», — облегчает действие. Таким образом, создание физической дистанции между испытуемым и жертвой, когда вопли жертвы приглушаются, смягчает конфликт. Сам генератор тока — важный буфер, точный и внушительный инструмент, который разрывает связь между легкостью переключения любого из 30 рубильников, и силой воздействия на жертву. В переключении рубильника есть нечто точное, научное и безличное. Если бы испытуемых попросили ударить жертву рукой, им было бы сложнее это сделать. Для человеческого выживания нет ничего опаснее, чем злонамеренный авторитет в сочетании с дегуманизирующим действием буферов. Здесь много с виду нелогичного. Убить 10 000 человек — большее зло, чем убить одного человека камнем. Однако в психологическом плане последнее намного сложнее. Дистанция, время и психологический барьер нейтрализуют нравственное чувство. При обстреле города с корабля или сбросе напалмовой

бомбы с самолета, который летит на высоте 6000 метров, ингибиторные механизмы почти не действуют. Нажать кнопку, способную вызвать Армагеддон, эмоционально не сложнее, чем вызвать лифт. Технология усилила волю человека, предоставив ему средства уничтожения с дальнего расстояния, но у эволюции не было возможностей создать ингибиторы против этих дистанционных форм агрессии, под стать тем многочисленным и мощным ингибиторам, которые действуют в столкновениях лицом к лицу²².

Снятие напряжения

Каковы механизмы снятия напряжения?

Неподчинение — крайняя мера, с помощью которой можно снять напряжение. Однако не всем она по плечу: слишком сильны связывающие факторы. Зачастую испытуемые считают, что неподчинение — это уже чересчур и лучше испробовать менее радикальные способы. Как только появляется напряжение, начинают действовать психологические механизмы, снижающие его силу. Это и неудивительно, если учесть интеллектуальную гибкость человеческого мозга и его способность уменьшать напряжение через когнитивные адаптации.

Избегание — самый примитивный из таких механизмов: испытуемый отгораживается от сенсорных последствий своих поступков. Мы уже описывали, как испытуемые неловко вертели головой, чтобы только не глядеть на жертву. Некоторые подчеркнуто громко зачитывали слова, отгораживаясь от протестов жертвы. Эти испытуемые не позволяли стимулам, связанным со страданиями жертвы, вторгаться в их мир. Менее заметная форма избегания состоит в том, чтобы отвлечь внимание от жертвы. Зачастую это сопровождается сознательным

ограничением внимания и сосредоточением на деталях экспериментальной процедуры. Тем самым психологически жертва не воспринимается как источник дискомфорта. Испытуемый ведет себя как мелкий клерк, который деловито перекладывает бумаги и толком не замечает, что происходит вокруг.

Если избегание заслоняет испытуемых от неприятных событий, *отрицание* снижает внутренний конфликт через иной интеллектуальный механизм: факты отвергаются во имя более утешительной интерпретации событий. Очевидцы нацистской эпохи (вспомним «Просвещенное сердце» Беттельгейма) отмечают, сколь повальным было отрицание и среди жертв, и среди гонителей. Даже перед лицом близкой гибели евреи не могли признать ясные и несомненные доказательства массовых убийств. И даже в наши дни миллионы немцев отрицают, что их правительство осуществляло массовые убийства невинных людей.

В нашем эксперименте некоторые испытуемые внушали себе, что удары током не болезненны и даже что жертва не страдает. Это снимало напряжение, связанное с подчинением экспериментатору, и устраняло конфликт между подчинением и насилием. Однако лабораторная драма была убедительной, и лишь немногие из участников действовали на основании этой гипотезы (см. главу 14). (И даже в этом случае не все было гладко: скажем, испытуемый, отрицавший болезненность ударов, отказывался испытать более сильный удар на себе.) Чаще всего послушные испытуемые отрицали не события, а собственную ответственность за них.

Некоторые пытаются снизить внутреннее напряжение и в то же время соблюдать правила, продиктованные авторитетом, выполняя его распоряжения лишь отчасти. Ведь длительность воздействия электрошока может быть разной

и находится под контролем «наивного испытуемого». Как правило, испытуемый активируют генератор тока на период в 500 миллисекунд, но некоторые уменьшают время в десять раз. Они лишь слегка касаются рубильника, так что вместо полусекундного жужжания слышен короткий щелчок. В ходе последующего интервью они подчеркивают, что «пытались быть гуманными», сокращая удары до минимума. Такое решение внутреннего конфликта дается легче, чем неподчинение. Оставаясь в рамках жесткой системы, человек все же проявляет максимум милосердия. Конечно, здесь есть доля самообмана. Авторитет сохраняет свои позиции. Это не вызов, а робкий писк, бальзам для совести.

Потенциально более высокую значимость имеют уловки, с помощью которых испытуемые иногда пытаются облегчить положение «ученика»: скажем, намекают на правильный ответ, выделяя интонацией нужное слово. Дают подсказку, которая способна предотвратить наказание. Это уже не совсем по правилам, хотя и не прямой отказ. Люди хотят помочь «ученику», не демонстрируя открытое непослушание. «Ученик» не замечает подсказок, но в ходе постэкспериментального интервью может услышать от такого «учителя», что тот пытался его выручить.

Иногда испытуемые заходили достаточно далеко: скажем, в эксперименте 7 наносили «ученику» менее сильные удары, чем те, о которых сообщили ученому. Однако чаще такие хитрости ничего не давали. Человек не способен претворить свои гуманные чувства в действие, ограничиваясь жалкой уловкой, которая не имеет реального значения, а лишь помогает сохранить достоинство в собственных глазах.

Как мы уже говорили, попытка избежать личной ответственности — главное психологическое последствие подчинения авторитету. Когда возникает внутреннее

напряжение, некоторые испытуемые ищут дальнейших заверений в том, что не будут нести ответственность. Они могут делать активные усилия в этом направлении, чтобы избавиться от внутреннего конфликта. Показателен следующий диалог между экспериментатором и испытуемым. Преодолевая колоссальный стресс, последний все же дошел до 375 вольт.

ИСПЫТУЕМЫЙ: По-моему, с этим человеком что-то случилось.

Ответов-то нет. Он кричал, даже когда было меньше вольт. Может, вы пойдете и проверите, как он там? Пожалуйста.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР (*с прежней невозмутимостью*): После начала эксперимента это невозможно. Пожалуйста, «учитель», продолжайте.

ИСПЫТУЕМЫЙ (*садится и тяжело вздыхает*): «Холодный — день, полумрак, источник, рисунок». Отвечайте, пожалуйста. С вами все в порядке? Все в порядке?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Пожалуйста, «учитель», продолжайте. Пожалуйста, продолжайте.

(*Испытуемый переключает рубильник.*)

ИСПЫТУЕМЫЙ (*поворачиваясь в кресле*): С этим человеком что-то случилось. (*Поворачивается обратно.*) Дальше. «Низкий — доллар, хомут, месяц, рисунок». (*Снова поворачивается.*) С этим человеком что-то случилось. Сэр, вам бы лучше проверить. Он не отвечает, и вообще ничего не слышно.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Продолжайте. Продолжайте, пожалуйста.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Вы берете на себя всю ответственность?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Ответственность лежит на мне. Правильно. Пожалуйста, продолжайте.

(*Испытуемый возвращается к списку и начинает зачитывать слова так быстро, как только может. Доходит до 450 вольт.*)

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ну вот.

Как только ученый заверил испытуемого, что тот не будет нести ответственность за свои действия, испытуемый стал заметно спокойнее.

Иногда ответственность снимается другими способами: скажем, испытуемый перекладывает ее на жертву. Дескать, сам напросился, да и вообще нечего было соглашаться на участие. Или даже так: сам виноват, что такой глупый и забывчивый. Это уже даже не перекладывание ответственности, а необоснованное осуждение жертвы. Психологический механизм очевиден: стоит ли волноваться, что делаешь больно недостойному человеку?²³

Физическая конверсия

В психиатрической практике часто наблюдается переход психологического стресса в физические симптомы. Как правило, психологическое состояние пациента улучшается, когда психический стресс поглощается физическими симптомами. В нашем эксперименте мы наблюдали многочисленные признаки стресса: пот, дрожь, иногда нервный смех. Такие физические проявления не только указывают на наличие напряжения, но и снимают его. Напряжение уже не приводит к неподчинению, а выливается в физические симптомы, которые его уменьшают.

Несогласие

Если напряжение достаточно велико, оно ведет к неподчинению, но сначала порождает несогласие. Испытуемый не соглашается с линией действий, диктуемой экспериментатором. Однако словесный спор необязательно означает, что человек не подчинится. Ибо несогласие выполняет двойственную и противоречивую функцию. С одной стороны, оно может быть первым шагом во все большем

расхождении между испытуемым и экспериментатором, проверкой намерений экспериментатора и попыткой убедить его изменить инструкции. С другой стороны, парадоксальным образом оно может снимать напряжение, позволяя испытуемому «выпустить пар», не изменяя генеральному направлению.

Несогласие не всегда нарушает иерархические границы и тем самым качественно отличается от неподчинения. Многие люди, имеющие собственное мнение и не согласные с авторитетом, уважают право последнего настоять на своем. Они не готовы претворить свою позицию в неподчинение.

Для испытуемого несогласие служит одним из источников психологического утешения в смысле морального конфликта. Испытуемый публично заявляет свой протест и тем самым сохраняет желаемое представление о себе самом. В то же время он не выходит из подчинения авторитету, но продолжает слушаться.

Описанные здесь механизмы — избегание, отрицание, физическая конверсия, минимизация подчинения, уловки, стремление перестраховаться, обвинение жертвы, неконструктивное инакомыслие — могут быть соотнесены с конкретными источниками напряжения. Получается, что избегание ослабляет висцеральные реакции; уловки, минимизация подчинения и несогласие защищают представление о себе и т. д. *Более того, эти механизмы служат общей цели: снижая внутренний конфликт до терпимого уровня, они сохраняют невредимыми отношения между испытуемым и авторитетом.*

Неподчинение

Неподчинение — крайняя мера, позволяющая снять напряжение. Но дается она нелегко.

Оно предполагает не только отказ выполнить то или иное указание, но и перестройку отношений между испытуемым и авторитетом.

Оно окрашено дурными предчувствиями. Испытуемый заперт в четко очерченных социальных рамках. Вырваться из предписанной роли значит создать своего рода аномию*. Будущее взаимодействие между испытуемым и экспериментатором предсказуемо, покуда сохраняются взаимоотношения, в которых все ясно, — характер же взаимоотношений после отказа совершенно неизвестен. Многие испытуемые опасаются последствий, а зачастую и неких санкций со стороны авторитета. Но по мере того, как линия действий, требуемая экспериментатором, становится неприемлемой, начинается процесс, который некоторых участников приводит к неподчинению.

Все начинается с *внутреннего сомнения*. Постепенно оно приобретает и *внешнюю форму*. Испытуемый сообщает экспериментатору о своих опасениях или обращает его внимание на муки жертвы. На каком-то уровне он ожидает, что ученый сделает из фактов те же выводы, что и он сам: электрические разряды продолжать не следует. Когда экспериментатор реагирует иначе, коммуникация переходит в *несогласие*; испытуемый пытается убедить ученого изменить план действий. Как серия электрошоков предполагает пошаговое увеличение силы, так и несогласие может возрастать постепенно. Первое выражение несогласия, сколь бы осторожно ни было сформулировано, обеспечивает платформу, на которой строится следующая фаза несогласия. В идеале несогласный испытуемый хотел бы, чтобы экспериментатор отстал от него, изменил ход опыта и тем самым устранил необходимость в неподчинении.

* В теории Э. Дюркгейма аномия — потеря человеком самоидентификации, разрыв социальных связей. — *Прим. ред.*

Когда этого не происходит, несогласие сменяется *угрозой*, что испытуемый откажется выполнять команды. И наконец, исчерпав все средства, испытуемый понимает, что без кардинальных мер не обойтись, и выходит из подчинения. *Внутреннее сомнение, экстернализация сомнения, несогласие, угроза, неподчинение*: это нелегкий путь, который лишь меньшинство испытуемых способны пройти до конца. И это не негативный вывод, а позитивное действие, сознательное плавание против течения. А вот податливость имеет пассивную коннотацию. Акт неподчинения требует мобилизации внутренних ресурсов и готовности перейти от сомнений и вежливых возражений к действиям. Однако психологическая цена колоссальна.

Многим людям тяжело изменить своему слову после того, как они дали определенные обязательства. Если послушные испытуемые перекладывают ответственность за наказание «ученика» на экспериментатора, то непокорные берут на себя ответственность за провал опыта. Говоря «нет», испытуемый полагает, что нарушил ход эксперимента и научный замысел, не справился с возложенной на него задачей, — хотя именно в этот момент он ведет себя как должно и утверждает гуманистические ценности.

Цена неподчинения такова: у человека возникает тяжелое чувство, что он не оправдал доверие. Да, он выбрал нравственно верный путь, но не получается ли, что он обещал поддержку, а сам — скандальным образом — не выполнил своего обещания? Именно такой человек, а вовсе не послушный испытуемый, несет на себе бремя своего поступка.

Альтернативная теория: разгадка в агрессии?

Мое объяснение поведения, которое наблюдалось в лаборатории, представляется мне наиболее убедительным. Альтернативная же концепция гласит, что все дело в *агрессии*: испытуемые имели возможность дать выход своим разрушительным наклонностям. На мой взгляд, она ошибочна, и я объясню, почему. Но сначала изложу доводы теории агрессии.

Агрессией мы называем импульс или действие, направленные на причинение вреда другому организму. С точки зрения Фрейда, всем людям присущи разрушительные наклонности, но они не всегда имеют возможность выхода, ибо сдерживаются «сверх-Я» или совестью. Более того, функции «Я» — ориентированная на реальность сторона человека — также обуздывают разрушительные порывы. (Если мы будем атаковать всякий раз, когда рассердимся, то себе же сделаем хуже, а потому держим себя в руках.) И эти разрушительные инстинкты настолько неприемлемы, что мы даже не всегда их осознаем. Тем не менее они постоянно ищут выхода и вырываются на волю

в военном насилии, садистских удовольствиях, индивидуальных актах антисоциального разрушения, а подчас и саморазрушении.

Эксперимент создает ситуацию, при которой причинять вред другому человеку социально приемлемо; более того, для этого появляется предлог — развитие науки, социально значимого дела.

Таким образом, на уровне сознания индивид полагает, что делает дело, полезное для общества. Реальный же мотив иной: нанося «ученику» удары током, человек реализует разрушительные наклонности, живущие в нем на уровне инстинктов.

Эта теория согласуется и с типичной интерпретацией наблюдаемого нами подчинения в духе здравого смысла. Ведь когда обычные люди слышат о нашем эксперименте, они сразу думают, что здесь в человеке проявляется зверь и садист, дают о себе знать темные и злые стороны его души, жаждущие причинения боли другим людям.

И действительно, агрессивные тенденции — неотъемлемая часть человеческой природы. Однако поведение участников нашего эксперимента тут ни при чем. Не объясняется агрессией и деструктивное подчинение приказам на войне: скажем, готовность пилотов сбросить бомбу на многотысячный город или готовность артиллеристов сжечь напалмом вьетнамскую деревню. Обычно солдат убивает, поскольку ему *сказано* убивать. Подчинение приказам он считает своим долгом. И наш испытуемый наносит удары жертве не потому, что реализует свои разрушительные наклонности, а потому, что не может выбраться из социальной структуры, в которую оказался встроен.

Допустим, экспериментатор приказал бы ему выпить стакан воды. Он послушался бы. Но означает ли это, что ему хочется пить? Вовсе нет, он просто делает то, что ему велели. Такова суть подчинения: совершаемое действие

обусловлено не мотивами исполнителя, а мотивами тех, кто стоит выше в социальной иерархии.

В пользу такого вывода говорят и данные эксперимента. Вспомним, что в эксперименте 11 испытуемым предоставили возможность самостоятельно выбирать уровень электрического напряжения, причем ученый всячески подчеркивал, что можно выбрать любой уровень. Таким образом, у испытуемых были развязаны руки. Тем не менее почти все они ограничились самыми слабыми разрядами и средняя величина электрошока составила 3,6. Если разрушительные импульсы и впрямь искали выхода, а испытуемые имели возможность оправдать садизм интересами науки, почему они не причиняли жертве страдания?

Однако такая тенденция почти не наблюдалась. Видимое удовольствие от ударов испытывал лишь один человек (от силы два). Уровни силы тока были совершенно не сопоставимы с теми, которые испытуемым диктовал приказ. Это разница на порядок.

Можно также обратиться к исследованиям агрессии, проведенным Буссом (Buss, 1961) и Берковицем (Berkowitz, 1962). В них использовался формат, сходный с нашим экспериментом 11. Но их интересовала агрессия как таковая. В ходе опыта ученые выводили испытуемого из себя, чтобы понять, станет ли он выполнять более мощные разряды, если разозлится. Однако эффект этих манипуляций был мизерным в сравнении с уровнями, до которых люди доходили при подчинении. Иными словами, как бы экспериментаторы ни злили, ни раздражали и ни возмущали испытуемого, он мог перейти максимум на один или два уровня выше (скажем, от уровня 4 к уровню 6). Это результат агрессии. И он совершенно не сопоставим с величинами, описанными в ситуациях, когда человек исполнял команды.

Наблюдая за испытуемыми в ходе эксперимента с подчинением, можно было заметить, что за редким исключением люди выполняли задачу, которую считали неприятной (а зачастую и неправильной), хотя и не видели для себя возможности отказаться. Многие протестовали, но не могли освободиться от власти авторитета. Да, моментами казалось, что кто-то получает удовольствие, заставляя жертву кричать. Однако такие участники были редкими исключениями, белыми воронами.

Показательны и опыты с ролевыми перестановками (см. главу 8). В нескольких из этих экспериментов испытуемые получали возможность наносить удары током, но не пользовались ею, пока не возникала соответствующая структура ситуации.

Разгадка поведения испытуемых не в сдерживаемом гневе или агрессии, а в характере взаимоотношений с авторитетом. Доверяя авторитету, люди начинали воспринимать себя как орудие исполнения его желаний. А при таком подходе не могли освободиться.

Проблемы метода

Некоторые критики полагают, что люди просто не могут вести себя так, как вели себя участники нашего эксперимента. Мол, обычный гражданин не станет по команде причинять боль человеку, который возражает. Так ведут себя лишь нацисты и садисты. В предыдущих главах я попытался объяснить поведение испытуемых: человек изначально дает авторитету определенные обязательства; смысл его действий трансформируется их контекстом; связывающие факторы мешают выйти из подчинения.

В основе критики эксперимента лежит альтернативная модель человеческой природы. Ее суть состоит в том, что если нормальному человеку предложить причинять кому-то боль, выполняя требования авторитета, он отвергнет авторитет. К тому же некоторые критики убеждены: уж американцы точно не станут причинять боль ближнему по команде. Наш эксперимент им видится ущербным, поскольку идет в разрез с этими представлениями. Самые частые возражения такие: 1) люди, которых изучали в эксперименте, нетипичны; 2) испытуемые не верили, что

наносит удары током; 3) нельзя делать выводы относительно целого мира на основании лабораторных исследований. Рассмотрим каждый из этих трех пунктов.

1. *Типичны ли для населения участники нашего эксперимента? Или они представляют собой особую группу?* Вот как было дело. В первых экспериментах участвовали только студенты Йельского университета. Полностью послушными оказались 60% из них. Тогда один мой коллега заявил, что все это не показательно и ничего не говорит об обычных людях: мол, студенты агрессивны, настроены на жесткую конкуренцию и при малейшей провокации готовы наступить друг другу на горло. Он полагал, что результаты среди обычных людей будут совершенно иными. И когда мы перешли от пилотных исследований к регулярной серии экспериментов, то привлекли к участию людей из всех слоев нью-хейвенской жизни: служащих, представителей свободных профессий, рабочих и безработных. *Результат был тем же самым, что и у студентов.*

И все же участники эксперимента были добровольцами, и это может вызвать вопрос, не повлияла ли сама процедура набора участников на их состав.

После эксперимента мы спрашивали испытуемых, почему они пришли в лабораторию. Чаще всего люди отвечали, что им было любопытно поучаствовать в психологических экспериментах (17%); 8,9% назвали основным мотивом деньги, 8,6% сказали, что интересуются вопросами памяти и 5% — что рассчитывали узнать что-то о себе. Как видим, мотивы очень разные, да и люди очень разные. Более того, Розенталь и Росноу продемонстрировали, что добровольцы, выказывающие готовность участвовать в экспериментах, обычно *менее* авторитарны (Rosenthal &

Rosnow, 1966). А значит, если процедура отбора и влияла на картину, то в пользу неподчинения.

Более того, когда эти опыты были повторены в Мюнхене, Риме, Южной Африке и Австралии — в каждом случае использовались несколько иные методы набора и несколько иной состав участников, чем в нашем эксперименте, — уровень подчиняемости неизменно был ненамного *выше*, чем в нашем исследовании. Скажем, в Мюнхене число послушных испытуемых достигло 85%²⁴.

2. *Верили ли испытуемые, что причиняют «ученику» боль?* Внутреннее напряжение участников выдавало глубокий внутренний конфликт. Он зафиксирован в репрезентативных расшифровках (1963), в данных по шкалам (1965) и видеозаписях (1965а).

Во всех экспериментальных условиях уровень боли рассматривался испытуемыми как очень высокий. Таблица 6 содержит данные по некоторым из вариаций эксперимента. В эксперименте 2 («Голосовой отклик»; жертву слышно, но не видно) средняя величина по шкале в 14 баллов составляла 11,36 («чрезвычайно болезненно»). Более половины послушных испытуемых использовали крайнюю верхнюю отметку на шкале, и как минимум один испытуемый обозначил значком «+», что «чрезвычайно болезненно» — это еще мягко сказано. Из 40 испытуемых в этом варианте эксперимента двое не считали, что жертва особенно страдает (баллы 1 и 3), и оба подчинялись. Может показаться, что в случае с ними манипуляции ученого не имели большого эффекта. Однако не все так просто: отрицание болезненности может выполнять защитную функцию, и некоторые испытуемые начали рассматривать свои поступки в благоприятном свете лишь задним числом, воссоздавая в памяти свои переживания. Однако возникает вопрос, что есть их неверие: надежная гипотеза или случайная догадка?

Таблица 6. Оценки испытуемыми боли, которую ощущала жертва

Условия эксперимента	\bar{x}	\bar{x}	\bar{x}
	Послушные испытуемые	Непослушные испытуемые	Все испытуемые
	n	N	
Изоляция жертвы	13,50 (20)	13,27 (11)	13,42
Голосовой отклик	11,36 (25)	11,80 (15)	11,53
Непосредственная близость	12,69 (16)	11,79 (24)	12,15
Соприкасание	12,25 (28)	11,17 (12)	11,93
Новая площадка для эксперимента	11,40 (26)	12,25 (14)	11,70
Смена персонала	11,98 (20)	12,05 (20)	12,02
Бриджпорт	11,79 (19)	11,81 (18)	11,80
Женщины в качестве испытуемых	12,88 (26)	12,07 (14)	12,60
Близость авторитета	11,67 (31)	12,39 (9)	11,83

Понять, насколько испытуемые верили или не верили в реальность ударов, можно во многом по их ответам в опроснике, разосланном им приблизительно через год после эксперимента. Пункт 4 опросника вместе с ответами на него воспроизведен ниже.

Три четверти испытуемых (первые две категории), по их же собственным словам, исходили из убеждения, что наносят болезненные удары. А ведь им в этот момент было легко сделать вид, что они не купились на обман! Но из этой группы лишь пять человек сказали, что испытывали серьезные сомнения.

Дэвид Розенхан из Свартморского колледжа повторил эксперимент, чтобы получить отправную точку для собственных исследований. Он организовал детально разработанный опрос. Между прочим, интервью брал человек, независимый от эксперимента. Он подробно расспрашивал,

Таблица 7. Ответы на вопрос о вере в реальность ударов током

В ходе эксперимента	Непослушные	Послушные	Все испытуемые
(1) Я искренне верил, что «ученик» получает болезненные удары	62,5% (230)	47,9% (139)	56,1% (369)
(2) У меня были некоторые сомнения, но я думал, что «ученик», скорее всего, получает удары	22,6% (83)	25,9% (75)	24,0% (158)
(3) Я не был уверен, что «ученик» получает удары	6,0% (22)	6,2% (18)	6,1% (40)
(4) У меня были некоторые сомнения, но я думал, что «ученик», скорее всего, не получает удары	7,6% (28)	16,2% (47)	11,4% (75)
(5) Я был уверен, что «ученик» не получает удары	1,4% (5)	3,8% (11)	2,4% (16)

а насчет веры в реальность ударов даже переспрашивал испытуемых: «Вы действительно хотите сказать, что не догадывались, в чем тут дело?» На основе строжайших критериев Розенхан сделал вывод: по оценке независимых экспертов, 60% испытуемых были целиком убеждены в подлинности эксперимента. Анализируя поведение этих испытуемых, он констатирует, что полностью подчинились командам 85% из них. (Отметим, что Розенхан работал с более молодыми участниками, чем мы. На мой взгляд, это объясняет более высокий уровень подчиняемости.)

Когда мои выводы по результатам эксперимента подвергаются сравнительному статистическому анализу, они не меняются сколько-нибудь существенным образом.

Скажем, в эксперименте 2 («Голосовой отклик») из тех испытуемых, которые признали, что поддались на обман (категории 1 и 2), 58% были послушными; из тех, кто попал в категорию 1, послушными были 60%. Во всех экспериментальных условиях этот способ контроля над данными несколько снижал долю покорных в сравнении с непокорными. Эти изменения не нарушают связи между условиями и несущественны для интерпретации смысла и значения полученных результатов.

Одним словом, за немногими исключениями испытуемые считали, что все происходит взаправду. По моим оценкам, в каждой разновидности эксперимента были два–четыре человека, которые не думали, что причиняют жертве боль. Однако я следовал правилу не удалять ничьих данных, поскольку избирательное исключение испытуемого на основании не вполне ясных критериев — прямой путь к искажению результатов. И даже сейчас я не хочу выносить этих участников за скобки, поскольку непонятно, было ли их неверие причиной подчинения или следствием. Когнитивные процессы иногда помогают оправдывать поведение, которое люди считали вынужденным избрать. В самом деле, испытуемому ничего не стоит объяснить свои поступки тем, что он-де не верил в подлинность ударов, и возможно, некоторые этим воспользовались. Такое объяснение ни к чему не обязывает и помогает сохранить хорошее мнение о самом себе. Есть у него и еще один плюс: оно показывает, насколько умным и проницательным оказался человек, разгадав хитроумный замысел.

Однако важнее другое: понять роль отрицания в общем процессе подчинения и неподчинения. Отрицание — один из нескольких когнитивных процессов, наблюдаемых в нашем эксперименте, и его место с точки зрения функционирования эксперимента необходимо правильно обозначить (см. выше главу 12).

3. *Может быть, лабораторная ситуация настолько уникальна, что ничего не говорит о подчинении в социальной жизни?* Вовсе нет. Только надо правильно понимать результаты: насколько легко человек может стать орудием в руках авторитета и насколько сложно ему высвободиться из-под этой власти. Процесс подчинения авторитету, который я попытался проанализировать в главе 11, наблюдался снова и снова, пока существовало базовое условие, то есть пока индивид полагал, что имеет дело с персоной, которая в силу своего статуса вправе приказывать. В разных вариациях эксперимента нюансы и детали подчинения различались, но суть оставалась прежней, — подобно тому, как процесс горения один и тот же и для горящей спички, и для лесного пожара.

Суть обобщения не может сводиться к механическому сопоставлению деталей (мол, спичка маленькая, а лес большой). Важно понять, *почему* происходит то, что происходит. Скажем, в случае с горением мы должны изучить процесс быстрого окисления при условии возбуждения электронов, а в случае с подчинением — реструктурирование ментальных процессов в агентном состоянии.

Некоторые авторы пытаются доказать, что психологический эксперимент есть событие уникальное и глобальных выводов из него делать не стоит²⁵. Но ведь любая социальная ситуация по-своему уникальна, и задача ученого — найти принципы, которые объединяют столь разные феномены.

Психологический эксперимент имеет те же структурные особенности, что и другие ситуации, где есть подчиненный и руководитель. Во всех этих ситуациях человек реагирует не столько на содержание требований, сколько исходит из взаимоотношений с их источником. Более того,

если источник команды — легитимный авторитет, *взаимоотношения перевешивают содержание*. Вот что мы имеем в виду, говоря о важности социальной структуры, и именно это демонстрируется в нашем эксперименте.

Некоторые критики пытаются опротестовать выводы эксперимента, заявляя, что поведение участников легитимировано экспериментатором. Но ведь поведение легитимруется в *каждом* социально значимом случае подчинения, будь то подчинение солдата, служащего или палача в государственной тюрьме. Наше исследование позволяет лучше понять именно поведение в рамках подобных иерархий. В конце концов, Эйхман работал в легитимной социальной организации и считал, что выполняет свою работу. Иными словами, исследование посвящено подчинению не запуганных людей, вынужденных соглашаться под угрозой насилия, а тех, кто покоряется охотно в силу отведенной им роли в обществе и заинтересован жить в соответствии с его требованиями.

Еще один более специфический вопрос касается аналогии между подчинением в нашей лаборатории и подчинением в нацистской Германии. Безусловно, разница колоссальна. Взять хотя бы временной масштаб. Лабораторный эксперимент длился всего лишь час, а нацистское бедствие — более десятилетия. Да и сопоставимо ли подчинение, которое можно наблюдать в лаборатории, с тем, что происходило в нацистской Германии? (Можно ли сравнить пламя спички с чикагским пожаром 1898 года?) Так вот, при всех колоссальных различиях в масштабах и серьезности, налицо сходные психологические процессы.

Ведь в лаборатории путем простых манипуляций создавалась ситуация, когда обычные люди снимали с себя ответственность за причинно-следственную цепочку, ведущую к действиям против другого человека. То, как это

происходило и как испытуемые становились бездумными орудиями в руках экспериментаторов, актуально для самых разных ситуаций. Вспомним протоколы допросов военных преступников в Нюрнберге, задумаемся об американских преступлениях в Сонгми и о концлагере в Андерсонвилле... Солдата, партийного функционера и нашего послушного испытуемого объединяет безграничная готовность довериться авторитету, и у всех у них срабатывают сходные защитные механизмы, помогающие уменьшить напряжение, когда приходится причинять зло беспомощной жертве. В то же время, конечно, важно понимать некоторые различия между положением участников нашего эксперимента и положением немцев при Гитлере.

Эксперимент был представлен участникам в положительном и гуманистическом свете: дескать, все это во имя знаний о процессах запоминания и обучаемости. Такие цели созвучны общепринятым культурным ценностям. Подчинение же воспринималось как средство их достижения. Напротив, цели нацистской Германии были нравственно предосудительными, что было очевидно для многих немцев²⁶.

Покорность наших испытуемых сохранялась во многом благодаря тому, что экспериментатор находился рядом и следил за ходом дела. Когда он уходил, подчиняемость резко снижалась. Формы подчинения, которые имели место в Германии, были намного больше связаны с внутренним приятием власти и, судя по всему, не требовали постоянного надзора. На мой взгляд, такая интернализация достигается лишь в ходе относительно долгого процесса насаждения идеологии, какой невозможен в течение лабораторного часа. Таким образом, механизмы, удерживавшие немцев в подчинении, — это не кратковременная неловкость и робость, а усвоенные карающие механизмы,

которые могут быть внедрены в сознание лишь в процессе долгих взаимоотношений с авторитетом.

Следует упомянуть и другие различия. Соппротивление нацизму было героизмом и смертельно опасным делом. Наказания и угрозы подстерегали на каждом шагу, причем жертв последовательно очерняли: пропаганда утверждала, что они недостойны ни жизни, ни человеческого сочувствия. И наконец, в эксперименте нашим испытуемым говорили, что удары током могут быть болезненными, но не приведут к долговременным повреждениям, — тогда как в Германии непосредственные участники геноцида знали, что речь идет не просто о боли, но о человеческих жизнях. Поэтому в конечном счете события, происходившие при нацистах в 1933–1945 годах, можно осмысливать исключительно как уникальное изобретение истории, которое никогда не будет воспроизведено.

И все же мы можем изучить суть подчинения как психологического процесса, создав простую ситуацию, в которой легитимный авторитет приказывает испытуемому причинить боль третьему лицу. С такой ситуацией столкнулись и участники нашего эксперимента, и немцы. В обоих случаях имела место сходная психологическая реакция.

Дополнительный свет на проблему проливает исследование, опубликованное в 1972 году Генри Диксом. Дикс опросил ряд бывших эсэсовцев, работавших в концлагерях, и гестаповцев и проанализировал свои наблюдения применительно к экспериментам с подчинением. На его взгляд, налицо явные параллели между психологическими механизмами у эсэсовцев и гестаповцев и у испытуемых в нашей лаборатории:

Милгрэму удалось... провести параллель в отношении необходимости опорочить жертву... Это тенденция, которую мы наблюдали у Б. С., Б. Т. и Г. М. (интервьюируемые

в исследовании Дикса. — С. М.)... Для понимания подхода «я всего лишь винтик» как нравственной самозащиты очень важно упоминание Милгрэма об испытуемых, которые впоследствии заявляли, что «были убеждены в ошибочности того, что от них требовали», — и тем самым чувствовали себя добродетельными. Но толку от такой добродетели нет, если они не смели протестовать. Этот вывод напоминает нам о раздвоении личности у П. Ф. (эсэсовца. — С. М.), который впоследствии возмущался тем, что сам же делал.

Эксперимент Милгрэма хорошо показывает «очень, увы, человеческую» склонность к конформности и подчинению групповому авторитету... Его «обычные» испытуемые использовали некоторые из тех же способов защиты своего эго, что и опрошенные мной эсэсовцы.

Гордон Оллпорт любил называть эту экспериментальную парадигму «экспериментом Эйхмана», поскольку в положении испытуемого он видел нечто общее с положением печально знаменитого нацистского бюрократа, который, «выполняя свою работу», отправил на смерть миллионы людей. Ассоциация правомерная, но она не должна маскировать суть эксперимента. Сводить все к наци, сколь бы мерзкими ни были их дела, и говорить в контексте эксперимента исключительно о страшных злодеяниях, значит упускать из виду главное. А главное в наших исследованиях — обычное, рутинное зло, которое ежедневно вершится людьми по приказу.

Г л а в а

15

Эпилог

Дилемма, вытекающая из конфликта между совестью и авторитетом, коренится в самой природе общества, и она была бы с нами, даже если бы нацистская Германия никогда не существовала. И относиться к этой проблеме так, словно речь идет лишь о нацистах, значит упускать из виду ее актуальность.

Некоторые говорят: что нам до нацистов? Мол, мы-то живем в государстве демократическом, а не авторитарном. Можно подумать, это снимает проблему! Ведь она состоит не в «авторитаризме» как способе политической организации или наборе психологических подходов, а в самом авторитете. Авторитаризм может смениться демократией, но власть как таковую нельзя устранить, пока общество будет существовать в той форме, в какой мы его знаем²⁷.

В демократиях есть всеобщие выборы. Но будучи избранными, люди имеют неменьшие полномочия, чем те, кто занял свои посты другими способами. И сколько мы уже видели, требования демократически избранной власти

также могут вступать в противоречие с совестью. Ввоз и порабощение миллионов африканцев, уничтожение индейцев, интернирование японцев, применение напалма против мирных жителей во Вьетнаме — все эти жестоко-сти послушно совершались по распоряжению демократи-ческих властей. Конечно, в каждом случае были люди, ко-торые протестовали, однако большинство обычных граж-дан выполняли команды.

Меня неизменно поражает, что когда я читаю в кол-леджах лекции о нашем эксперименте, молодые люди снова и снова возмущаются поведением участников — дескать, как можно так себя вести. Но через несколько месяцев эти же самые юноши, попав в армию, без зазре-ния совести делают вещи, в сравнении с которыми наше «обучение» с электрошоком меркнет. И в этом отношении они не лучше и не хуже людей любой эпохи, которые пол-ностью доверились авторитету и стали пешками в его де-структивных замыслах.

Подчинение и война во Вьетнаме

Каждое поколение познает проблему подчинения на соб-ственном опыте. Так, например, было в Соединенных Штатах с дорогостоящей и весьма неоднозначной войной в Юго-Восточной Азии.

Перечень бесчеловечных действий, совершенных обыч-ными американцами в ходе вьетнамского конфликта, слишком велик, чтобы на нем здесь останавливаться. Отсылаем читателя к исследованиям этой темы (Taylor, 1970; Glasser, 1971; Halberstam, 1965). Достаточно лишь сказать, что наши солдаты с легкостью сжигали деревни, устанавливали «зоны свободного огня», использовали напалм, самую современную технику против примитив-ного оружия, уничтожали растительность на обширных

участках земли, вынуждали эвакуировать больных и стариков в интересах боевых действий, убивали мирных жителей сотнями.

Для психолога это не безличные события, а действия, совершенные такими же людьми, как и мы сами, которые под влиянием авторитета перестали быть собой и сняли с себя ответственность за свои поступки.

Но как может приличный человек за несколько месяцев дойти до того, чтобы без зазрения совести убивать себе подобных? Рассмотрим этот процесс.

Прежде всего из положения вне системы человек переходит в позицию внутри нее. Начинается все с призывной повестки, механизм запускается. Затем присяга, призванная укрепить верность новобранца новой роли.

Воинская часть пространственно отделена от остального общества, чтобы обеспечить отсутствие конкурирующих авторитетов. В зависимости от того, насколько послушен солдат, его поощряют или наказывают. Несколько недель уходят на базовую подготовку. Она прививает новобранцу военные навыки, но главная цель — уничтожить все проявления индивидуальности.

Часы, потраченные на плацу, нужны вовсе не для того, чтобы дать строевую подготовку. Цель совсем иная: дисциплинировать индивида и придать зримую форму включению его в структуру. Колонны и взводы шагают как один человек, повинующийся командам сержанта. Такие формирования состоят не из людей, а из автоматов. Армейская подготовка нацелена на то, чтобы привести пехотинца именно в такое состояние, истребить всякие следы эго и постепенно добиться интернализации им военного начальства.

Перед отправкой солдат в военную зону власть всячески старается соотнести военные действия с идеалами и ценностями общества. Новобранцам сообщают, что им

будут противостоять в битве враги народа, которых надо убить, — иначе страна в опасности. Ситуация подается таким образом, что жестокие и бесчеловечные поступки выглядят оправданными. Во время вьетнамской войны еще один элемент облегчал жестокости: враг принадлежал к иной расе. Вьетнамцев часто называли «чурками» (*gooks*), словно они недочеловеки, недостойные сочувствия.

Дальше — больше. На войне солдат сталкивается с таким же идеологически подкованным противником. Любая дезорганизация в войсках чревата опасностью для его подразделения, поскольку снижает боеготовность и может привести к поражению. Поэтому дисциплина — вопрос выживания. Хочешь не хочешь, а надо слушаться.

Исполняя свои обязанности, солдат не испытывает внутренних проблем, когда убивает, ранит и калечит других людей, будь то солдаты или мирные жители. В результате его действий мужчины, женщины и дети страдают и умирают, но он не принимает это близко к сердцу. Он выполняет доверенное ему задание.

У некоторых появляется мысль о дезертирстве, но обстоятельства таковы, что реализовать ее непросто. Куда ему бежать? Да к тому же за неповиновение жестоко наказывают. И наконец, подчинение имеет прочную основу в сознании самого человека. Ведь он не хочет прослыть трусом, предателем и врагом родины. А выглядеть мужественным и отважным патриотом можно лишь через подчинение.

Ему сказали, что он убивает во имя правого дела. И сказал не кто-нибудь: не сержант на плацу, не местное начальство, а сам президент! Отсюда такое недовольство соотечественниками, которые у себя дома ругают войну. Ибо солдат заперт внутри структуры авторитета, и люди, которые называют войну грязным делом, угрожают тем

психологическим механизмам, которые позволяют ему справиться с ситуацией. Прожить бы день да в живых остаться, тут не до морали.

У некоторых переход в агентное состояние происходит лишь частично, и человеческие ценности нет-нет, да и дадут о себе знать. Такие совестливые солдаты, сколь бы мало их ни было, являются потенциальными источниками смуты. Их изолируют от остального состава.

Однако здесь мы узнаем нечто важное о функционировании организаций. Отказ одного человека, если против него можно принять меры, не имеет особого значения. На его место поставят другого. Для военного механизма опасность возникает тогда, когда один бунтарь подбивает других. Именно поэтому его надо изолировать или наказать так, чтобы другим было неповадно.

Во многих случаях смягчению напряжения способствуют технологии, выступающие в качестве буферов. Скажем, напалмовые бомбы сбрасывается на мирных жителей с высоты 3000 метров, и тогда мишенями для пулеметов Гатлинга становятся уже не люди, а крошечные точки на инфракрасном осциллографе.

Война идет. Обычные люди совершают вещи настолько жестокие, что в сравнении с ними наши испытуемые выглядят сущими ангелами. А заканчивается война не из-за неподчинения тех или иных солдат, а вследствие изменения государственной политики. Солдатам велят сложить оружие, и они слушаются.

Война еще не закончена, а уже всплывают факты, которые подтверждают самые мрачные предчувствия. Возьмем опять же вьетнамскую войну. Массовое убийство в Сонгми предельно ясно высветило проблему, которой посвящена наша книга. Вот интервью с участником этой расправы. Интервью взял Майк Уоллес, журналист из CBS News.

ВОПРОС: Сколько человек было на борту каждого вертолета?

ОТВЕТ: По пять человек. Мы сели недалеко от деревни, заняли позиции и двинулись к деревне. И тут говорят: смотрите, там чурка в укрытии.

ВОПРОС: Сколько ему было лет? В смысле, это был боец или старик?

ОТВЕТ: Старик. В общем, сказали, что там чурка. Сержант Митчелл крикнул нам, чтобы мы его пристрелили.

ВОПРОС: Сержант Митчелл командовал группой из 20 человек?

ОТВЕТ: Он командовал всей ротой. Ну вот, этого застрелили. Мы пошли в деревню, устроили там зачистку, прочесали центр деревни, собрали жителей.

ВОПРОС: Сколько человек вы схватили?

ОТВЕТ: Ну, человек 40 или 50 собрали посреди деревни. Получился такой островок. И тут...

ВОПРОС: Что за люди? Мужчины, женщины или дети?

ОТВЕТ: И мужчины, и женщины, и дети.

ВОПРОС: И младенцы?

ОТВЕТ: И младенцы. Собрали всех. Посадили на корточки. Тут лейтенант Келли говорит: «Вы ведь знаете, что с ними делать, правда?» Я говорю: «Знаю». Я так понял, что нужно их сторожить. Он ушел. Приходит минут через 10 или 15 и говорит: «Почему они еще живы?» Я отвечаю: «Думал, что их не надо убивать, а только сторожить». Он говорит: «Нет, я хочу, чтобы они были мертвые». И вот...

ВОПРОС: Он сказал это всем или вам лично?

ОТВЕТ: Ну, я стоял перед ним. Но еще трое... четверо ребят слышали. Он отошел метров на пять и начал стрелять в них. И сказал, чтобы я тоже стрелял. И я начал стрелять. Выпустил в них обоймы четыре.

ВОПРОС: Выпустили четыре обоймы из...

ОТВЕТ: Из М-16.

ВОПРОС: А сколько вообще обойма...

ОТВЕТ: У меня было 17 патронов в каждой обойме.

ВОПРОС: Значит, вы сделали примерно 67 выстрелов.

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: И скольких вы убили? В тот раз?

ОТВЕТ: Это же автоматная очередь, поэтому сложно... Когда ты направляешь на людей очередь, сложно сказать, скольких ты убил. Все очень быстро. Наверное, человек 10 или 15.

ВОПРОС: Мужчин, женщин и детей?

ОТВЕТ: Мужчин, женщин и детей.

ВОПРОС: И младенцев?

ОТВЕТ: И младенцев.

ВОПРОС: Ладно. И что дальше?

ОТВЕТ: Тогда мы стали еще собирать людей. Нашли человек семь или восемь. Согнали в хижину и хотели бросить гранату.

ВОПРОС: Схватили еще людей?

ОТВЕТ: Да, еще схватили человек семь или восемь. Хотели бросить их в хижину. И потом гранату. Но потом нам говорят: «Давайте их к канаве». Мы вывели их и пригнали к канаве. А там уже народ был — человек 70 или 75 собрали. И тут еще эти. лейтенант Келли говорит мне:

«Солдат, у нас есть работа». Он прошел к тем людям и начал сталкивать их и стрелять...

ВОПРОС: Начал сталкивать их в канаву?

ОТВЕТ: Да, в канаву. В ров. И вот мы стали сталкивать их и стрелять в них. Всех загнали в овраг и дали по ним очереди. А потом...

ВОПРОС: Это были мужчины, женщины и дети?

ОТВЕТ: Мужчины, женщины и дети.

ВОПРОС: И младенцы?

ОТВЕТ: И младенцы. Мы стреляли. Потом кто-то сказал, что каждого нужно убивать одним выстрелом, чтобы экономить боеприпасы. Мы так и поступили. И я израсходовал еще несколько патронов.

ВОПРОС: Почему вы это делали?

ОТВЕТ: Почему делал? Приказ есть приказ. И вообще мне казалось, что я все правильно делаю. Я потерял товарищей. Потерял замечательного товарища, Бобби Уилсона. И это было на моей совести. Так что когда я это сделал, я ощущал себя хорошо. Но потом, даже в тот день, до меня стало доходить.

ВОПРОС: Вы женаты?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Дети есть?

ОТВЕТ: Двое.

ВОПРОС: Сколько им лет?

ОТВЕТ: Мальчику два с половиной года, девочке полтора годика.

ВОПРОС: Мне сразу приходит на ум вопрос... Вы отец двух детей и... как такой человек может стрелять в детей?

ОТВЕТ: В тот момент девочка еще не родилась. У меня еще только мальчик был.

ВОПРОС: Но все равно, как вы могли?

ОТВЕТ: Не знаю. Так получилось.

ВОПРОС: И сколько человек были убиты в тот день?

ОТВЕТ: Думаю, примерно 370.

ВОПРОС: Откуда вы взяли эту цифру?

ОТВЕТ: Прикинул.

ВОПРОС: А вы сами скольких убили?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: 25? 50?

ОТВЕТ: Не могу сказать. Многих.

ВОПРОС: А сколько человек производили выстрелы?

ОТВЕТ: И этого не могу сказать... Там был еще один взвод и... В общем, не знаю.

ВОПРОС: Но этих мирных жителей выстраивали в шеренгу и расстреливали? Они не погибли при перекрестном огне?

ОТВЕТ: Их не выстраивали в шеренгу... Они сидели в канаве, куда их столкнули, или на корточках. Так их застрелили.

ВОПРОС: А эти мирные жители — особенно женщины, дети и старики — что они делали? Что говорили вам?

ОТВЕТ: Да ничего особенно не говорили. Их просто сталкивали. Они делали, что им велели делать.

ВОПРОС: Они не умоляли вас? Не просили: «Не надо»?

ОТВЕТ: Ну да. Умоляли и просили: «Не надо». Матери обнимали своих детей... но огонь продолжался. Мы продолжали стрелять. Они махали руками и умоляли...

(New York Times, 25 ноября 1969 года)

Этого солдата не судили за его деяния в Сонгми: к тому моменту, когда эта резня стала предметом широкого внимания, он уже не подлежал военной юрисдикции²⁸.

Читая свидетельства о расправе в Сонгми, протоколы допроса Эйхмана или материалы суда над лейтенантом Генри Вирцем (комендантом Андерсонвилля)²⁹, можно заметить следующие повторяющиеся темы.

1. Люди выполняют свою работу и исходят скорее из административных, чем из нравственных, соображений.
2. Более того, для этих людей убийство как исполнение долга — одно, а личные эмоции — совсем другое. Свои отношения с моралью они измеряют степенью, в которой все их действия подчиняются приказам сверху.
3. Такие индивидуальные ценности, как *верность*, *долг* и *дисциплина* вытекают из технических потребностей бюрократии. Индивид воспринимает их как глубоко личные нравственные императивы, но на организационном уровне это лишь технические условия для защиты системы.
4. Путем словесных манипуляций можно сделать так, чтобы поступки не вступали в противоречие с общими моральными принципами. Здесь велика роль эвфемизмов — не ради фривольности, а как средства защиты человека от нравственных последствий его деяний.
5. Подчиненный неизменно слагает с себя ответственность. Он может снова и снова согласовывать свои действия. Вообще такие повторные запросы — один из первых признаков того, что в глубине души человек чувствует: налицо нарушение какого-то нравственного правила.

6. Поступки почти всегда оправдываются конструктивными целями и видятся даже благородными — в свете высокой идеологической цели. В ходе нашего эксперимента испытуемые били жертву током во имя науки. В Германии уничтожение евреев преподносилось как «гигиеническая» мера против «еврейских паразитов» (Hilberg, 1961).
7. Критика или даже упоминание в разговоре пагубности хода событий всегда считаются дурным тоном. Так в нацистской Германии исполнители «окончательного решения» еврейской проблемы полагали невежливым говорить об убийствах (Hilberg, 1961). Участники нашего эксперимента чаще всего ощущали неловкость, высказывая возражения.
8. Когда между испытуемым и авторитетом отношения остаются неизменными, происходит корректировка психологических установок, смягчающая внутреннее напряжение, связанное с выполнением бесчеловечных приказов.
9. При подчинении обычно нет драматического противостояния желаний и взглядов. Тон задают социальные взаимоотношения, карьерные соображения и техническая рутина. Как правило, мы не наблюдаем ни героя, мучающегося совестью, ни патологического садиста, безжалостно использующего свою власть, а видим лишь функционера, которому поручили определенную работу, и он старается ее выполнить, чтобы не ударить лицом в грязь перед начальством.

А сейчас вернемся к нашим экспериментам и еще раз осмыслим их. Поведение испытуемых вполне естественно для людей. Но это происходило в ситуации, которая

особенно ясно демонстрирует, сколь опасны для выживания нашего вида некоторые присущие человеку черты. Так что же мы видели? Вовсе не агрессию: в испытуемых не было ни гнева, ни мстительности, ни ненависти. Да, люди могут впадать в гнев и ярость; да, они могут совершать поступки из ненависти. Но здесь этого не было. Мы наблюдали нечто более опасное: отказ человека от человечности. И этот отказ был неминуемым после того, как люди подчиняли свою индивидуальность институциональным структурам.

В том, как устроен человек, есть роковая ошибка природы. Из-за этой ошибки наш вид в перспективе имеет самые скромные шансы на выживание.

Парадоксально, что именно такие добродетели, как верность, дисциплина и самопожертвование, которые мы так ценим в человеке, создают разрушительные механизмы войн и привязывают людей к бесчеловечным системам власти³⁰.

У каждого есть совесть, которая в большей или меньшей степени сдерживает поток импульсов, деструктивных по отношению к другим. Однако когда человек вливается в организационную структуру, автономную личность сменяет иное создание, неподвластное соображениям индивидуальной морали. Ему чужды человеческие ингибиции и заботят лишь санкции сверху.

Как далеко человек может зайти в своем подчинении? Мы снова и снова пытались установить границы. Решили, что в эксперименте нужны крики жертвы, — оказалось, что этого недостаточно. Жертва жаловалась на слабое сердце — это не мешало испытуемым выполнять по команде электрические разряды. Жертва умоляла, чтобы ее отпустили, а затем переставала подавать признаки жизни, — но даже тогда ее били током. Поначалу нам и в голову не приходило, что потребуются столь кардинальные меры, чтобы

спровоцировать неподчинение. Каждая новая мера появлялась лишь потому, что прежние доказывали свою неэффективность. Последней попыткой установить границу был эксперимент с соприкасанием. Однако первый же участник в этих условиях выполнил все команды и дошел до максимального уровня тока. Аналогичным образом повела себя четверть испытуемых.

На наш взгляд, эти результаты вызывают тревогу. Они наводят на мысль, что человеческая природа, а конкретнее, человеческий тип, которого воспитывает американское демократическое общество, не в состоянии обезопасить граждан от жестокого обращения со стороны бесчеловечного авторитета. Многие люди делают, что им велят, независимо от того, что именно им велят и что говорит их собственная совесть, — если они считают, что команда исходит от легитимного авторитета.

В своей статье «Опасности подчинения» Гарольд Ласки писал:

...Цивилизация означает прежде всего нежелание причинять боль без необходимости. Если исходить из этого определения, нельзя считать цивилизованными людьми тех из нас, кто беспечно подчиняется приказам сверху...

...Если мы не хотим влачить совсем уж бессмысленную жизнь, мы не должны принимать что-либо противоречащее нашему базовому опыту на том лишь основании, что так велит традиция, обычай или авторитет. Мы вполне можем ошибаться, но мы будем уже не вполне мы, если примем как данность то, что расходится с нашим опытом. Вот почему условием свободы в любом государстве является широкий и последовательный скептицизм по отношению к канонам, на которых настаивает власть.

Приложение I

Этические проблемы в исследовании

Целью нашего исследования было изучить подчинение и неподчинение авторитету в условиях, которые позволяли тщательное исследование этого явления. Испытуемый получал указание от экспериментатора совершать все более и более жестокие поступки: мы хотели выяснить, в какой момент он откажется. Чтобы создать необходимые условия для наблюдений, потребовалась своего рода театрализация. Мы использовали технические иллюзии (в частности, жертва лишь делала вид, что получает удары током). Остальное не было запланировано нами и стало неожиданностью для нас самих.

Однако некоторые критики ужасались не тому, что испытуемые подчинялись, а тому, что такой эксперимент вообще проводился. Профессиональные психологи фактически разбились на два лагеря³¹: одни его очень хвалили, другие жестоко критиковали. В 1964 году доктор Диана Баумринд обрушилась на него в журнале *American*

Psychologist. Чуть позже я опубликовал там же следующий ответ:

...В одном из недавних номеров *American Psychologist* мне задали ряд вопросов относительно эксперимента с подчинением. Выражалось беспокойство по поводу благополучия его участников и того, были ли приняты адекватные меры, чтобы защитить их.

Начнем с того, что критик путает непредвиденный результат эксперимента с его базовой процедурой. Она пишет, в частности, будто мы специально стимулировали стресс у участников. Да, есть много способов спровоцировать стресс в лаборатории (Lazarus, 1964). Но опыт с подчинением — не из этой серии. Крайнее напряжение, которое испытывали некоторые испытуемые, стало для нас неожиданностью. Перед началом экспериментов процедура обсуждалась со многими коллегами, и ни один не предвидел реакций, которые впоследствии имели место. Вообще предсказать результаты эксперимента удастся далеко не всегда. Если ученый не хочет допускать такой степени риска, он должен вообще отказаться от научных исследований.

Более того, изначально были все основания ожидать, что как только жертва начнет протестовать, испытуемые откажутся выполнять указания экспериментатора. Я спрашивал мнение многих коллег и психиатров, и практически все они ожидали, что так все и будет. Да и вообще, чтобы начать эксперимент, в котором все упирается в неподчинение, нужно исходить из веры в наличие у людей естественных ресурсов, которые позволят им преодолеть давление авторитета.

Действительно, через какое-то время стало понятно, что некоторые участники готовы дойти до максимальных значений электрошока, а другие испытывают стресс.

На мой взгляд, лишь с этого момента можно было задаться вопросом о том, не свернуть ли эксперимент. Но сиюминутное волнение — это одно, а вред — совсем другое. Наши опыты продолжались, и я не видел никаких признаков душевной травмы у испытуемых. А поскольку сами они энергично поддерживали эксперимент, я решил, что исследования прекращать не стоит.

Не вызвана ли критика скорее неожиданностью результатов, чем самим методом? Некоторые испытуемые вели себя так, что это казалось шокирующе безнравственным. Но если бы все они ограничились «слабым разрядом» или отказались от участия при первых же признаках дискомфорта у «ученика» и результаты эксперимента были приятными и вдохновляющими, кто бы стал протестовать?

Один из важнейших аспектов процедуры был связан с концом экспериментальной сессии. Со всеми участниками после эксперимента проводилась специальная работа. Что именно мы им говорили, зависело от вариации эксперимента, к тому же постепенно у нас прибавлялось опыта, и мы находили новые слова. Но как минимум мы ставили их в известность, что жертва не получала опасных ударов током. У всех испытуемых была дружественная встреча с невероятным «учеником» и долгая беседа с экспериментатором. Не подчинившимся испытуемым мы объясняли эксперимент таким образом, чтобы поддержать их чувство правоты. Послушных уверяли, что их поведение абсолютно нормально, а внутренний конфликт имел место у всех участников. Мы сообщили участникам, что по окончании экспериментальной серии вышлем полный отчет. С некоторыми из них мы провели дополнительные подробные беседы.

По окончании экспериментальной серии испытуемые получили письменный отчет, в котором излагались

детали экспериментальной процедуры и результаты. Опять-таки их собственная роль в экспериментах подавалась без попытки унижить; мы уважали их поведение в ходе экспериментов. Все участники также получили опросник, касающийся их участия в исследовании. Он позволял им выразить свои мысли и чувства по поводу своего поведения.

Ответы на опросник подтвердили мою догадку, что испытуемые позитивно восприняли эксперимент. Если брать количественный аспект (см. таблицу 8), 84% испытуемых выразили положительные эмоции от эксперимента, 15% — нейтральные, и лишь 1,3% — негативные. Понятно, что к этим цифрам следует относиться с осторожностью. Однако сбрасывать их со счета не стоит.

Кроме того, четыре пятых испытуемых полагали необходимым дальнейшее проведение подобных экспериментов, а 74% заявили, что в результате узнали о себе нечто важное.

Дополнительные опросы и оценки проводилась в плановом порядке и не были вызваны тем, что мы заметили какой-то особый риск в экспериментальной процедуре. На мой взгляд, испытуемые абсолютно не подвергались опасности и не рисковали получить душевную травму.

По мнению критика, после эксперимента человек не находит оправдания своим поступкам и не может себя простить. Однако обычно дело обстоит иначе. Механизмы, которые заставляли его подчиняться и нажимать на рубильник, продолжают действовать и после эксперимента, позволяя ему оправдывать свое поведение. Люди думают то же, что и во время эксперимента: «Я выполнял задание, порученное мне руководителем».

Поскольку идея наказывать жертв током отвратительна, то когда посторонние люди слышат о самой затее, они уверены: «Испытуемые откажутся подчиняться».

А когда становятся известны результаты, прежнее убеждение сменяется другим: «Они не смогут с этим жить». Однако обе формы отрицания результатов в равной степени ошибочны. Многие участники не только подчиняются до самого конца, но и не получают душевной травмы.

Таблица 8. Отрывок из опросника, использовавшегося в анализе опыта с подчинением

Теперь, когда я прочитал отчет и все обдумал...	Непослушные	Послушные	Все
1. Я очень рад, что принял участие в эксперименте	40%	47,8%	43,5%
2. Я рад, что принял участие в эксперименте	43,8%	35,7%	40,2%
3. Я не сожалею о своем участии, но и не рад ему	15,3%	14,8%	15,1%
4. Я жалею, что принял участие в эксперименте	0,8%	0,7%	0,8%
5. Я очень жалею, что принял участие в эксперименте	0%	1%	0,5%

Примечание. Заполненный опросник вернули 92% испытуемых. Мы проверили, чем их отношение отличается от отношения респондентов. Вся разница состояла в возрасте: большую часть группы, не захотевшей заполнять опросник, составила молодежь.

Отсутствие травмы — одно из минимальных условий эксперимента. Между тем в участии есть и плюсы. Наш критик полагает, что люди не извлекли никакой пользы из эксперимента. Но это не так. И неслучайно многие ощущали благодарность за участие в важном, по их мнению, исследовании. Через год после эксперимента один человек написал: «Эксперимент укрепил мою убежденность в том, что следует избегать вреда ближнему, даже если для этого нужно послушаться начальника».

Еще один отзыв: «Мне лично эксперимент показал, сколь важно каждому человеку иметь твердую почву, которая станет основой для решений, даже самых мелких. Полагаю, люди должны больше размышлять о себе и своих взаимоотношениях с миром и окружающими. Если этот эксперимент поколеблет чью-то излишнюю самоуверенность, он уже не напрасен».

И это далеко не единственные из положительных и интересных отзывов, которые поступили от участников.

Пятистраничный отчет, разосланный участникам после эксперимента, был специально составлен так, чтобы всячески подчеркнуть ценность их участия. Он затрагивал и общую концепцию экспериментальной программы, и логику замысла, описывал результаты десяти экспериментов, причины внутреннего конфликта и возможное значение эксперимента. Испытуемые реагировали с воодушевлением. Многие выразили желание участвовать в дальнейших экспериментальных исследованиях. Отчет был разослан всем участникам несколько лет назад. Тщательность, с которой он был подготовлен, опровергает мнение критика, будто нам не было дела до того, вынесут ли люди пользу из своего участия.

Критик опасается, что участники будут неприязненно относиться к любым психологическим экспериментам из-за интенсивности переживаний, связанных с лабораторными процедурами. У меня другие наблюдения: люди чаще воспринимают негативно «пустой» лабораторный час со стереотипными процедурами. Выходя из лаборатории, они думают, что убили время на дурацкое и бесполезное занятие.

Наши же испытуемые в целом отнеслись к своему участию в эксперименте совершенно иначе. Они увидели

здесь возможность что-то узнать о человеке вообще и о себе в частности.

Через год после завершения экспериментальной программы я начал дополнительное исследование. Для этого был приглашен со стороны врач-психиатр, имеющий опыт лечения амбулаторных больных. Он провел беседы с 40 нашими испытуемыми. При этом он уделил особое внимание тем, кто, по его мнению, мог получить душевную травму. Эти возможные травматические последствия он и хотел выявить. Но вот его вывод: да, некоторые испытуемые испытали сильный стресс, но «ни у кого не обнаружены признаки травмы... свою роль (в эксперименте) каждый воспринял так, как и ожидается от человека с устойчивой моделью поведения. Не обнаружено никаких следов травматических реакций». Нашему критику стоило бы учесть эти данные, прежде чем браться за перо!

По большому счету, критик полагает, что изучать подчинение в подобной ситуации нельзя, поскольку у испытуемого якобы нет разумной альтернативы подчинению. Упускается из виду следующий факт: подчинились отнюдь не все. А раз так, значит, не подчиниться можно. Общая структура экспериментальной ситуации не исключает этого.

У критика вызывает тревогу высокий уровень подчиняемости в первом эксперименте. В той вариации эксперимента, которой она уделила особое внимание, 65% испытуемых подчинялись до конца. Однако учтем общую картину: степень подчиняемости сильно менялась от одной разновидности эксперимента к другой. В некоторых из них 90% испытуемых отказались продолжать эксперимент. Я считаю, что уровни подчиняемости и неподчиняемости объясняются не только самим фактом эксперимента, но и спецификой элементов в каждой

экспериментальной ситуации. А эти элементы систематически менялись в нашей программе исследований.

Забота о человеческом достоинстве основана на уважении к способности человека совершать нравственные поступки. По мнению критика, экспериментатор *заставлял* испытуемых применить электрошок. Категорически с этим не согласен. Да, экспериментатор отдает команды. Однако между командой и результатом находится нечто важное: действующее лицо, которое может подчиниться или не подчиниться. Я исходил из убеждения, что каждый человек, пришедший в нашу лабораторию, волен согласиться с требованиями авторитета или отвергнуть их. Этот подход связан с верой в человеческое достоинство: каждый способен решать сам, что ему делать. И мы видим, что многие испытуемые отвергли указания экспериментатора, утверждая тем самым человеческие идеалы.

Также эксперимент критикуют, ссылаясь на то, что «он может повлиять на способность человека в будущем вообще доверять каким-либо авторитетам». Но ведь экспериментатор не просто авторитет, это авторитет, который приказывает испытуемому совершать жестокие и бесчеловечные поступки против другого человека. На мой взгляд, будет замечательно, если участие в нашем эксперименте вселит в участников скептицизм к авторитетам подобного рода. Здесь я принципиально расхожусь с критиком. Она воспринимает испытуемого как пассивное существо, полностью контролируемое экспериментатором. Я же исходил из иной точки зрения. В лабораторию приходит человек со свободой выбора, который волен последовать данным ему указаниям или не последовать им. Критик полагает, что так подрывается доверие к любым авторитетам. А мне кажется, эксперимент пойдет людям на пользу, если поможет им осознать, что не стоит бездумно подчиняться авторитету.

Прозвучала критика в наш адрес и в пьесе Дэниела Эбса «Собаки Павлова», которая увидела свет в Лондоне в 1971 году. В ней многое строится вокруг нашего эксперимента с подчинением. В кульминационный момент действия Курт, один из главных героев, отказывается выступать в роли подопытного кролика. В своем введении к пьесе Эбс весьма резко высказывается об иллюзиях, которые были использованы в эксперименте: «вранье», «жульничество», «мошенничество». Впрочем, он, похоже, высоко оценил театральную составляющую эксперимента. И он позволил мне изложить свои соображения в предисловии к его книге. Я написал следующее:

По-моему, вы осудили иллюзии в моем эксперименте в чересчур резких выражениях. Как драматург вы наверняка понимаете, что иллюзия способна открывать глаза на вещи; на самом деле само существование театра возможно именно благодаря выдумке.

Посмотрев спектакль, кто-то мог бы заявить, что драматург обманул нас, одурачил и обвел вокруг пальца. Взять хотя бы актеров. Казалось бы, старик, а сотри грим — и под ним цветущий юноша. Врача играет обычный лицедей, который ничего не смыслит в медицине. Однако подобные разговоры о «вранье», «жульничестве» и «мошенничестве» будут глупостью, ибо ни один зритель так не воспринимает театральные иллюзии. Все согласны, что иллюзия нужна для развлечения, интеллектуального обогащения и прочих радостей, которые приносит театр. А коль скоро зритель согласен, вы можете продолжать в том же духе.

Итак, я не говорю, что вы обманываете, дурачите и обводите вокруг пальца свою аудиторию. Но чем наш эксперимент хуже? Да, в нем используется дезинформация. Да, в нем используется иллюзия: как сцена раскрывает

истины, которые иным путем трудно познать. Но эти приемы оправданы одним: в итоге участник соглашается с ними и находит в них ценность...

...Когда мы объясняли испытуемым, в чем дело, они реагировали на это позитивно. Большинство из них считали, что потратили час не впустую. Если бы дело обстояло иначе и на нас сыпались упреки, мы не смогли бы продолжать эксперимент.

На чем основана моя оценка? Прежде всего, сразу после эксперимента я разговаривал с испытуемыми. Эти многочисленные беседы были очень информативными, но больше всего они показали, с какой легкостью полученный опыт вписывается в обычную картину мира. Вообще люди вели себя скорее дружелюбно, чем враждебно. Проявляли любопытство, никого не обличали, и безусловно не считали себя униженными. Это общее впечатление впоследствии подтвердилось формальными процедурами, с помощью которых мы оценивали реакцию испытуемых на эксперимент.

Главное моральное оправдание процедуры, использованной в моем эксперименте, состояло в том, что участники сочли ее приемлемой. Более того, это стало главным нравственным основанием для продолжения экспериментов.

Этот факт важен для любой оценки эксперимента с этической точки зрения.

Представьте эксперимент, в ходе которого участнику отсекали бы мизинец. Не говоря уже о возмутительности подобного, эксперимент не продлился бы и нескольких часов: от разъяренных участников посыпались бы жалобы на университетскую администрацию и юридические последствия не заставили бы себя ждать. Когда с человеком поступают плохо, он знает это и может принять меры против обидчика.

Критика эксперимента, не учитывающая терпимую реакцию его участников, лишена оснований. Высказывая недовольство техническими иллюзиями и называя их «обманом», критики забывают, что сами испытуемые сочли такой прием правомерным! А ориентироваться здесь следует не на мнение внешних критиков, а на мнение участников.

Есть люди, которые считают поведение экспериментатора обманом, плутовством и манипуляцией. Но согласитесь, что его можно воспринимать и как драматурга, создателя постановки, способной открыть исполнителям нечто новое. И быть может, наша с вами работа не такая уж разная. Да, зрители ваших театральных представлений ожидают, что столкнутся с иллюзией, а мои испытуемые этого не ожидали. И это существенно. Однако на вопрос, этично ли искать истину путем таких драматургических постановок, нельзя отвечать абстрактно. Следует исходить из реакции тех, кто прошел такую процедуру.

И еще один момент: подчиняющийся испытуемый не винит себя за удары током, нанесенные жертве, ведь это была не его инициатива. Так велел авторитет. И худшее, что он может сказать о себе: «Будет мне наука — не надо безропотно слушаться авторитета».

То, что наш эксперимент внушил эту мысль некоторым его участникам, на мой взгляд, его большое достоинство. В качестве примера возьму свидетельство молодого человека, который участвовал в повторном эксперименте в Принстоне в 1964 году. Молодой человек был полностью послушен. 27 октября 1970 года он написал мне:

«Участие в “опыте с электрошоком”... сильно повлияло на мою жизнь...

Когда я был испытуемым в 1964 году, я был убежден, что делаю человеку больно, но совершенно не понимал,

почему это делаю. Да и немногие способны точно сказать, когда они действуют по собственным убеждениям, а когда покорно склоняются перед авторитетом... А тут — военный призыв. Понимая, что будучи призванным в армию, я тем самым соглашаюсь делать все, что мне прикажет командование, я боюсь самого себя... Я хочу стать отказником по убеждениям совести, а если мне не дадут этот статус, готов пойти в тюрьму. Иного выхода для себя по совести я не вижу. Надеюсь лишь, что члены призывной комиссии будут также действовать в соответствии со своей совестью...»

Он спросил, бывало ли подобное с другими участниками и мог ли опыт эксперимента иметь такой эффект.

Я ответил:

«Да, конечно, эксперимент касается дилеммы, с которой люди сталкиваются, когда авторитет говорит одно, а совесть — совсем другое. И я рад, что ваше участие в исследовании побудило вас глубже вникнуть в эти вопросы. Несколько участников сообщили мне, что после эксперимента стали более чутко относиться к проблеме подчинения авторитету. Если эксперимент помог вам лучше осознать проблему, связанную с безоглядным подчинением авторитету, значит, он уже сыграл важную роль. И если вы глубоко убеждены, что нельзя убивать людей, состоя на службе у своей страны, вам обязательно надо добиваться статуса отказника по убеждениям совести. И я очень надеюсь, что к вашей искренности в данном вопросе отнесутся с пониманием».

Через несколько месяцев он снова написал. Он сообщил, что рассказ об участии в эксперименте не произвел большого впечатления на призывную комиссию, но статус отказника по убеждениям совести ему все же дали. Вот его слова:

«Разговор с ними не уменьшил моей глубокой убежденности в огромном влиянии этого эксперимента на мою жизнь... Вы открыли мне одну из важнейших причин бедствий в мире... Я счастлив, что есть и моя доля в той информации, которая вам была необходима для такого открытия. И рад, что, отказавшись служить в вооруженных силах, я поступил так, как должны поступать люди, если хотят, чтобы эти проблемы были решены.

С искренней благодарностью за то, что вы для меня сделали...»

В нашем мире о многих поступках трудно судить однозначно. Но для меня значимее слова этого юноши, который лично участвовал в эксперименте, чем слова постороннего критика. Человеческий отклик тех, кто был внутри эксперимента, важнее абстрактного морализаторства. Люди же, прошедшие эксперимент, не только одобряют использованные нами процедуры, но и в подавляющем большинстве призывают провести более глубокие исследования, которые позволят лучше понять подчинение и неподчинение.

В течение последующих лет в печати прозвучали многочисленные голоса поддержки в пользу нашего эксперимента.

Доктор Милтон Эриксон, известный клинический психолог, пишет:

Того, что новаторские исследования Милгрэма объявляют неэтичными, неоправданными, неинформативными и т. п., следовало ожидать — хотя бы потому, что людям нравится закрывать глаза на нежелательное

поведение. Они предпочитают изучать память, забывая о бессмысленных слогах...

Милгрэм вносит крупный и важный вклад в наши знания о человеческом поведении... Публикуя свое первое исследование, он прекрасно понимал, что открывая такую область научных исследований, вызовет осуждения и упреки... Чтобы заниматься такими исследованиями, как Милгрэм, нужны сильные люди с большой верой в науку и желанием показать, что сам человек, а не «дьявол», несет ответственность за свои бесчеловечные поступки

(International Journal of Psychiatry,
October 1968, pp. 278–279)

Доктор Амитаи Этциони, профессор социологии из Колумбийского университета, пишет:

На мой взгляд, эксперимент Милгрэма — один из лучших в наше время. Он показывает, что принятое противопоставление интересного и серьезного гуманистического исследования точному, эмпирическому количественному анализу ошибочно. Можно с пользой совместить одно с другим.

(International Journal of Psychiatry,
October 1968, pp. 278–279)

Профессор Герберт Келман написал серьезную статью об этических проблемах экспериментального исследования (Human Use on Human Subjects: The Problem of Deception in Social Psychological Experiments). А вот слова доктора Томаса Кроуфорда, социального психолога из Беркли:

С точки зрения Келмана, экспериментальные манипуляции легитимны, если способствуют индивидуальной свободе выбора... На мой взгляд, исследования Милгрэма

направлены именно на ту достойную цель, которую ставит перед нами Келман. Читая об их результатах, мы не можем не проводить параллели с аналогичными конфликтами в нашей собственной жизни.

(In Defense of Obedience Research:
An Extension of the Kelman Ethic.

In *The Social Psychology of Psychological Research*, edited by
Arthur G. Miller. New York: The Free Press, 1972)

Доктор Алан Элмс из Калифорнийского университета в Дэвисе пишет:

Изучая условия, при которых возникает деструктивное подчинение, а также психологические процессы, которые приводят к попытке снять с себя ответственность, Милгрэм осуществил, с моей точки зрения, одно из самых нравственно значимых исследований в современной психологии.

(Из: *Social Psychology and Social Relevance*, Little,
Brown and Company, 1972)

Приложение II

Модели поведения людей

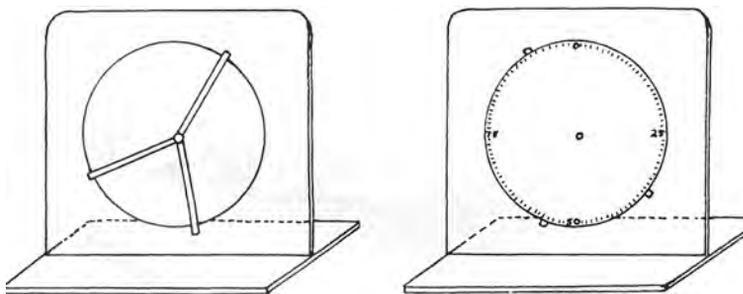
Чтобы лучше понять, почему одни люди подчиняются экспериментатору, а другие не подчиняются, мы предложили испытуемым ряд индивидуальных тестов. В частности, чтобы разобраться, расходятся ли послушные и непослушные участники в своем понимании ответственности, испытуемым в первых четырех вариациях эксперимента дали «часы ответственности». Они представляли собой диск, который испытуемый мог разделить на три сектора с помощью подвижных стрелок. После эксперимента испытуемых просили «разрезать пирог на три части» сообразно ответственности, которую несут три действующих лица (экспериментатор, испытуемый и жертва). Мы спрашивали: «В какой мере каждый из нас несет ответственность за то, что этот человек получал удары током вопреки своей воле?» Экспериментатор считывал результаты с обратной стороны диска, размеченной как 360-градусный круг.

В целом испытуемые не испытывали особых затруднений при выполнении задания. Результаты по 118 испытуемым, которым был предложен этот тест, показаны в таблице 9.

Таблица 9. Представления непослушных и послушных испытуемых об ответственности

	n	Экспериментатор	«Учитель»	«Ученик»
Непослушные испытуемые	61	38,8%	48,4%	12,8%
Послушные испытуемые	57	38,4%	36,3%	25,3%

Основной вывод состоит в следующем: непослушные испытуемые брали основную ответственность за страдания «ученика» на себя: 48% ответственности они взяли на себя и 39% — отвели экспериментатору. Несколько иначе обстоит дело с послушными испытуемыми: они не считали, что несут бóльшую ответственность, скорее наоборот. Еще большая разница наблюдалась при определении меры ответственности «ученика». Послушные испытуемые возлагали на него вдвое бóльшую ответственность за его же собственные страдания, чем непокорные. Когда их спрашивали об этом, они отвечали, что он вызвался добровольно и плохо учился.

Илл. 20. «Часы ответственности»

Таким образом, бунтари чаще берут на себя основную ответственность, чем подчиняющиеся. И они считают менее ответственным «ученика». Конечно, эти оценки делались уже после эксперимента, и неизвестно, насколько они отражают устойчивые склонности послушных и непослушных испытуемых, или были просто психологической корректировкой постфактум.

Доктор Алан Элмс провел ряд психологических тестов приблизительно с 20 послушными и 20 непослушными испытуемыми, которые участвовали в эксперименте с непосредственной близостью. Основной вывод: налицо взаимосвязь между подчинением в эксперименте и результатом по Ф-шкале. Эта шкала была изобретена Адорно и его коллегами для измерения склонности к фашизму (Adorno, 1950). Элмс обнаружил, что послушные испытуемые отличались большей степенью авторитарности (более высокий результат по Ф-шкале), чем непослушные. Это может показаться тавтологичным, но Элмс объясняет:

Взаимосвязь между подчинением и некоторыми элементами авторитаризма выглядит довольно сильной. И не будем забывать, что мера подчинения есть мера реальной покорности авторитету, а не прогнозирование своих поступков. Слишком многие исследования по авторитарности... проводились на уровне письменных вопросов и ответов, когда само поведение не наблюдалось. А здесь у нас есть люди, которые либо подчиняются указаниям авторитета, либо не подчиняются им, причем в реалистической и очень тревожной ситуации... Создается впечатление, что эти исследователи конца 1940-х годов вышли на нечто, что может быть транслировано из абстрактных тенденций в настоящее авторитарное поведение: подчинение человеку,

стоящему у руля, и наказание более слабого подчиненного (р. 133).

(Social Psychology and Social Relevance, 1972)

Взаимосвязь между результатом по Ф-шкале и поведением в ходе эксперимента интересна, но не очень сильна. На мой взгляд, это обусловлено несовершенством подобных опросников. Трудно соотнести поведение с личностью, поскольку мы недостаточно знаем о том, как измерять личность.

Еще одну попытку найти корреляты подчинения предпринял Лоренц Кольберг, мой коллега по Йельскому университету. Кольберг разработал шкалу нравственного развития, основанную на теории, что в процессе взросления индивиды проходят ряд стадий морального суждения. Проведя пилотные исследования с помощью группы из 34 йельских студентов, он обнаружил: непослушные стояли на более высокой степени нравственного развития, чем послушные. Опять-таки эти результаты интересны, но далеко идущих выводов делать не стоит (Kohlberg, 1965).

Я и сам собрал некоторую информацию об испытуемых сразу после их участия в эксперименте. К результатам следует относиться с осторожностью, но общие тенденции можно обозначить. Между республиканцами и демократами нет существенных различий в степени подчиняемости. Католики послушнее иудеев и протестантов. Образованные люди были не очень сговорчивыми в сравнении с менее образованными. Представители таких областей, как право, медицина и педагогика, более склонны к неподчинению, чем люди, занятые в технических профессиях, скажем, инженерном деле и физике. Чем дольше человек служил в армии, тем большую выказывал степень подчиняемости, но бывшие офицеры были менее послушны, чем бывшие рядовые (независимо от срока службы последних).

Таковы результаты по первым четырем экспериментальным условиям (из серии с непосредственной близостью). По непонятным причинам многие из этих закономерностей не наблюдались, когда мы перешли к другим вариациям эксперимента. (Ведь смысл подчинения и неподчинения в этих ситуациях несколько разных.) В общем и целом, я удивлялся, как мало обнаруживается коррелятов для подчинения и неподчинения и насколько слабо они соотносятся с наблюдавшимся нами поведением. Я уверен, что у подчинения и неподчинения есть сложная основа в человеческой личности. Но я знаю, что мы еще не нашли ее.

Как бы то ни было, ошибочно полагать, что неподчинение соотносится с какой-либо одной чертой характера или что подчиняются только плохие люди, а хорошие не подчиняются. Ситуация многогранна и взаимодействует со столь разными сторонами личности, что сложно делать какие-то обобщения. Более того, характер испытуемого, по-видимому, не так сильно влияет на его поведение в ходе эксперимента, как думают большинство читателей. Ибо современная социальная психология дает нам важный урок: зачастую поступки определяются не столько тем, что он собой представляет, сколько тем, в какую ситуацию попал.

Примечания

1. *Предварительная и основная части.* Как показали предварительные испытания, процедура зачитывания слов и нанесения ударов током требует навыка: у человека не сразу получается выполнять ее гладко. Поэтому перед основной частью «учителю» давали возможность зачитать «ученику» предварительную серию из десяти слов. В эту серию входили всего три нейтральных слова (т. е. слова, которые «ученик» назвал правильно). Таким образом, электрошок применялся в остальных семи случаях, с максимальным разрядом в 105 вольт («умеренный разряд»). К окончанию предварительной части почти всем испытуемым удавалось освоить процедуру. Затем испытуемым давали второй список и говорили, что процедура аналогична первому списку. Однако экспериментатор добавлял:

«Когда дойдете до конца списка, повторите его снова. И продолжайте наносить удары, пока “ученик” не выучит правильно все пары слов».

Экспериментатор дает испытуемому следующую инструкцию:

«Начните с 15 вольт и увеличивайте уровень разряда на один шаг всякий раз, когда “ученик” дает неверный ответ».
2. Ни один испытуемый, дошедший до 30-го уровня, не отказывался продолжать использовать его.
3. David Mark Mantell, “The Potential for Violence in Germany,” *Journal of Social Issues*, Vol. 27, No. 4 (November 4, 1971), pp. 101–12.

4. В последнее десятилетие ученые стали углубленно изучать влияние физического соседства на поведение. См., например, Edward T. Hall, *The Hidden Dimension* (New York: Doubleday, 1966).
5. Недавно я узнал, что некоторые ученые (Sheridan & King, 1972) воспроизвели эксперименты с подчинением, используя следующую модификацию: брали не подставную (человеческую) жертву, а реальную — щенка, который действительно получал удары током, визжал, выл и метался от боли. В качестве испытуемых использовались как мужчины, так и женщины. Результат: «Все женщины без исключения следовали указанию наносить щенку удары током до самого конца шкалы». См. также Kilham & Mann, 1972.
6. Это следует из данных по нервозности. По окончании опыта каждого испытуемого просили указать на шкале, сколь напряженным и нервным он был в момент максимального напряжения. Мы собрали эти данные по 21 экспериментальному условию, включая данное условие. Результат: послушные женщины констатировали у себя большее напряжение, чем любая из 20 групп послушных мужчин. Чем это обусловлено? Возможно, женщины действительно нервничали больше мужчин. Но возможно, они меньше стеснялись сообщить об этом. Как бы то ни было, у *послушных* женщин указанная степень напряженности была выше, чем в любом из 20 других условий. Этого нельзя сказать о женщинах, проявивших неподчинение. Степень нервозности, которую они указывают, идентична средней степени нервозности у мужчин, проявивших неподчинение.
7. Хофлинг и другие ученые исследовали случаи, когда медсестры не ставили под вопрос распоряжения врачей касательно передозировки лекарств. См. Charles K. Hofling, E. Brotzman, S. Dalrymple, N. Graves, C. Pierce, "An Experimental Study in Nurse-Physician Relationships," *The Journal of Nervous and Mental Disease*, Vol. 143, No. 2 (1966), pp. 171–80.

8. Идея, что дело в содержании приказа, вовсе не взята с потолка. Она основана на многочисленных исследованиях в области социальной психологии, которые показывают, как может вести себя человек, когда над ним не стоит какой-либо особый авторитет (Ash, 1951; Milgram, 1964).
9. Как тонко заметил де Токвиль, конформность есть логичный регуляторный механизм демократизированных отношений между людьми. Она «демократична» в том смысле, что давление призвано сделать человека не лучше или хуже тех, кто оказывает давление, а сделать его таким же. Подчинение возникает из неравенства в отношениях и сохраняет его. В своем наивысшем выражении оно может считаться идеальным регуляторным механизмом фашизма. Вполне естественно, что концепция управления, которая во главу угла ставит неравенство, возводит подчинение в абсолютную добродетель. Повиновение возникает в контексте иерархической социальной структуры, что подразумевает разное поведение руководителей и подчиненных. Неслучайно отличительными чертами Третьего рейха были доктрина о высших и низших группах и впечатляющие символы достойного и мгновенного подчинения с щелчком каблуками и готовностью выполнить приказ.
10. Я упрощаю. Хотя природа изобилует иерархическими организациями, люди не нуждаются в том, чтобы всегда действовать в их рамках. Клетка мозга не выживет без органа в целом. Однако человек относительно самодостаточен. И это избавляет его от полной зависимости от социальных систем. Он может и входить в такие системы, принимая соответствующие роли, и отделяться от них. Эта способность к двойному функционированию дает нашему виду максимальные преимущества в адаптации. Она позволяет сочетать безопасность и эффективность, которые дает организация, с новаторским потенциалом и гибкой реакцией индивида. С точки зрения выживания вида это оптимальный вариант.

11. Специалисты по детскому развитию давно поняли: «Первые социальные взаимоотношения связаны с признанием указаний авторитета и подчинением» (English, 1961, p. 24). Поначалу ребенок находится в полной зависимости и лишен возможности выбора. И обычно авторитет предстает перед ним с благожелательной и полезной стороны. И все же наблюдения свидетельствуют о том, что уже в возрасте двух-трех лет ребенок вступает в период необузданного негативизма, бросая вызов авторитету на каждом шагу и отвергая даже самые хорошие советы. Из всех поведенческих проблем, связанных с социальным приспособлением, самой серьезной проблемой родители считают непослушание (Stogdill, 1936). Зачастую в это время возникает напряженный конфликт между родителем и ребенком, и процесс созревания, поощряемый родительскими стараниями, обычно делает ребенка более послушным. Но *вечное непослушание детей, сколь бы сильно оно ни было, связано с отвержением авторитета и утверждением себя, отличается от взрослого непослушания тем, что ребенок не предполагает за собой никакой индивидуальной ответственности*. В отличие от тех форм неподчинения, которые мы можем глубоко ценить во взрослых людях, эта форма вызова не жидется на соображениях морали.
12. Техническая проблема, связанная с тем, как авторитет заявляет о своей легитимности, заслуживает серьезного внимания. Допустим, юноша получает письмо, в котором сказано, что это повестка от призывной комиссии. Из чего видно, что это и впрямь повестка, а не чей-то розыгрыш? Или даже так: из чего видно, что когда молодой человек придет в лагерь, указанный в письме, встреченные им люди в хаки и впрямь будут иметь право распоряжаться его жизнью? А вдруг это гигантская мистификация, осуществленная группой безработных актеров? Подлинный авторитет понимает, насколько легко имитировать признаки власти, и держится начеку, опасаясь самозванцев. Неслучайно так строги наказания за ложное притязание на авторитет.

13. Допустим, экспериментатор перемещался бы из одного частного дома в другой (с разрешения их владельцев), избирая для опыта гостиные этих домов. Его начальственная аура существенно поблекла бы вне лабораторной обстановки, которая обычно подкрепляет его статус.
14. О понятии «зоны безразличия» см. Herbert A. Simon, *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations*. New York: The Free Press, 1965.
15. Данную ситуацию хорошо иллюстрирует роман Германа Воука «Бунт на “Кайне”» (1952). Когда командир глуп, это в порядке вещей. Многие начальники отлично справляются, даже будучи некомпетентными. Проблема возникает лишь в том случае, когда авторитет, пользуясь своим положением, навязывает более толковым подчиненным ошибочную линию действий. Глупые начальники подчас могут быть весьма эффективными и иметь популярность у коллектива, пока отдадут инициативу в руки талантливых подчиненных.
«Бунт на “Кайне”» иллюстрирует и два других момента. Во-первых, даже если командир некомпетентен, бросить ему вызов очень сложно. Корабль чуть не затонул из-за неадекватных действий Квига, но Вилли и Кейт захватили контроль над ним лишь ценой колоссального внутреннего стресса и переживаний. Во-вторых, хотя бунт выглядит абсолютно нормальным в данной ситуации, принцип авторитета столь глубок, что автор — устами Гринвальда — во внезапной и драматической концовке ставит под сомнение нравственную основу бунта.
16. В книге «Психология масс и анализ человеческого “Я”» (1921) Фрейд отмечал, что человек подавляет собственные функции супер-эго, давая лидеру полное право решать, что хорошо, а что плохо.
17. В своем блестящем анализе социальных иерархий Кёстлер замечает: «Я неоднократно подчеркивал, что эгоистические импульсы человека несут значительно большую историческую опасность, чем интегративные тенденции.

Проще говоря, индивид, который слишком агрессивно утверждает себя, навлекает на себя наказание общества; он ставит себя вне закона, выпадает из иерархии. Верующий же еще сильнее встраивается в общество; он входит в лоно церкви, партии или какой-либо иной социальной ячейки, которой полностью придает свою идентичность». См. Arthur Koestler, *The Ghost in the Machine* (New York: The Macmillan Company, 1967), Part III, "Disorder," p. 246.

18. Интерпретация, согласующаяся с теорией когнитивного диссонанса. См. L. Festinger, 1957.
19. См. Erving Goffman, "Embarrassment and Social Organization," *The American Journal of Sociology*, Vol. 62 (November 1956), pp. 264–71. См. также Andre Modigliani, "Embarrassment and Embarassability," *Sociometry*, Vol. 31, No. 3 (September 1968), pp. 313–26; "Embarrassment, Facework, and Eye Contact: Testing a Theory of Embarrassment," *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 17, No. 1 (1971), pp. 15–24.
20. Если смущение и стыд — важные факторы, заставляющие испытуемого подчиняться, следует ожидать резкого снижения подчиняемости, когда условия для возникновения этих эмоций устраняются. Именно это и происходило в эксперименте 7, где экспериментатор уходил из лаборатории, отдавая приказы по телефону. Подчинение испытуемых было во многом обусловлено тем, что они общались с экспериментатором лицом к лицу. Некоторые виды подчинения — скажем, у солдата, посланного с одиночной миссией в тыл врага — требуют длительного послушания авторитету и соответствия между ценностями подчиненного и ценностями его начальника. Исследования Гарфинкеля и наш эксперимент показали, что для неподчинения должна разрушиться структура предпосылок социальной жизни. Мы наблюдали те же неловкость, смущение и страх перед неподчинением, которые имели место в опытах Гарфинкеля, где людей просили нарушить стереотипы повседневной жизни (Garfinkel, 1964).

21. Большинство людей неспособны предсказать поведение участников, поскольку не предвидят переход в агентное состояние и факторы, привязывающие индивида к нему. Предсказывая отказ от опыта, они рассматривают испытуемого как обычного человека, у которого задействованы все нравственные способности. И совершенно не учитывают фундаментальную реорганизацию его психической жизни, которая происходит в результате входа в агентное состояние.
- Проще всего скорректировать ошибочное предсказание человека, не знакомого с результатом эксперимента, сказав ему: «Содержание действия далеко не так важно, как вы думаете. Намного важнее взаимоотношения между исполнителями. Основывайте свое предсказание не на том, что участники делают или говорят, а на том, как они соотносятся друг с другом в рамках социальной структуры». Есть еще одна причина неправильных прогнозов. Общество пропагандирует идеологию, согласно которой действия индивида проистекают из его характера. Эта идеология имеет следующее практическое последствие: она стимулирует людей действовать так, *словно* только они одни контролируют свое поведение. Однако это глубоко искаженное представление о детерминантах человеческих поступков. И оно не позволяет дать точный прогноз.
22. Конрад Лоренц описывает сбой в ингибиторных механизмах, обусловленный появлением инструментов и оружия: «Этот принцип относится, и даже в еще большей степени, к использованию оружия с дистанционным контролем. Человек, который нажимает на кнопку, настолько закрыт от возможности видеть, слышать и эмоционально осознавать последствия своих поступков, что может совершать их беспрепятственно, — даже если наделен силой воображения». См. Konrad Lorenz, *On Aggression* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1966), p. 234.
23. См. N. J. Lerner, "Observer's Evaluation of a Victim: Justice, Guilt, and Veridical Perception," *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 20, No. 2 (1971), pp. 127–35.

24. В Принстоне: D. Rosenhan, *Obedience and Rebellion: Observation on the Milgram Three-Party Paradigm*. (Материал готовится к печати.)
В Мюнхене: D. M. Mantell, "The Potential for Violence in Germany." *Journal of Social Issues*, Vol. 27, No. 4 (1971), pp. 101–12.
В Риме: Leonardo Ancona & Rosetta Pareyson, "Contributo allo studie della agressione: La Dinamica della obediencia distruttiva," *Archiva di psicologia neurologia e psichiatria*, Anna XXIX (1968), fasc. IV.
В Австралии: W. Kilham & L. Mann, "Level of Destructive Obedience as a Function of Transmitter and Executant Roles in the Milgram Obedience Paradigm." Готовится к печати (1973) *Journal of Personality and Social Psychology*.
25. См. М. I. Orne & С. С. Holland и мой отклик на их отзыв: A. G. Miller (ed.) *The Social Psychology of Psychological Research*. New York: The Free Press, 1972.
26. Впрочем, не будем наивными. Все мы видели, что государство, контролирующее аппарат пропаганды, неизменно изображает свои цели в нравственно выгодном свете. В нашей собственной стране убийство мужчин, женщин и детей во Вьетнаме оправдывалось необходимостью спасти «свободный мир» и т. д. Мы видели, сколь легко эти заявления принимаются гражданами в качестве достойных целей. Диктатуры пытаются убедить массы в правомерности своих действий, ссылаясь на общепринятые ценности. Даже Гитлер не говорил, что уничтожит евреев из ненависти. Он мотивировал свои действия желанием очистить арийскую расу и создать более высокую цивилизацию, свободную от ослабляющих его паразитов.
27. Бирстедт вполне резонно замечает, что феномен власти даже более фундаментален, чем феномен государства: «...Проблема власти играет ключевую роль для любой адекватной теории социальной структуры... И даже государственное управление не сугубо политический феномен, но прежде всего феномен социальный... Матрица, из которой возникает государственное управление, сама

обладает упорядоченностью и структурой. Если анархия — противоположность государственному управлению, то аномия — противоположность обществу. Иными словами, власть не есть лишь сугубо политический феномен в узком смысле слова. Ибо она появляется не только в политической организации общества, но и во всякой организации. Всякое объединение в обществе, сколь угодно маленькое и временное, имеет свою структуру власти». Bierstedt, pp. 68–69.

28. Однако лейтенант Уильям Келли, командовавший взводом, ссылаясь затем на приказ сверху.

Военный прокурор утверждал, что такого приказа не существовало. Отметим: прокурор не оспаривал сам принцип, что солдат должен подчиняться приказам. Речь шла лишь о том, что Келли действовал самочинно, а потому несет ответственность за резню. Келли был признан виновным. Реакция американской публики на приговор Келли изучалась учеными (Kelman & Lawrence, 1972) и отнюдь не обнадеживает. 51% опрошенных заявили, что выполнили бы приказ, если бы им велели перестрелять всех жителей вьетнамской деревни. Келман делает вывод:

«Без сомнения, не все люди находят требования легитимных с виду авторитетов в равной степени убедительными. В эксперименте Милгрэма не все участники нанесли жертве максимально возможный удар током. И не все подчиненные Келли выполняли его приказ убивать безоружных мирных жителей. Те, кто оказал сопротивление в данных обстоятельствах, по-видимому, сумели сохранить ощущение личной причастности и ответственности, которыми мы обычно пользуемся в повседневной жизни... Тем не менее, судя по нашим данным, многие американцы думают, что не вправе противиться указаниям руководства. Действия Келли в Сонгми они считают нормальными и даже желательными, поскольку тот (с их точки зрения) исходил из подчинения законному авторитету».

Возникает вопрос, почему респонденты Келмана полагают, что подчинились бы командиру в Сонгми (хотя

предсказывая результаты нашего эксперимента они наверняка предсказали бы неподчинение).

Во-первых, Келман проводил свое исследование, когда страна все еще воевала с Вьетнамом. Ответы отражают отношение к войне и общее одобрение государственной политики. Если бы вопросы задавались в мирное время, число недовольных действиями Келли увеличилось бы. Данная реакция также отражала солидарность с американским солдатом, которого, по мнению большинства американцев, засудили. Во-вторых, задавать вопрос о подчинении в военном контексте значит ставить его в том ракурсе, который наиболее знаком среднему жителю: он знает, что солдат должен выполнять приказы. Ответы на опрос были продиктованы народной мудростью, слухами и знанием военного контекста. Однако это не предполагает понимания общих принципов подчинения, которое можно продемонстрировать лишь их правильным применением в новом контексте. Люди отдают себе отчет в том, что солдаты совершают убийства. Но они не видят, что такие действия суть логическое следствие процессов, которые в менее очевидной форме характерны для всего общества.

И наконец, данные ответы показывают, насколько американцы в своей оценке вьетнамской войны усвоили точку зрения властей. Им основательно промыла мозги государственная пропаганда. (На социальном уровне последняя есть способ внушить людям официальное понимание ситуации.) В этом смысле респонденты Келли не вполне находились вне системы авторитета, о которой их спрашивали, но пребывали под ее влиянием.

29. Henry Wirz, *Trial of Henry Wirz* (Commandant at Andersonville), House of Representatives, 40th Congress, 2nd Session, Ed. Doc. No. 23. (Письмо исполняющего обязанности военного министра в ответ на резолюцию Палаты представителей от 16 апреля 1866 года, с кратким описанием суда над Генри Вирцем. 17 декабря 1867 года (с приказом напечатать).)

30. Может показаться, что хорошим решением проблемы авторитета стал бы анархизм и полный отказ от политических институтов. Однако это отнюдь не выход. Во-первых, если наличие власти иногда ведет к совершению безжалостных и безнравственных поступков, отсутствие власти делает людей беззащитными перед теми, кто лучше организован. Если Соединенные Штаты откажутся от всех форм политической власти, итог будет совершенно ясен. Мы скоро падём жертвами хаоса, ибо общества с лучшей организацией всегда чувствуют возможности, которые предоставляет слабость, и пользуются ими.

Более того, наивно полагать, что это вопрос вечной борьбы благородного индивида с дурной властью. Ведь его благородство и ценности, которые индивид противопоставляет злонамеренному авторитету, от авторитета и заимствованы. И на каждого человека, который совершает зверства по указанию сверху, есть человек, который по этой же причине удерживается от жестоких поступков.

31. См. Jay Katz, *Experimentation with Human Beings: The Authority of the Investigator, Subject, Professions, and State in the Human Experimentation Process*, New York: Russell Sage Foundation, 1972. Этот солидный том (1159 страниц) содержит комментарии по поводу эксперимента Баумринд, Келмана, Ринга и Милгрэма. Есть также материал доктора Пола Эрреры (с. 400), который взял интервью у некоторых участников эксперимента. Интересные дискуссии по поводу этического аспекта нашего исследования см. в: A. Miller, *The Social Psychology of Psychological Research*; A. Elms, *Social Psychology and Social Relevance*.

Милгрэм Стэнли

ПОДЧИНЕНИЕ АВТОРИТЕТУ

Научный взгляд на власть и мораль

Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректор *С. Мозалёва*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*
Дизайн обложки *Ю. Буга*

Подписано в печать 29.10.2015. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 18 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина нон-фикшн»
123060, г. Москва
ул. Расплетина, д. 19, офис 2
Тел. +7 (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Эффект Люцифера

Почему хорошие люди превращаются в злодеев

Филип Зимбардо, пер. с англ., 2-е изд., 2014, 740 с.

Что побуждает хороших людей творить зло? Опираясь на исторические примеры и собственные исследования, автор знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента показывает, как ситуационные процессы и групповые взаимодействия людей соединяются в одну страшную силу, способную превратить приличных мужчин и женщин в монстров. Проясняя причины, вызывающие эти опасные метаморфозы, и предлагая способы противостояния, Зимбардо рисует явление во всем его многообразии, начиная от должностных преступлений, жестокого обращения с заключенными и пыток в тюрьме Абу-Грейб и заканчивая организованным геноцидом. Эта провокационная книга безжалостно обнажает природу человеческого поведения и заставляет нас задуматься о том, на что мы на самом деле способны — каждый по отдельности и вместе с другими, и по-новому взглянуть на самих себя.

Застенчивый ребенок

Филип Зимбардо, Ширли Рэдл, пер. с англ., 2015, 380 с.

Застенчивость — вовсе не невинная странность, как это кажется на первый взгляд, а настоящий враг, беспощадный и коварный. По результатам психологических опросов, более 40% людей считают себя застенчивыми и страдают от этого. Фобией номер один остается выступление перед аудиторией, уверенно опережая аэрофобию, боязнь насекомых, темноты и даже страх болезней и смерти. Для робких и застенчивых людей жизнь оборачивается настоящей тюрьмой и кошмаром. Особенно страдают дети, чье эмоциональное здоровье буквально разрушается под давлением внутренних страхов, порожденных патологической застенчивостью. Однако, как утверждает Филип Зимбардо, социальный психолог с мировым именем и выдающийся специалист в своей области, этот недуг поддается лечению.

Поток

Психология оптимального переживания

Михай Чиксентмихайи, пер. с англ., 4-е изд., 2015, 461 с.

В своей культовой книге выдающийся ученый Михай Чиксентмихайи представляет совершенно новый подход к теме счастья. Счастье для него сродни вдохновению, а состояние, когда человек полностью поглощен интересным делом, в котором максимально реализует свой потенциал, Чиксентмихайи называет потоком. Автор анализирует это плодотворное состояние на примере представителей самых разных профессий и обнаруживает, что эмоциональный подъем, который испытывают художники, артисты, музыканты, доступен в любом деле. Более того, к нему надо стремиться — и не только в целенаправленной деятельности, но и в отношениях, в дружбе, в любви. На вопрос, как этому научиться, и отвечает книга.

В поисках потока

Психология включенности в повседневность

Михай Чиксентмихайи, пер. с англ., 4-е изд., 2015, 194 с.

Как стать хозяевами собственной судьбы? Как получать радость от каждой минуты своего существования и при этом чувствовать, что идешь вперед? Как наполнить рутину смыслом? Выдающийся ученый Михай Чиксентмихайи продолжает тему своей культовой книги «Поток: Психология оптимального переживания» применительно к повседневности. Здесь он показывает важность состояния потока в кругу обычных дел, учит выявлять занятия, стимулирующие желание приложить все свои силы, и вносить соответствующие коррективы. Это касается и работы, и досуга, и отношений с окружающими, и воспитания детей. Овладев этими методами, каждый имеет шанс на достойную, содержательную, плодотворную и счастливую жизнь.

Эволюция личности

Михай Чиксентмихайи, пер. с англ., 2-е изд., 2015, 420 с.

Эта исключительно своевременная книга автора знаменитой теории счастья посвящена судьбам мира. Лишь активное и сознательное участие в эволюционном процессе поможет нам наполнить жизнь смыслом и радостью, считает Михай Чиксентмихайи, самый цитируемый психолог современности. Судьба человечества в следующем тысячелетии зависит от того, какими сегодня станем мы сами. Захотим ли мы ставить перед собой «сложные» задачи, освободиться от влияния «мемов», устаревших моделей поведения и манипулирования нашим сознанием? Объединение усилий множества людей, каждый из которых реализует собственный потенциал, и общественное переосмысление нашего эволюционного наследия позволяют обратиться к силе живительного потока на решение вызовов современности. В этом залог не только выживания нашего вида, но и его подлинного возрождения. Рекомендуется читать всем.

Стой, кто ведет?

Биология поведения человека и других зверей: в 2 т.

Дмитрий Жуков, 2014, 428 с.

Человек относится к биологическому виду, поэтому он подчиняется тем же закономерностям, что и другие представители животного царства. Это справедливо в отношении не только процессов, происходящих в наших клетках, тканях и органах, но и нашего поведения — как индивидуального, так и социального. Его изучают не только биологи и медики, но и социологи, и психологи, а также представители других гуманитарных дисциплин. На обширнейшем материале, подтверждая его примерами из медицины, истории, литературы и живописи, автор анализирует вопросы, находящиеся на стыке биологии, эндокринологии и психологии, и показывает, что в основе поведения человека лежат биологические механизмы, в том числе гормональные. В книге рассматриваются такие темы, как стресс, депрессия, ритмы жизнедеятельности, психологические типы и половые различия, гормоны и обоняние в социальном поведении, питание и психика, гомосексуализм, виды родительского поведения и т. д. Благодаря богатому иллюстративному материалу, умению автора просто говорить о сложных вещах и его юмору книга читается с неослабевающим интересом.

Воспоминания

Виктор Франкл, пер. с нем., 2015, 196 с.

Жизнь Виктора Франкла, знаменитого психиатра, создателя логотерапии, стала для многих людей во всем мире уроком мудрости и мужества, поводом для вдохновения. В 1945 году он оказался в числе немногих, кто сумел уцелеть в Освенциме. Страшный опыт концлагеря обогатил его профессионально как психотерапевта, и миссией ученого стала помощь людям в поисках смысла жизни. В этой книге Франкл, с присущим ему обаянием скромности, повествует о детстве и юности в Вене, о работе в психиатрической клинике между двумя мировыми войнами, о выживании в концлагере и жизни после войны. Он поясняет свои расхождения с Зигмундом Фрейдом и Альфредом Адлером и уточняет их влияние на логотерапию, приводит множество подробностей о становлении психоанализа и различных его направлений. Автобиография Виктора Франкла — уникальное свидетельство очевидца главных событий и духовных смятений XX века.

Сказать жизни «Да!»

Психолог в концлагере

Виктор Франкл, пер. с нем.,
6-е изд., 2015, 239 с.

Эта удивительная книга сделала ее автора одним из величайших духовных учителей человечества в XX веке. В ней философ и психолог Виктор Франкл, прошедший нацистские лагеря смерти, открыл миллионам людей всего мира путь постижения смысла жизни. Дополнительный подарок для читателя настоящего издания — пьеса «Синхронизация в Биркенвальде», где выдающийся ученый раскрывает свою философию художественными средствами.

Никогда не сдаваться!

Лучшие речи Черчилля

Уинстон Черчилль, пер. с англ., 2014, 644 с.

Уинстон Черчилль известен не только как выдающийся политик, но и как один из самых ярких ораторов XX века. Его вдохновляющие речи вошли в историю, многие фразы стали крылатыми, а такие словосочетания, как «железный занавес», приобрели статус понятий общественно-политической лексики. В настоящем издании внук Уинстона Черчилля сумел собрать самые важные тексты из его выступлений, отказываясь от многого ради лучшего. В результате читатель имеет возможность познакомиться с богатейшим риторическим наследием знаменитого политика за более чем 60-летний период его активной политической деятельности.

Вторая мировая война

В 3 кн.

Уинстон Черчилль, пер. с англ., 7-е изд., 2016, 635 с.

Шеститомный труд У. Черчилля — героическая эпопея народов, выступивших против планетарной опасности, написанная выдающимся политиком, скрупулезным историком и талантливым литератором. Это летопись повседневного руководства страной государственного деятеля, чей вклад в общее дело победы антигитлеровской коалиции ни у кого не вызывает сомнений. Это размышления над прошлым, призванные послужить наизиданием потомкам. В первой книге публикуются в сокращенном переводе с английского I и II тома мемуаров и описаны события с 1919 года по декабрь 1940 года, которые привели к ненужной, по словам автора, войне, которой можно было избежать.

Исламское государство

Армия террора

Майкл Вайс, Хасан Хасан, пер. с англ., 2016, 346 с.

После того как в июне 2014 года «Исламское государство» захватило иракский город Мосул и объявило о создании всемирного халифата, политики, политологи и журналисты разных стран задались вопросами: откуда взялась эта группировка и каковы ее истинные цели? До сих пор мало кто может дать на них четкие ответы. А между тем на сегодняшний день ИГ превратилась в одну из самых опасных организаций в истории человечества и, стерев границы государств, взяла под свой контроль территорию, сравнимую по площади с Великобританией. Массовые казни, этнические чистки, разрушение исторических памятников, официальное возрождение рабства — этот список ее преступлений далеко не полон. Современная цивилизация стоит перед лицом новой глобальной угрозы. Чтобы остановить ее, необходимо точно знать, что она собой представляет. Журналисты Майкл Вайс и Хасан Хасан не один год вели репортажи из Сирии и Ирака. Их книга написана на основе личного опыта и десятков интервью с бывшими военными и представителями разведслужб США, западными дипломатами, сирийскими и иракскими правозащитниками, боевиками ИГ, агентами-нелегалами, а также простыми жителями региона.

На грани возможного

Наука выживания

Фрэнсис Эшкрофт, пер. с англ., 3-е изд., 2015, 434 с.

Если раньше экстремальные ситуации были уделом единиц, то теперь экстримом увлекаются миллионы. Но многие ли знают, как физиологические механизмы обеспечивают функционирование живого организма в самых суровых и не подходящих для его существования условиях? В жаре и в холоде, на горных вершинах, где почти нечем дышать, и в морских глубинах, где «закипает» кровь? Все это знакомо автору книги не понаслышке. Одна из самых выдающихся женщин-ученых мира Фрэнсис Эшкрофт поднималась на Килиманджаро и погружалась с аквалангом, прошла что-то вроде «крещения огнем» в горячей японской купальне и даже спасла жизнь человеку, оказавшемуся в ледяной воде. Ее книга не только увлекательное чтение и научное сочинение, но и практическое руководство по выживанию. И вполне возможно, она поможет вам в минуты высшего напряжения сил — идет ли речь о спорте, об аттракционе или о борьбе за жизнь.